3849

#1173

[illegible]

Сентяб. 1960 г.

ЛИКЕЙ,

ИЛИ

КРУГЪ СЛОВЕСНОСТИ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ:

сочиненіе

І. Ф. Лагарпа.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,

переведенная

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Дмитріемъ Соколовымъ,

и оною Академіею изданная.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ Типографіи В. Плавильщикова.

1814.

Indocti discant, et ament meminisse periti.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1913

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЙ
ПЯТОЙ ЧАСТИ.

стран.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ. КНИГА III.
Исторія, философія и слѣ-
шанная словесность. - - - - 1.
ГЛАВА II. *О древней философіи.* - —
——————— *предваритѣльныя понятія.* —
ОТДѢЛЕНІЕ I. *О Платонѣ.* - - - 13.
ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Плутархѣ.* - - - 83.
ОТДѢЛЕНІЕ III. *О Цицеронѣ.* - - - 107.
ОТДѢЛЕНІЕ IV. *О Сенекѣ.* - - - - 184.
ГЛАВА III. *О разныхъ родахъ древней*
словесности. - - - - - - - 361.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ИСТОРІЯ, ФИЛОСОФІЯ И СМѢШЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О древней философіи.

Предварительныя понятія.

Здѣсь не должно ожидать отъ меня тѣхъ подробныхъ изслѣдованій, въ которыя, по видимому, весьма сильно завлекли насъ стихотворство и краснорѣчіе древнихъ, и которыя я тщился соразмѣрять, сколько важность предметовъ и польза того требовали. Напротивъ того философія, къ разсмотрѣнію которой нынѣ приступаемъ, не можетъ быть всякому привлекательна и соотвѣтствовать понятію и вкусу каждаго. Она по важности своихъ предметовъ требуетъ напряженнаго вниманія, слѣдовательно не можетъ и привлекать его равными пріятностями. Когда наставленіе столько же дѣй-

ствуетъ надъ воображеніемъ и сердцемъ, сколько надъ умомъ и вкусомъ; тогда, такъ сказать, мы летимъ ему на встрѣчу; а естьли касается оно только до одного разсудка, тогда симъ пользуются только тѣ, которые къ тому себя предопредѣлили. Какъ бы то ни было, самое умствованіе иногда имѣетъ собственную свою пользу, и можетъ доставлять удовольствіе разуму, изощряя оный; но въ нашихъ здѣсь разсужденіяхъ не будутъ имѣть мѣста ни преніе, ни утомительное углубленіе; а предоставимъ сіе ученымъ людямъ, собственно себя посвятившимъ тому: имъ токмо однимъ принадлежитъ сравнивать Платона съ Аристотелемъ, Эпикура съ Зиноном и Портикъ съ Академіею; противуполагать ихъ, согласовать другъ съ другомъ и находить повсюду въ нихъ ясность, хотя они самихъ себя не понимали. Брукеръ, Деландъ и многіе другіе писатели во всю жизнь свою заблуждали въ лавиринѳѣ, который можно уподобить тѣмъ волшебнымъ замкамъ, гдѣ Аріостъ представляетъ намъ вооруженныхъ рыцарей, преслѣдующихъ и безпрестанно сражающихся, не зная другъ друга, которые оставивъ сіе мѣсто очарованія, чувствовали себя таковыми же, каковыми вошли туда, и увѣряли, что имъ наяву все сіе снилося.

Таковъ подлинно естъ успѣхъ вообще множества системъ, возникшихъ въ древнихъ и уже давно въ забвеніе пришедшихъ школахъ, изъ чего можно въ пользу древнихъ

заключить только то, что для нихъ предъ новѣйшими гораздо было извинительнѣе покуситься на предпріятіе, силы ихъ превосходящее. Уму человѣческому, который силится постигнуть начало вещей, то есть открыть то, до чего дойти никакъ не можетъ, было всегда самымъ сроднымъ заблужденіемъ то, что онъ, поставляя себя на мѣстѣ Творца, преобразуетъ въ умѣ своемъ произведеніе его могущества, а отъ сего произошло, что каждый философъ созидалъ міръ по своему: одинъ изъ огня, другой изъ воды, третій изъ эѳира, а иной наконецъ изъ атомовъ. Но я не намѣренъ занять васъ здѣсь изъясненіемъ сихъ міротвореній, которыя любопытные всюду видѣть могутъ, и изъ коихъ однакоже ниодно къ щастію не имѣло худыхъ послѣдствій, даже система Картезіева и система Лейбницева не больше опасны были, хотя они менѣе заслуживаютъ извиненія по той причинѣ, что опыты толь многихъ вѣковъ могли бы сихъ мужей убѣдить въ томъ, что мы ограничивать должны себя только познаніемъ твореній и наблюденіемъ явленій, не домогаясь постигнуть первыя причины, коихъ тайна по такому же праву принадлежитъ единому Богу, какъ и самое твореніе: ибо то и другое предполагаютъ безконечную премудрость и могущество.

Не прежде однакожъ престали толковать ѳеорію и могущество предвѣчнаго Зиждителя, доколѣ два мужа, Невтонъ и Локкъ,

явившіе величайшія усилія, одинъ въ математикѣ, а другой въ метафизикѣ, и открывшіе съ возможною точностію, первый законы движенія, а послѣдній дѣйствія человѣческаго разума, тотъ и другой въ тоже время не признался, что не возможно постигнуть причину, приводящую тѣло въ движеніе, ниже дѣйствія мыслящей способности, предразполагающей человѣческое тѣло къ движенію. Тогда нѣкоторые *философы* (ибо самые безбожники присвояютъ себѣ сіе наименованіе, и даже предпочтительно) принялись съ другой стороны, и составили огромныя книги, какова *система природы*, дабы вразумить насъ, что міръ не имѣетъ надобности въ причинѣ, что все существуетъ и содержится *само собою* въ непреложномъ и вѣчномъ порядкѣ, и сіе необъятное свое словосплетеніе и умствованіе вовсе непонятныя заключили симъ великимъ открытіемъ: *все идетъ такъ, потому что все существуетъ такъ.* Сему-то глубокому и блистательному изобрѣтенію обязанъ міръ, что благополучно онъ остается доселѣ тѣмъ, что есть! А въ семъ отношеніи не могли быть опасны бредни нашихъ *философовъ*, и они столь же мало имѣютъ возможности разстроить физическій міръ, сколько его и понимаютъ. Однакоже вы можете изъ сего разсудить, какъ бы они съ нимъ поступили, естьли бы Творецъ благоволилъ на самое кратчайшее время предоставить его разпоряженію ихъ, такъ какъ предоста-

вилъ имъ свободу въ мигъ составить опытъ нравственнаго и политическаго ихъ міра.

Не смотря на существенный недостатокъ всѣхъ системъ древней философіи въ разсужденіи первыхъ началъ вещей, было бы нетрудно показать, естьли бы касалась до нашего предмета физика, что древніе, по крайней мѣрѣ о многихъ членахъ общей и частной физики, имѣли основательныя, тонкія и обширныя понятія; впрочемъ познанія ихъ всегда больше или меньше были недостаточны и безплодны по двумъ причинамъ, во-первыхъ по недостатку успѣховъ въ математикѣ, въ коей успѣли они, какъ извѣстно, не далѣе механики, въ которой прославился Архимедъ; во вторыхъ по недостатку метода, состоящаго въ точномъ и совершенномъ изслѣдованіи и въ строгой діалектикѣ: математикою объемлются предметы во всѣхъ частяхъ, а діалектикою опвергается все, что не доказано, и положеніе (hypothese) не приемлется за основаніе. Методъ оный открытъ уже новѣйшими философами, чрезъ что они наиболѣе утвердили свои успѣхи въ естественныхъ познаніяхъ, и простерлися весьма далеко въ томъ, что относится до математики и физики. Однако при всемъ томъ одному изъ древнихъ одолжены мы тѣмъ, что онъ изъ логики сдѣлалъ науку, а изъ умствованія искуство, какъ-то видѣли мы, говоря объ Аристотелѣ. Самъ же онъ не только не возпользовался плодомъ, ожидаемымъ отъ сего

изобрѣтенія, но даже проложилъ путь къ заблужденію Схоластикамъ, которые послѣдуя ему, сдѣлали вредное употребленіе изъ сихъ отвлеченій, извѣстныхъ подъ именемъ Категорій и общихъ свойствъ, и включили въ число существъ то, что въ умѣ только существуетъ. И такъ діалектика его силою неоспоримыхъ доказательствъ не къ иному чему послужила, какъ только къ преоборенію словесныхъ лжеумствованій и нелѣпыхъ софистическихъ тонкостей, надъ которыми Сократъ и Платонъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, такъ много издѣвалися. Безъ сомнѣнія хотя онъ и оказалъ тѣмъ услугу разуму человѣческому; но сей способъ, изобрѣтенный имъ къ преоборенію заблужденія, не можетъ служить къ утвержденію истинны. Его метафизика состояла только во множествѣ раздѣленій и подраздѣленій, въ весьма строгія правила приведенныхъ; но заключенія ихъ суть совершенно пустыя и ложныя; а общая его физика представляетъ только существенныя образованія (formes substantielles) и сокровенныя качества (qualités occultes), то есть слова приемлемыя вмѣсто самыхъ вещей; слѣдовательно та и другая заключаютъ то главнѣйшее неудобство, что открываютъ пространное поприще къ преніямъ, не приводящимъ къ ихъ разрѣшенію, такъ что въ семъ случаѣ самыя погрѣшности долженствовали быть безполезными, какъ-то онѣ въ самомъ дѣлѣ столь долгое время втунѣ и оставались; напротивъ того въ преніи о вещахъ и самыя

заблужденія не бываютъ безплодны; потому что наконецъ строжайшее изслѣдованіе доводитъ до истины, и прящіеся начинаютъ понимать другъ друга и соглашаются.

Однакожъ сіе не препятствуетъ мнѣ быть одного мнѣнія съ тѣми, которые мыслятъ объ Аристотелѣ, что онъ былъ одаренъ умомъ несравненно основательнѣйшимъ и проницательнѣйшимъ, нежели Платонъ. Причину того вы уже видѣли, когда я говорилъ о его умопроизведеніяхъ, которыя имъ обработаны съ отмѣнною разсудительностію и весьма удачно, каковы суть поэзія, риторика, нравственная философія и самая политика, хотя послѣдняя по предмету своему не принадлежитъ къ нашимъ занятіямъ. Въ сихъ своихъ твореніяхъ онъ умѣлъ употребить тотъ вкусъ въ раздробленіи понятій и ту рѣдкую точность проницанія, которыми отличается не токмо отъ древнихъ, но и нынѣшнихъ философовъ, и коими онъ приобрѣлъ въ древности проименованіе *главы философовъ*. Здѣсь-то употреблялъ онъ изящный свой методъ разпредѣлять на классы, опредѣлять, и приводить вещи въ виды, и тѣмъ ограждалъ себя отъ злоупотребленія отвлеченностей, которыя въ другихъ случаяхъ часто приводили его въ заблужденіе. Когда онъ говоритъ о краснорѣчіи, стихотворствѣ, о нравахъ и о правленіи; то вездѣ разсуждаетъ о природѣ человѣческой такъ, какова она есть, и основывается на опытахъ; а сіе самое ведетъ

его къ правильнымъ и плодовитымъ заключеніямъ: онъ не занимается пустыми умствованіями, по примѣру Платона, основавшаго свою республику, которая сохранилась только въ книгахъ, какъ то и долженствовало съ нею случиться; но съ великимъ остроуміемъ разбираетъ причины благоустройства и неустройства различныхъ образовъ правленія; а потому всѣ лучшіе писатели о народныхъ правахъ руководствуясь имъ, почерпали болѣе у него пользы, нежели у Платона, у коего заимствовать можно однѣ токмо частныя понятія и отдѣльныя истины, никогда не доставляющія такой пользы, какая проистекаетъ отъ общихъ и хорошо соображенныхъ умозрѣній.

За то въ метафизикѣ и нравственной наукѣ никто изъ древнихъ не превзошелъ Платона, хотя не льзя сумнѣваться, чтобы онъ не былъ одолженъ славою своему наставнику Сократу въ томъ, что первый положилъ нравоученію единственное и твердое основаніе, какое оно только имѣть можетъ, о единствѣ Бога, о безсмертіи души, о мукахъ и наградѣ въ будущей жизни. Въ разговорахъ Платоновыхъ обыкновенно Сократъ изъясняетъ сіи коренныя правила, коего хотя никакихъ сочиненій не находится, кромѣ нѣкотораго собранія писемъ *); но по

*) Сократъ въ послѣдніе дни жизни своей занимался между прочимъ преложеніемъ Езоповыхъ басней въ стихи.

свидѣтельству всѣхъ древнихъ правила сіи ему принадлежатъ, которыя онъ преподавалъ всенародно, и изъ сочиненій ученика его мы познаемъ мудрость учителя его. Невѣроятно однакоже то, чтобы Платонъ почерпнулъ отъ Сократа умствованія свои о естествѣ міра и о нѣкоторомъ образѣ Іерархіи, которую онъ полагаетъ между различными существами, управляющими міромъ или его населяющими: напротивъ того кажется, что вся сія философія, основанная только на однихъ догадкахъ, несогласна была съ духомъ Сократа, который отнюдь не одобрялъ устраняющихся въ сіи высокомѣрныя умозрѣнія о такихъ предметахъ, которыхъ человѣкъ никакъ не можетъ постигнуть безъ особливаго Божія содѣйствія. И потому не Сократъ, но Тимей Локрійскій *) разсуждаетъ въ разговорѣ, названномъ

---

*) Тимей, ученикъ Пиѳагоровъ, жилъ безъ сомнѣнія прежде Сократа, и Платонъ представилъ его главнымъ лицемъ въ разговорѣ, о которомъ мы скоро говорить будемъ, и котораго не должно смѣшивать съ другимъ его сочиненіемъ подъ заглавіемъ *о существѣ и душѣ міра*, вышедшемъ въ свѣтъ во 2 уже столѣтіи нашего лѣтосчисленія подъ именемъ упомянутаго Тимея Локрійскаго. Сіе небольшое разсужденіе содержитъ почти всю систему, заключающуюся въ сочиненіяхъ Платона; и потому съ начала думали, что Платонъ ученіе свое о міротвореніи заимствовалъ отъ Тимея, но послѣ вѣроятнѣе оказалось, что разсужде-

по его имени: впрочемъ можно догадываться, что когда Платонъ влагалъ въ уста Сократу мысли сего рода, то во первыхъ для того, чтобы опереться на славѣ такого человѣка, котораго вся Грецiя признала мудрѣйшимъ изъ смертныхъ, при томъ и для того, чтобы оградить себя самаго такимъ именемъ, которое содѣлалось еще почтеннѣе съ того времени, какъ разкаяніе Аѳинянъ освятило память его, дабы загладить тѣмъ несправедливое его осужденіе. Одинъ изъ древнихъ даже повѣствуетъ намъ, что Сократъ, слушая разговоръ подъ именемъ *Лизисъ*, сочиненный Платономъ еще въ юности его, въ которомъ представленъ имъ Сократъ, разглагольствующій *о причинахъ любви и*

ніе сіе принадлежитъ какому нибудь Платонову послѣдователю втораго вѣка, который хотѣлъ придать больше силы Платонову ученію, представивъ его болѣе древнѣйшимъ. Такого мнѣнія суть лучшіе критики. Имѣя въ виду свидѣтельство Плутарха, упоминающаго о семъ Тимеѣ, не льзя почти сумнѣваться, чтобы не было какого отношенія между его и Платоновою философіею. Впрочемъ естьли философія послѣдняго была не что иное, какъ только извлеченіе изъ другихъ, и ежели бы она не принадлежала ученику Сократову; то не льзя бы ему удержать за собою славы чрезъ столько вѣковъ; и сей родъ присвоенія навлекъ бы ему укоризну отъ древнихъ критиковъ, весьма вникавшихъ въ изслѣдыванія сего рода, притомъ же и школа называлась бы Тимеевою, а не Платоновою.

дружбы между людьми, воскликнулъ, *сколько прекраснаго влагаетъ мнѣ въ уста сей юный человѣкъ, о чемъ я даже никогда не мыслилъ!* Ежели Платонъ при жизни еще Сократа поступилъ на сіе ухищреніе; то весьма вѣроятно, что онъ послѣ смерти его еще менѣе въ томъ совѣстился, особливо по тому, что писалъ о такихъ предметахъ, которыхъ не льзя было безъ опасности излагать толико недовѣрчивому народу, каковы были Аѳиняне, наипаче касавшагося до богопочтенія, какъ-то многіе примѣры бывшіе прежде и послѣ Платона намъ показываютъ.

Съ него начну я сіе краткое изложеніе всего того, что можемъ почерпнуть полезнѣйшаго изъ философіи древнихъ въ двоякомъ отношеніи, то есть гдѣ они посредствомъ природнаго своего разума наиболѣе приближились къ истиннѣ, и гдѣ весьма ощутительныя сдѣлали уклоненія отъ оной, въ которыя ввергло ихъ неизбѣжное несовершенство тогоже самаго разума. Вотъ порядокъ, которому я предполагаю слѣдовать въ семъ сокращеніи, цѣлію своею имѣющемъ только то, чтобы преподать ясныя, и, ежели можно будетъ, полезнѣйшія понятія для тѣхъ, которые не захотятъ заняться чтеніемъ множества древнихъ и новѣйшихъ писателей, требующимъ большаго вниманія и свободнаго времени безъ дальней пользы. По томъ послѣдуютъ Плутархъ, Цицеронъ и Сенека, которые совокупно съ Платономъ

заключаютъ въ себѣ основаніе Греческой философіи; поелику Латинская философія вся заимствована изъ другихъ философій, къ тому же сіи четыре философа почитаются равномѣрно въ числѣ отличныхъ писателей; то тѣмъ наипаче принадлежатъ къ нашимъ занятіямъ по ихъ отношенію вообще къ кругу словесности, которая однакоже не будетъ здѣсь составлять главнаго предмета нашей рѣчи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Платонъ.

Всѣ древніе философы почитали матéрію вѣчною, и несогласны были только въ томъ, какъ устроился общій чинъ физическихъ вещей, называемый *міромъ*. Одни приписывали сіе нѣкоторой движущей силѣ, повсюду разпространенной, которую они именовали *душею міра*; другіе приписывали сáмому движенію, которое въ послѣдствіи временъ содѣйствовало къ совокупленію разныхъ стихій, смотря по существу ихъ и отношеніямъ, нѣкоторые той, либо другой стихіи въ особенности, какъ-то водѣ или огню, поставляя оныя началомъ, производящимъ и сохраняющимъ; иные нѣкоему роду симпатическаго притяженія однородныхъ частей; а нѣкоторые самый міръ наименовали Богомъ, что у Стоиковъ называлось *всяческая*. Но здѣсь было бы излишне повторять тоже самое, о чемъ уже говорено было неоднократно, колико всѣ сіи положенія были нелѣпы и сами по себѣ противорѣчущи, хотя впрочемъ нѣтъ изъ нихъ почти ниодного, которое бы болѣе или меньше не возродилося въ новыхъ сочиненіяхъ о матеріализмѣ, коихъ творцы, кажется, во всей подробности возобновили сумабродство, осипававшееся чрезъ столько вѣковъ въ забвеніи, по тому єдинственно, что послѣднія ихъ въ физикѣ и химіи открытія подали поводъ къ возстановленію старинныхъ странностей въ новыхъ

выраженіяхъ. Достойно замѣчанія то что стихотворцы, естественно во всемъ наклонны будучи къ общимъ мнѣніямъ, приближились въ семъ случаѣ болѣе къ здравому разсудку, нежели всѣ сіи міровъ строители. Ибо древніе стихотворцы поражаясь, какъ и всѣ вообще люди, согласіемъ господствующимъ во вселенной, которое уму нашему возвѣщаетъ о Верховномъ Существѣ, подобно тому, какъ солнце взору нашему являетъ день, всѣ изображали боговъ естьли не въ видѣ зиждителей, по крайней мѣрѣ устроителями міра и виновниками порядка, заступившаго мѣсто хаоса; и по тому не льзя не согласиться, чтобы сей образъ древняго міротворенія, возпѣваемаго Исіодомъ и Овидіемъ, не былъ гораздо ближе къ здравому смыслу, нежели міротвореніе Ѳалесово и Анаксагорово.

Самъ Платонъ не постигалъ созданія міра, такъ какъ оно изображено въ книгѣ Бытія, то есть дѣйствія всемогущества Божія, произведшаго все изъ ничего по единой волѣ: что однако же не можетъ быть отнесено Платону въ укоризну; ибо понятіе сіе свыше есть человѣческихъ силъ, и иначе не могло быть постигнуто, какъ только чрезъ откровеніе. Одна метафизика въ послѣдствіи постигла и доказала, что сотвореніе міра для насъ непостижимое должно принадлежать непреложно превѣчному и безконечному могуществу, то есть единому Богу. Платонъ по крайней мѣрѣ однако же позналъ, что міръ не есть без-

началенъ, и что единъ Богъ былъ творецъ онаго. Сіе найпаче видѣть можно у него въ Тимеѣ, который изъясняетъ сію истинну; въ прочихъ же разсужденіяхъ своихъ онъ не столь положительно сіе излагаетъ, и по видимому оставляетъ вѣчность міра въ сумнѣніи, которое вообще у него примѣчается, гдѣ онъ сего вопроса касается постороннимъ образомъ; напротивъ того въ Тимеѣ разсуждая о семъ именно, представляетъ Бога вездѣ, яко вѣчнаго и верховнаго зиждителя. По его мнѣнію все сотворилъ Богъ по благости своей, и устроилъ весь міръ по предначертанію въ мысли его предположенному, которое было непремѣнно изъ возможнолучшихъ по мѣрѣ могущества, премудрости и благости Создателя его. Изъ чего видно, что Платонъ есть первый, который причиною сотворенія полагалъ благость свойственную существу божескому, и также первый положилъ основаніе тому, что у новѣйшихъ извѣстно подъ именемъ оптимизма: что самое подало поводъ къ безчисленнымъ преніямъ, по тому что болѣе или менѣе всегда въ одно сливали двѣ весьма различныя вещи, то есть благость относительную и благость самобытную, изъ коихъ первая принадлежитъ человѣческимъ понятіямъ, а послѣдняя Божеству. Сія ошибка великую составляетъ важность въ метафизикѣ, и имѣетъ весьма важныя слѣдствія; но изслѣдованіе оной не принадлежитъ сюда, а относится къ другому мѣсту.

Платонъ не менѣе правъ и въ сказанномъ имъ о Богѣ, что онъ не могъ быть виновникомъ нравственнаго зла, или *ерѣха*; ибо слово сіе нынѣ употребляется у насъ въ церковномъ нарѣчіи, а у древнихъ оно принималось въ смыслѣ философскомъ. Но Платонъ не простирался въ семъ далѣе, да и не могъ сдѣлать сего во первыхъ по тому, что по видимому онъ не зналъ метафизической теоріи о свободѣ свойственной разумному существу, о которой нигдѣ не упоминаетъ, а также и по тому, что нравственное неустройство онъ относитъ къ противоборствію матеріи, то есть непостоянству страстей свойственныхъ душѣ чувственной: ибо мы вскорѣ увидимъ, что онъ, какъ и всѣ почти древніе, полагалъ различіе между духовною и вещественною душею; что само уже по себѣ составляетъ важную погрѣшность и недостаточно къ разрѣшенію возраженій о злѣ нравственномъ, а принадлежитъ изящнѣйшей новѣйшей философіи, и наипаче Христіанской.

Платонъ полагаетъ вообще два рода существъ, то есть существо одаренное разумѣніемъ, непремѣняемое, вѣчное, нетлѣнное, и существо вещественное, чуждое всѣхъ сихъ качествъ. Въ первую степень онъ включаетъ Бога, и такъ называемыхъ по Гречески *демоновъ*, которые на семъ языкѣ не означаютъ, такъ какъ у насъ, духовъ злотворныхъ и ниспадшихъ, но впоростшейныя божества, подобныя язы-

ческимъ геніямъ; а нашимъ Ангеламъ. Къ симъ второй статьи божествамъ причисляетъ онъ въ той же степени, но ниже ихъ, разумную душу, дѣйствующую и управляющую тѣломъ человѣческимъ; и поколику душа подобно имъ произходитъ отъ Бога, то онъ изъ того заключаетъ, что она во всемъ должна согласоваться съ симъ главнымъ образцемъ совершенства по любви къ добру и честности; а отсюда произтекаютъ ея обязанности въ жизни и жребій ея послѣ смерти.

Сей философъ также первый началъ почитать Бога виновникомъ движенія, и сдѣлалъ оное мѣрою времени. Сія мысль его есть одна изъ преизящнѣйшихъ, и прежде его никто не имѣлъ столь возвышеннаго и столь истиннаго понятія о времени и вѣчности. „Вѣчность, говоритъ онъ, есть неподви„жна въ единствѣ существа, то есть въ „Богѣ, и не подлежитъ ни измѣненію, „ни послѣдствію.“ И далѣе: „Сущность „бытія заключается въ единомъ Богѣ: о „немъ единомъ не льзя точно сказать се„го: онъ былъ, или онъ будетъ, но единст„венно только: *онъ есть* или *сый*. Созидая „міръ, онъ произвелъ и время; и сіе не„прерывное продолженіе, означаемое обраще„ніемъ тѣлъ небесныхъ, есть движущійся „образъ вѣчности, и прейдетъ подобно „міру, каковъ бы ни былъ конецъ; должен„ствующій съ нимъ послѣдовать.“ Понятія сіи относятся къ числу превыспреннихъ,

и безъ прекословія далеко превосходятъ всѣ понятія языческой древности. Вы здѣсь къ стати можете себѣ привести на память два славные стиха лучшаго изъ лирическихъ нашихъ стихотворцевъ:

Le temps, cette image mobile
De l'immobile éternité.

То есть:

Время, сіе движимое изображеніе неподвижной вѣчности.

Они переведены отъ слова въ слово изъ Платона, котораго пылкое воображеніе способно было къ произведенію восторга въ самой поэзіи, а философіи на сей разъ оно послужило къ тому, чтобы содѣлать метафизическую истинну ощутительнѣе и поразительнѣе. Находится и еще мѣсто, заимствованное изъ Платона въ Томасовой одѣ на *время*, которая почитается за одну изъ лучшихъ нынѣшняго времени, не смотря на нѣкоторые въ ней недостатки:

Dieu dit au mouvement: du temps sois la mesure.
Il dit á la nature:
Le temps sera pour vous, l'éternité pour moi.

то есть:

Будь мѣрою времени, Богъ рекъ движенію.
А натурѣ рекъ: тебѣ предоставляю время, а себѣ вѣчность.

Сіи два отрывка доказываютъ, что чтеніе Тимея небезполезно было для Руссо и Томаса.

Чистота и изящество сихъ понятій побудили даже одного изъ церковныхъ учителей, св. Климента Александрійскаго, сказать, что творенія Платоновы предуготовили язычниковъ къ Евангелію въ такомъ же отношеніи, какъ книги Моисеевы предуготовили Іудеевъ къ вѣрѣ, а Евангеліе обратило ихъ къ оной. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что Платоническая философія была въ великомъ уваженіи въ первобытной церкви, и вотъ по чему столько употребляли тогда усилій къ соглашенію нѣкоторымъ образомъ школы Александрійской съ христіанствомъ, и найти у Платона то, чего у него вовсе не находилось. Заблужденіе сіе произошло отъ ревности: сколь же всякое заблужденіе опасно, доказывается тѣмъ, что въ тоже время, когда обольщенные христіане мечтали обрѣсти пользу отъ именитости Платона, и тщились сіе обратить въ откровеніе, враги возникающаго христіанства, чтобы изпровергнуть ученіе о Божествѣ, употребляли разныя усилія открыть главнѣйшія онаго основанія въ Платонѣ, и простерлись до того, что мнили показать въ немъ Слово и Троицу, и сіе предположеніе сохранилось даже до нашихъ временъ. Но стоитъ только разкрыть Платона, дабы убѣдиться, что не содержится въ немъ ничего другаго, кромѣ единаго смѣшенія словъ. Греческое рѣ-

ченіе λογος, соотвѣтствующее рѣченію *слово*, кромѣ сего смысла означаетъ еще *разсудокъ* (ratio, raison), откуда произошло наименованіе логики, и въ семъ послѣднемъ значеніи оно употреблено у Платона. Но онъ отнюдь не упоминаетъ нигдѣ, что сей *разсудокъ*, сія *премудрость* Божія есть изліяніе божественнаго существа, а еще менѣе, чтобы оный составлялъ единое изъ трехъ лицъ Троицы, и у Платона значитъ не что иное, какъ Бога, душу міра и самый міръ, изъ коего онъ составляетъ животное по превосходству, содержащее въ себѣ всѣ возможные виды животныхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что все сіе не имѣетъ никакого сходства съ нашими таинствами: столько же ясно и то, что сіи таинства, которыя единъ Богъ властенъ былъ открыть, никоимъ образомъ не могли быть постигнуты, ни даже слабо проникнуты умомъ человѣческимъ; поелику оныя даже и послѣ ихъ откровенія превышаютъ предѣлы онаго. Что касается до превосходства, присвояемаго Платономъ *тройственному числу* своему, которое хотѣли слить съ нашею Троицею; то сіе есть слѣдствіе нелѣпыхъ понятій о силѣ чиселъ, которыя Платонъ заимствовалъ отъ Пивагоровыхъ послѣдователей, такъ какъ и множество другихъ заблужденій, смѣшанныхъ съ его собственными. Теперь надлежитъ нѣсколько поговорить о главныхъ погрѣшностяхъ, и видѣвъ силу человѣческаго ума, посмотрѣть на его слабость.

Платонъ много писалъ и много размышлялъ; поелику творенія его объемлютъ всю естественную науку, и не только всѣ части умозрительной философіи, но даже физіологію и анатомію; однакожъ должно признаться, что онъ во многомъ удалялся отъ здраваго смысла. Совсѣмъ тѣмъ должно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ будучи вѣрный подражатель въ скромности своему наставнику, всегда предохранялъ себя отъ рѣшительныхъ утвержденій, свойственныхъ догматическому высокомѣрію множества разныхъ сектъ философовъ, изъ коихъ каждый домогался объ изключительномъ себѣ присвоеніи справедливости. Сократъ и Платонъ почти всегда выдавали свои мнѣнія только за вѣроподобныя, и мы увидимъ, когда говорить будемъ о Цицеронѣ, что таковое допущеніе вѣроятности, учинившееся предметомъ сборища различныхъ школъ, родившихся изъ Академіи, основанной Платономъ, имѣло свои невыгоды и злоупотребленія. Но сіе съ начала по крайней мѣрѣ служило нѣкоторымъ родомъ прикровенія для множества положеній, болѣе или менѣе неправильныхъ, которыя разточались безъ всякой разборчивости, такъ, что силою вѣроятности производили родъ нѣкоего впечатлѣнія, но не доводили до увѣренности, которая раждается единственно отъ очевидности. Но чтобы и сія самая вѣроятность употреблена была въ большой части умозрѣній Платоновыхъ съ разсмотрѣніемъ, сего отнюдь не видно, напротивъ того не до-

стаетъ у него ни метода, ни логики, и встрѣчаются во множествѣ предположенія, ни на чемъ неосновавныя, и ничѣмъ не управляется паренiе его воображенія. Онъ, кажется, всегда представляетъ предъ очами сей міръ *постижимый*, а сіи идеи *первыми образцами творенія*, гдѣ все разположено въ самосовершенномъ порядкѣ непреложныхъ и вѣчныхъ отношеній. Сіе дѣйствительно обрѣтается, и должно заключаться въ Божеской премудрости; почему самая величайшая слава Платонова состоитъ въ томъ, что онъ постигъ сіе, и это подлинно есть самый важный шагъ древней метафизики, такъ, что и по сему единому Платонъ заслуживаетъ быть сопричтенъ къ отличнѣйшимъ геніямъ. Но онъ не уразумѣлъ того, что ежели сей мысленный и совершенный образецъ необходимо обрѣтался въ безконечномъ понятіи, когда оно міръ устрояло; то изъ сего самаго слѣдуетъ, что нельзя бы ему было обрѣтаться въ человѣческомъ понятіи; которое получаетъ идею о безконечности только по тому, что встрѣчаетъ повоюду границы не въ отношеніи къ вещамъ, но въ отношеніи къ себѣ самому. Ибо ежели безконечность заключается въ идеяхъ Бога, потому что они все объемлютъ, то нѣтъ ея въ нашемъ понятіи, потому что оно ничего не объемлетъ, и мы взирая на то, что близко и далѣе насъ, не имѣемъ никакого средства постигнуть существенное и возможное. Нѣтъ почти науки, которая бы не доказывала, что въ понятіяхъ нашихъ все есть частно, и мы

не можемъ ничего совершенно разпредѣлить на классы: потому что не только не знаемъ первыхъ началъ, но даже не познаемъ всѣхъ дѣйствій и всѣхъ случайностей. Скромность Платонова еще бы доказательнѣе была, естьли бы вмѣсто того, чтобы воздержать его отъ всякаго утвержденія, что почитается за невозможность и заблужденіе, она внушила ему не выдавать за вѣроятное того, что никакого не имѣетъ основанія.

Что значитъ душа міра, которая не есть Богъ, а однакоже есть существо божественное, какъ будто бы два существа могутъ заключаться въ Божествѣ, которому самъ Платонъ приписываетъ единосущность? Какая несообразность! и сколько подобныхъ противорѣчій заключается во всей системѣ у Платона! Такъ же что такое значитъ сей *животный міръ*, составляющій третью часть его *тройственнаго числа*, откуда Спиноза заимствовалъ основаніе непонятнаго своего ученія о безбожіи?

Но что наипаче сказать о образѣ изтолкованія, которое Платонъ дѣлаетъ естеству и образованію души человѣческой? Она, по мнѣнію его, есть сугуба и даже тройственна, и вотъ по чему, сколько можно проникнуть сквозь темноту произвольныхъ его и неопредѣлительныхъ выраженій и тонкихъ опредѣленій. Когда верховный строитель сотворилъ свѣтила и всѣ тѣла небесныя съ обѣщаніемъ имъ безсмертія, не по тому,

чтобы по существу имъ оное принадлежало, но единственно какъ даръ своей благости, и когда одарилъ міръ душею, составленною изъ существа неизмѣняемаго, нераздѣльнаго и нетлѣннаго, и изъ существа вещественнаго, раздѣльнаго и измѣняемаго, и еще изъ третьяго существа смѣшаннаго изъ двухъ предыдущихъ существъ, (сколько составъ сей ни страненъ, но я уже сказалъ, что онъ у Платона такъ какъ и самой міръ названъ богомъ), то послѣ сего обращалась къ второстепейнымъ богамъ или духамъ (demons), кои не яснѣе опредѣлены всего прочаго, ниже лучше изъяснены, препоручаетъ имъ сотворить всѣ другія животныя, которыхъ бытіе содержится въ союзѣ величайшаго животнаго, составляющаго міръ: предоставилъ же имъ сіе сотвореніе на тотъ конецъ, что ежели бы онъ самъ учинилъ сіе, то животныя были бы безсмертны. Но не ему ли же принадлежитъ и то животное, отъ котораго сіи нижшіе содѣйствователи (agens) долженствовали сѣмена заимствовать, и которое должно быть причастно безсмертію и одарено разумомъ, а именно отъ человѣка? Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ смѣсь изъ стихій или первоначальныхъ частей, служившихъ ему къ произведенію свѣтилъ и души міра, не удѣляя однакоже человѣку того же совершенства и чистоты. Содѣйствователи великаго строителя присовокупляютъ по томъ къ сей безсмертной части души другой родъ души смертной, подлежащей всѣмъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, отъ коихъ произтекаютъ

удовольствіе и печаль и всѣ страсти, происходящія отъ желанія либо страха. Вотъ есть уже двѣ души, весьма различныя между собою! Но опасаясь, чтобы худшая душа не присвоила себѣ власти надъ изящнѣйшею душею, они помѣстили сію послѣднюю въ верхней части человѣческаго тѣла, то есть въ головѣ, а другую душу въ груди, которая еще раздѣлена на двѣ души, на *преборающую* и *пожелательную*, расположенныя такимъ образомъ, что грудобрюшная преграда отдѣляетъ ихъ одну отъ другой. *Преборающей*, душѣ дано мѣсто въ сердцѣ съ тѣмъ, чтобы находиться ей ближе къ разуму, который долженъ управлять ея движеніями; а *пожелательная* душа помѣщена гораздо оной ниже между преградою и желудкомъ, съ тѣмъ, чтобы находясь въ семъ отдаленіи отъ головы, менѣе она могла производить неустройства и возмятеній въ области божественной части, т. е. разума.

Естьли бы Платонъ представилъ сіе сплетеніе въ видѣ иносказанія или эмблемы двухъ силъ, разума и страсти препирающихся о власти надъ нами, тогда бы сей родъ басни былъ нѣкоторымъ образомъ замысловатъ, и имѣлъ бы по крайней мѣрѣ довольно ощутительную цѣль, хотя впрочемъ всегда въ себѣ будетъ заключать несообразность. Ибо по чему болѣе потребна движеніямъ гнѣва и міценія ближайшая помощь и обузданіе со стороны разума, нежели стремле-

піямъ желанія и удовольствія? Сіи такъ у Платона называемыя двѣ души, перешедшія послѣ въ школу ученика его Аристотеля, а по томъ принятыя всѣми новѣйшими схоластиками, и даже нынѣ извѣстныя, но только подъ другимъ названіемъ, первая подъ именемъ *побужденія противоборствующаго*, а другая подъ именемъ *побужденія пожелательнаго*, объ сіи души или два сіи побужденія не суть ни менѣе необузданны, ни менѣе вредны одна другой; впрочемъ неизвѣстно, которое сихъ душъ отъ головы разстояніе, ближнее или дальнее можетъ имѣть вліяніе на ихъ дѣйствіе, или взаимное противоборствіе. Но то совершенно непонятно, что говоритъ Платонъ о печени, которая будучи губчатаго свойства, помѣщена подлѣ души *пожелательной* съ тѣмъ, чтобы быть зеркаломъ, долженствующимъ ей показывать законы души господствующей, то есть разума. Не странная ли мысль дѣлать изъ печени нравственное зеркало? Впрочемъ употребленіе фигуръ и уподобленій, украшающихъ вообще слогъ сего великолѣпнаго философа, такъ же можно почесть однимъ изъ камней преткновенія для разсудка его и причиною чрезвычайныхъ его отступленій.

Вы видите, что я не для издѣвки представляю здѣсь все то, что находится несообразнаго и непонятнаго въ семъ нелѣпомъ смѣшеніи метафизики и анатоміи, но дѣлаю свои замѣчанія преимущественно на тѣ за-

блужденія, которыя отъ древнихъ и къ намъ разпространились, дабы показать вамъ, что въ семъ случаѣ разные вѣки только другъ у друга ихъ списывали, съ бо́льшею или ме́ньшею разностію; а главное основаніе всегда есть и всегда будетъ одно и тоже, то есть дерзновенное любопытство того, чего постигнуть не можемъ, при всемъ томъ однакоже всегда узнать стремимся. Такимъ образомъ заблужденіе въ родѣ человѣческомъ переходитъ потомственно изъ одного возраста въ другой, то съ приращеніемъ, то съ уменшеніемъ, подобно наслѣдству подлежащему различнымъ перемѣнамъ, которое смотря по тому, кому достается, и по мѣрѣ его употребленія, однихъ обогащаетъ, а другихъ разоряетъ. Страсть къ угадыванію, которой подверженъ былъ Платонъ равно, какъ и всѣ древніе, подала поводъ, что сочиненія его содѣлались первымъ источникомъ для Иллюминатовъ, Θеософовъ и всякаго рода Кабалистовъ. Онъ съ великою важностію намъ возвѣщаетъ, что сколь ни груба сія вещественная и чувственная душа, но она не лишена способности познавать истинны всякаго рода, и особливо приписываетъ ей способность угадывать и предвѣщать, говоря, что сіе совершается во время сна чрезъ сонныя видѣнія, или въ случаѣ изступленія, что у древнихъ называлось восторгомъ и восхищеніемъ, и чему подвержены были Сивиллы и жрицы, и куда относятся наши лунашики и изступленники извѣстные подъ именемъ конвульсіонеровъ. Вотъ надежныя средства

къ познанію истины помощію сонныхъ грезъ и сумазбродства! Его же сочиненія наиболѣе разпространили и нелѣпое ученіе о *числахъ*, которое столь важную статью занимаетъ въ кабалистикѣ. Ученія сего былъ изобрѣтатель Пиѳагоръ; но ниодно изъ его сочиненій не дошло до насъ, и оно намъ стало извѣстно только по сочиненіямъ Платона, который долгое время находился съ его учениками въ Сициліи, и многое заимствовавъ у нихъ, составилъ свою философію. О Платонѣ не льзя того сказать, чтобы онъ, какъ кабалисты, до глупости былъ предубѣжденъ въ разсужденіи чудесныхъ свойствъ чиселъ; однакоже таинственный слогъ его, соединяемый нерѣдко съ важностію, которымъ отличаются метафизическія его разсужденія, подалъ поводъ къ заключенію, что онъ будто въ числахъ обрѣталъ то, чего здравый разсудокъ никогда не найдетъ. Впрочемъ нѣтъ ничего доказательнѣе, что числа составляютъ единственно математическія качества, то есть ни въ какомъ отношеніи они не могутъ простираться за предѣлы изчисленія и измѣренія, такъ, чтобы изъ того могло слѣдовать какое либо дѣйствіе на предметы изчисляемые и измѣряемые, или на понятіе изчисляющаго и измѣряющаго; однакоже не менѣе и то достовѣрно, что сіе постыдное заблужденіе доднесь еще во всей Европѣ щитается наукою, то есть наукою невѣждъ.

Не отъ Пиѳагора ли такъ же заимствовалъ Платонъ свое сказаніе о преселеніи душъ,

чтобы изказить спасительное ученіе о будущемъ наказаніи и воздаяніи? Послушайте, что онъ говоритъ, или лучше сказать, заставляетъ говорить самаго Бога, чтобы вѣщать со властію верховнаго законодателя: „души обуздавшія гнѣвъ, страсти и плотскія удовольствія и праведно пожившія, „будутъ блаженны по смерти; напротивъ „того порочныя содѣлаются во второмъ „возрожденіи *женами*, а въ третьемъ возрожденіи обратятся въ *скотовъ*, ежели не „изправятся, и дотолѣ не престанутъ переходить въ различные роды сихъ животныхъ, доколѣ во всемъ не покорятся разуму.“ Платонъ законодательствуя въ своей *Республикѣ*, то есть въ своей комнатѣ, что всякому дѣлать позволяется, тѣмъ менѣе имѣлъ права дѣлать тоже въ своей Ѳеодикеѣ (*), и не возвѣщать своихъ законовъ устами предвѣчныя премудрости. Я не хочу здѣсь упоминать о той страшной постепенности наказаній, гдѣ назначается непосредственно послѣ женскаго скотское состояніе, увѣренъ будучи, что сіе смѣшно вамъ покажется: и ежели еще что можетъ казаться соблазнительнымъ у Платона, то это постановленіе его, пространно и съ велерѣчіемъ предлагаемое въ его *Республикѣ*, что всѣ жены для всѣхъ гражданъ должны быть общими. Не безъ отвращенія я представляю вамъ сіи

(*) Ѳеодикея значитъ *судъ Божій*. Подъ симъ именемъ находится одно изъ сочиненій Лейбница.

столь странныя бредни одного изъ величайшихъ философовъ древности, и соблазнъ сей есть тѣмъ ощутительнѣе, что ученіе сіе даже въ наши времена неоднократно возобновлялося: но несправедливо бы было такъ же не сказать и того, что одна сія встрѣчается у Платона важная погрѣшность противъ нравственности, а впрочемъ во всѣхъ его сочиненіяхъ оная вездѣ является не токмо во всей чистотѣ, но и во всемъ превосходствѣ; и нигдѣ столь сильнаго краснорѣчія не видно, какъ тамъ, когда онъ воззываетъ душу человѣческую къ созерцанію того совершеннаго образца, коего подобіе она носитъ въ себѣ самой, и къ созерцанію тѣхъ вѣчныхъ уставовъ, которые для нея служатъ зеркаломъ чистоты и добродѣтели; къ тому же Платонъ и самую жизнь соображалъ съ сими правилами: слѣдовательно изъ того, что онъ на сей разъ погрѣшилъ въ своихъ политическихъ умозрѣніяхъ, не льзя сдѣлать лучшаго заключенія, какъ то, что разумъ человѣческій даже въ благонравномъ и самомъ честномъ человѣкѣ безъ путеводителя удобно можетъ впасть въ самыя постыдныя несообразности.

Я умалчиваю здѣсь о его *Андрогинахъ* или иначе гермафродитахъ, хотя баснь сія не уступаетъ замысловатостію ниодной изъ басней Греческихъ, и подала поводъ нашимъ стихотворцамъ къ сочиненію небольшихъ довольно забавныхъ и довольно извѣстныхъ разсказовъ, такъ, что я не имѣю

причины здѣсь упоминать о томъ, а присовокупить могу къ слышанному уже вами о его преселеніи душъ другое раздѣленіе, которое покажется вамъ болѣе имовѣрнымъ подъ видомъ нравоучительнаго иносказанія, въ коемъ онъ по своему обыкновенію дѣлаетъ слѣдующее произхожденіе различныхъ родовъ животныхъ. Первый родъ, по словамъ его, былъ человѣческій, и сотворенъ поломъ мужескимъ; но тѣ, которые сдѣлались порочными, перемѣнились по смерти въ женъ, а потомъ всѣ изъ того и другаго пола развратные подверглись въ третію эпоху жизни слѣдующимъ превращеніямъ: слабоумные философы, мнившіе посредствомъ чувствъ постигнуть познаніе умозрительныхъ вещей, превратились въ птицъ; тѣже, которые не брегли о познаніи небесныхъ таинствъ, и занимались только земными вещами, должны были принять образъ четвероногихъ животныхъ, а хуждшія изъ нихъ обратились въ гадовъ; и наконецъ самые несмысленные осуждены быть рыбами, какъ недостойные питаться съ нами однимъ воздухомъ. Но не останавливаясь на сихъ его преобразованіяхъ, одно за другимъ слѣдующихъ, безпрерывно возобновляющихся и основанныхъ на однихъ только смѣшонравственныхъ отношеніяхъ, замѣтимъ одно довольно важное обстоятельство, которое извлечь изъ того можно, то есть, что душа человѣческая по смыслу системы Платоновой, составляя половину существа безсмертнаго и половину существа смертнаго, безпрерывно разливается на всѣ роды

животныхъ; слѣдовательно животныя различаются отъ человѣка только видомъ. Сіе ученіе заимствовано все изъ школы Пиѳагоровой, и составляетъ одну изъ самыхъ нелѣпыхъ странностей, въ каковыя можетъ впасть философія, и одно изъ самыхъ явныхъ противорѣчій въ такомъ философѣ, который сперва возвѣстилъ намъ столько хорошаго о началѣ души нашей и ея назначеніи.

Платонъ по всей вѣроятности не поставлялъ въ числѣ достоинствъ и обязанностей порядокъ и правильность; поелику его метафизика, физика, музыка, физіологія и математика безъ разбору разсѣяны въ книгахъ его о *Республикѣ* и *Законахъ*, и все въ сочиненіяхъ его перемѣшано: однакоже при всемъ томъ всегда пріятно читать оныя; поелику онъ при каждомъ предметѣ разсѣваетъ удивительное изобиліе мыслей, которыя хотя по большой части суть весьма отважны, и даже иногда лживы, однакожъ болѣе или менѣе всегда привлекаютъ то силою воображенія, производящаго тоже впечатлѣніе и въ воображеніи читателя, то прелестями украшеннаго и разцвѣченнаго слога, то остроною преній и разглагольствія. И такъ полагать его можно въ числѣ изящнѣйшихъ умовъ древности, который о всемъ говоритъ съ удивительною легкостію и пріятностію, такъ, что самые отличные стихотворцы и витіи Греческіе и Римскіе не щокмо всегда читали многочисленныя его

творенія, и не токмо не скрывали, но даже кичились тою пользою, каковую изъ оныхъ почерпали; и извѣстно, какое къ нему имѣлъ уваженіе Цицеронъ, который вездѣ именуетъ его мужемъ божественнымъ, и никого не почиталъ болѣе его заслуживающимъ довѣренность; Плутархъ же повѣствуетъ, что Димосѳенъ читая Платона, прилѣпился чрезъ то къ гражданскому краснорѣчію, состоящему въ томъ, чтобы во всякомъ случаѣ предпочитать честное и достославное; и ежели вы можете припомнить, то всѣ рѣчи сего витіи на томъ основаны. Естьли разсмотрѣть, по чему такъ долго Платонъ имѣлъ полное вліяніе на самые величайшіе умы, то откроется, что причиною сего была нравственная часть его философіи, несравненно лучшая изъ всѣхъ подобныхъ ей, поелику она величественна, вкрадчива, убѣдительна, приноровлена къ природѣ человѣческой, и направлял ее всегда ко благу, по ея къ тому склонности, не отвращаетъ суровостію и строгостію Стоическаго ученія. Никто изъ язычниковъ не говорилъ лучше его о божествѣ и нашихъ къ нему отношеніяхъ. Нѣкоторые не безъ основанія думаютъ, что Платону были не безъизвѣстны книги Еврейскія, составляющія часть нашего Священнаго Писанія, утверждая свою догадку тѣмъ, что оныхъ уже немало въ Египтѣ было, когда Платонъ тамъ путешествовалъ; ибо не болѣе вѣка протекло отъ него до Птоломея Филадельфа, котораго слава сказаній Моисеевыхъ и же-

ланіе увеличишь извѣстную библіотеку Александрійскую, основанную отцемъ его, побудили перевесть Еврейскія священныя книги на языкъ Греческій. Доказательствомъ сего мнѣнія служить можетъ разительное сходство мыслей Платоновыхъ съ Священнымъ Писаніемъ о неизбѣжности Божія суда и о томъ, что всѣ наши дѣянія и помышленія ему извѣстны: сходство сіе даже встрѣчается въ самыхъ выраженіяхъ и образѣ рѣчи; свидѣтельствомъ по о можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ псалмовъ Давидовыхъ: *Аще взыду на небо, ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси.* И изъ десятой книги Платоновой о *Законахъ*: „Хотя бы „ты былъ столь малъ, что низпалъ бы въ „бездну земли, или бы такъ великъ, что „на крыліяхъ вознесся бы на небеса; но и „тамъ не укроешься отъ взоровъ Божіихъ.“ Можетъ статься, что Платонъ и творецъ псалмовъ попали на одну мысль, но и сіе не недостойно замѣчанія. Впрочемъ въ той же самой книгѣ *Законовъ* Платонъ признаетъ и утверждаетъ провидѣніе доводами, почерпнутыми изъ самой здравой философіи, и весьма хорошо доказываетъ, что невниманіе или невліяніе въ дѣянія человѣческія суть равно несовмѣстны съ естествомъ Божескимъ; и у него первато мы находимъ неоспоримое доказательство, что человѣкъ, могущій иногда только видѣть случайныя свойства какой нибудь вещи, или что нибудь частное и скоро преходящее, не можетъ судить о намѣреніяхъ Бога, который

такъ устроилъ, чтобы частное относилось и подчинено было общему, а время вѣчности.

Противъ сего доказательства философія никакого не можетъ представить отвѣта, а развѣ можетъ оный найти безбожіе, которое однакоже не есть философія; и полагать должно, что Платонъ не могъ быть разположенъ къ атеистамъ, но напротивъ того въ своихъ законахъ оказываетъ къ нимъ крайнюю строгость, нѣмъ паче, что правосудіе Божіе составляетъ у него главное основаніе всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, а богопочитаніе съ его обрядами занимаетъ первую степень въ политическомъ составѣ, въ чемъ онъ не разнствуетъ ни отъ одного законодателя и ни одного правленія, каковыя извѣстны со времени учрежденія обществъ. И такъ не льзя его съ сей стороны почитать нововводителемъ или баснотворцемъ. Что принадлежитъ до атеистовъ, то вотъ, что онъ говоритъ противъ безбожія въ статьѣ законовъ: „Между от„рицающими божество находятся такіе, „которые, по природной къ добру склонно„сти, воздерживаются отъ зла и живутъ „безпорочно; другіе же подъ симъ предло„гомъ стараются прикрыть свои пороки; и „поелику тѣ и другіе болѣе или менѣе „вредны для общаго благосостоянія; то „первыхъ въ наказаніе должно заключать на „пять лѣтъ подъ стражу, допуская къ „нимъ только темничныхъ приставниковъ,

„которые увѣщаніями своими обязаны при-
„водить ихъ въ разумъ и стараться о ихъ
„изправленіи, послѣ чего должно имъ воз-
„вратить свободу; но когда они снова впа-
„дутъ въ тоже преступленіе, тогда пре-
„давать ихъ смерти: напротивъ того по-
„слѣднихъ должно наказывать вѣчнымъ за-
„ключеніемъ, и лишая по смерти погребенія,
„повергать тѣла ихъ внѣ предѣловъ рес-
„публики.“ Строгость сія не покажется удивительною, когда представимъ себѣ, колико всѣ Греческія правительства ненавидѣли безвѣріе, такъ, что два или три софиста, обнаружившіе сумнѣніе противъ бытія боговъ, тѣмъ только избѣгли наказанія, что самопроизвольно подвергли себя изгнанію. Равно и Римляне, когда еще удалены были всякой философіи, дѣлая свои законоположенія, по видимому, не предполагали, чтобы кто могъ отвергать бытіе Божіе; поелику опредѣляя смертную казнь за святотатство и нечестіе, вовсе не упомянули о безбожіи, которое однако же въ послѣднія времена республики, когда развращеніе нравовъ дошло до высочайшей степени, разпространилось и у нихъ также, какъ у Грековъ; но такимъ же образомъ, какъ и у насъ, то есть, божество паче оставалось въ забвеніи, или не было признаваемо по легкомыслію, нежели по основательнымъ доказательствамъ. Впрочемъ разность состояла въ томъ, что въ Римѣ не было явныхъ учителей безбожія, каковые явились во Франціи и Европѣ, изъ коихъ

даже многіе въ послѣднія два столѣтія понесли жестокія казни. Не смотря на сіи примѣры и славу Платона, который во всѣхъ прочихъ случаяхъ былъ весьма удаленъ отъ излишней строгости, я бы не простеръ до смертной казни свое мнѣніе, естьли бы оное отъ меня потребовалось; но мнѣ кажется можно бы такому объявить, кто явно проповѣдуетъ безбожіе: „Твое ученіе есть „вовсе противно гражданскому благоустрой„ству; слѣдовательно ты непростительно „погрѣшаешь, обнаруживая такія мысли, „отъ которыхъ вредъ произойти можетъ; „и потому не можешь ты болѣе съ нами „жить подъ одними законами, изпровергая „главное ихъ основаніе; но удались изъ нашей „страны, и живи тамъ, гдѣ принять тебя „согласны будутъ.“

„Всякое нечестіе, говоритъ Платонъ, „произтекаетъ отъ заблужденія.“ Сіи слова составляютъ совершенное противоположеніе нынѣшнему ученію, поставляющему непреложнымъ правиломъ то, что *всякая вѣра есть заблужденіе.* Сіе открываетъ, что сколько Платонъ ни былъ тихъ и снисходителенъ, не могъ однакожъ терпѣть безвѣрія; что видѣть можно въ началѣ десятой книги его *Законовъ*, гдѣ онъ прежде, нежели опредѣлилъ нечестію, яко преступленію, наказаніе, покушается изобличить его, яко безуміе, говоря, „Хотя не льзя не чувство„вать ненависти противъ безбожниковъ и „не ополчаться противъ ихъ со всею силою;

„однакожъ потщимся умѣрять свое негодо-
„ваніе и показать имъ ослѣпленіе ихъ съ
„возможнымъ снисхожденіемъ.“ Онъ точно сіе исполнилъ: но чѣмъ благонамѣреннѣе кажутся его умствованія, тѣмъ болѣе изъ того заключать можно, что въ наши времена не допустили бы такимъ образомъ разсуждать столь великаго врага безвѣрія; и ежели ему пощастливилось избѣжать отъ двухъ Сиракузскихъ тирановъ; то безъ сумнѣнія не избѣгъ бы отъ тирановъ нашей революціи.

Статья его о женщинахъ весьма неудачна, въ коей Платонъ требуетъ, чтобы женской полъ воспитываемъ былъ въ одинакихъ занятіяхъ съ мущинами, и подобно имъ носилъ бы оружіе, основывая сіе на томъ, что оба пола не инымъ чѣмъ различаются, какъ токмо силою, и тутъ же дѣлаетъ вдругъ большую въ томъ ошибку. Но допустивъ сіе положеніе, коего лживость удобно могла быть доказана, какимъ образомъ такой философъ не обратилъ своего вниманія на послѣдствія столь же безчисленныя, сколь и важныя, которыя произходятъ отъ сего самаго неравенства въ физическомъ сложеніи? и почему не вникнулъ въ то, что было бы несообразно и странно въ естественномъ чинѣ, когда бы сіе столь очевидное неравенство было только одинъ побочный случай и не имѣло отношенія къ неравенству, разпространенному гораздо далѣе возможности, обязанностей и должности, вознаграждающихъ тотъ и другой полъ равно сею самою разностію и замѣненіемъ

того, чего недостаетъ у каждаго изъ нихъ. И такъ у Платона не достаетъ союза въ соображеніи: ежели бы онъ вникнулъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, и исполнилъ главную обязанность философа, изслѣдовавъ напередъ то, что существуетъ, нежели искать того, что быть можетъ, отъ чего весьма часто онъ выводитъ заключеніе, что то, что существуетъ, есть не иное что, какъ чему быть недлежитъ; естьли бы онъ послѣдовалъ сей спезѣ въ розысканіи различій, свойственныхъ тому и другому полу, и взаимнаго ихъ дѣйствія со стороны физической и нравственной; тогда бы совсѣмъ иное и вящшее еще ощутилъ благоговѣніе къ благодѣтельному Промыслу, о которомъ онъ иногда говоритъ много изящнаго, но совсѣмъ тѣмъ еще далеко не позналъ онаго. Впрочемъ сіе познаніе долженствовало быть важнымъ преимуществомъ для тѣхъ, которые удостоились неоцѣненной помощи со стороны откровенія, и они одни могутъ ощущать, что въ семъ случаѣ истинная философія, говоря человѣчески, или лучше сказать, истинная премудрость заключается въ сихъ простыхъ словахъ Творца, когда онъ возхотѣлъ сотворить Адаму помощницу, взявъ ея отъ ребра его: *не добро быти человѣку единому*. Платонъ сего не примѣтилъ, что по его системѣ мущина и по сотвореніи женщины все былъ бы *единъ*. Къ счастію сія система есть вовсе неудобоисполнима, хотя одинъ философъ (*), участвовав-

(*) Кондорсетъ.

шій въ революціи, усильно покушался разпространить оную, но столь же въ томъ мало имѣлъ успѣха, какъ и самый Платонъ: жаль только того, что сей философъ подалъ къ тому причину.

Изъ его разсужденій о *Законахъ* заимствованы другія двѣ статьи, весьма различныя между собою, которыя составляютъ часть послѣдней Французской конституціи. Первая изъ нихъ есть весьма основательна, касается до разправы третейскаго суда, и имѣетъ по мнѣнію моему основателемъ своимъ Платона, но рѣдко была производима въ дѣйство; напротивъ того другая подлежитъ еще сумнѣнію, она относится до пересмотра законовъ чрезъ каждые десять лѣтъ, и могла бы подать намъ поводъ къ изслѣдованіямъ, нимало не принадлежащимъ къ нашимъ занятіямъ.

Въ доказательство того, сколь мало находится правильности въ политикѣ, и даже еще менѣе, нежели въ его метафизикѣ, довольно будетъ замѣтить сказанное имъ въ разговорѣ его подъ названіемъ *Гражданственный Человѣкъ*, и то, что предписывается имъ въ *Республикѣ* его и въ *Законахъ*, которые для нея учреждаетъ. Вотъ положенія, содержащіяся въ его разговорѣ: „Политика есть искуство властительство„вать надъ людьми и управлять государ„ственными дѣлами. Сіе искуспво есть „наука, однако же весьма рѣдкая и много„трудная, которая можетъ быть извѣстна

„одному, - двумъ или весьма немногимъ „особамъ въ каждомъ государствѣ. И такъ „науку сію можно назвать царскою, а изъ „сего слѣдуетъ, что лучшее изъ всѣхъ прав- „леніе есть Монархическое, а самое худшее „правленіе есть димократическое, по тому „что весьма далеко отступаетъ отъ перваго. „Что касается до средняго или такъ назы- „ваемаго аристократическаго правленія, „состоящаго изъ отличныхъ или немногихъ „особъ; то оно хуже Монархическаго, но „лучше димократическаго правленія.“ Послѣ того онъ съ великимъ напряженіемъ ста- рается доказать всѣ недостатки и всѣ опасности народной власти, даже не хочетъ удостоить наименованія политики всякое другое правленіе, гдѣ не одинъ въ рукахъ власть имѣетъ, по той причинѣ, что всякой другой правитель, не будучи Государь, болѣе или менѣе подлежитъ своенравію управляемыхъ имъ. Но не входя въ изслѣ- дованіе того, что до насъ не касается, замѣчу только то, что заключенія Плато- новы несогласны съ его основаніями; и что естьли бы знаніе править и могло заклю- чаться въ одномъ лицѣ правящаго, что совсѣмъ несправедливо; то изъ того отнюдь не слѣдуетъ, что управляющему должна быть извѣстна сія наука, которая конечно не составляетъ ни принадлежности, ниже есть наслѣдственна. Несправедливо и то, чтобы изключительно и даже по преимуществу политика принадлежала тому, кто одинъ въ рукахъ власть имѣетъ, подъ какимъ бы по

ни было именемъ: но и въ семъ случаѣ болѣе оправдываютъ дѣянія, нежели всѣ умозрѣнія: ибо основываясь на бытописаніи, я не знаю, найдется ли по разсужденію знатоковъ другая какая политика, обращающая на себя больше удивленія, каковымъ отличался сенатъ Римскій до временъ Гракховыхъ и сенатъ Венеціянскій до послѣдняго столѣтія. Что естьли бы я привелъ здѣсь въ доказательство еще такихъ вельможъ, которые не только не управляли одни, но еще долженствовали противоборствовать вдругъ и Государю и народу, каковы были на примѣръ Ришелье и Ксименесъ, которые отъ всѣхъ вообще почитаются политиками первой степени? Всѣ сіи погрѣшности довольно показываютъ, что я не безъ основанія укоряю Платона въ недостаткѣ у него логики, который обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ лживаго воображенія. Правила его имѣютъ весьма непрочное основаніе, отъ чего самаго и заключенія бываютъ наудачу, въ коихъ онъ никогда не обращаетъ вниманія на предъидущее, по крайней мѣрѣ въ томъ же самомъ сочиненіи; но освобождаетъ себя отъ сего такими тонкостями, которыя наконецъ совершенно его отвлекаютъ отъ предположенной цѣли.

Но наиболѣе удивительно то, что непосредственно за симъ разсужденіемъ, въ которомъ онъ превознесъ похвалою предъ всѣми прочими Монархическое правленіе, слѣдуютъ книги о его *республикѣ*, которыя не что

иное суть, какъ смѣсь, состоящая большею частію изъ аристократіи и частію изъ демократіи, или лучше сказать, есть философическое общество въ такомъ же видѣ, какъ Спарта составляла воинственное общество, съ тою только разностію, что Спарта, нарушивъ права человѣчества въ лицѣ такъ называемыхъ Илотовъ, невольниковъ своихъ, и властительствуя тирански надъ своими подданными, коихъ называла союзниками, поддерживала свое существованіе силою воинственныхъ своихъ уставовъ; а въ республикѣ Платоновой оружіе ввѣряется одной только части гражданъ, называемыхъ у него *охранителями*, коихъ воспитанію и благоразумію все предоставлено, а прочей части народа никакого не дано перевѣса противъ ихъ могущества, такъ, что сіи его оберегатели могли бы, когда ни захотѣли, сдѣлаться волками и пожрать спадо вмѣсто охраненія онаго. Я однако не выдаю себя за знатока въ семъ дѣлѣ; но когда читаю законодательствующихъ философовъ, всегда приходитъ мнѣ на мысль слѣдующій стихъ изъ нѣкоторой нашей комедіи:

Je vois qu'un philosophe est mauvais politique;

То есть:

Я вижу, что философъ есть плохой политикъ;

и я буду всегда того мнѣнія, что сія наука должна включаться въ число прочихъ наукъ, называемыхъ *опытными*, для различія отъ

такихъ знаній, которыя ограничиваются единымъ умозрѣніемъ: и для того по мнѣнію моему тотъ можетъ быть только художникомъ, кто упражнялся въ какомъ нибудь художествѣ, такъ равно того только можно почесть политикомъ, кто изкусился въ правленіи. Махина правленія, такъ какъ несравненно многосложнѣйшая прочихъ, еще больше должна быть подвержена испытанію, и для узнанія ея доброты и прочности недовольно единаго умствованія безъ употребленія. Но обративъ хотя малое вниманіе на исторію, можно увидѣть, что одинъ только Ликургъ можетъ почесться учредителемъ правленія; но и сему изъятію показавъ достаточныя причины, можно къ тому присовокупить, что и такое правленіе не можетъ быть совсѣмъ одобрено: поелику оно примѣнено къ нѣсколькуто только тысячамъ Спартанцевъ. Но кто же учредилъ всѣ прочія правленія, и поддерживалъ ихъ во время краткаго или продолжительнаго существованія посреди неизбѣжныхъ ихъ измѣненій? Два единственные въ свѣтѣ законодателя, то есть время и опытность, или иначе сказать совокупленная сила людей и вещей, которыя какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ порядкѣ, не взирая на движенія и потрясенія, всегда стремятся къ равновѣсію.

Въ двухъ разговорахъ, подъ заглавіемъ *Алкивіадъ*, усматриваются величайшія сходства Платонова ученія съ христіанскимъ

нравоученіемъ, въ которыхъ Сократъ, преподавая наставленія сему молодому Аѳинянину, едва вышедшему изъ лѣтъ юношескихъ и уже преисполненному высокомѣрныхъ замысловъ, изъясняетъ ему, что высокое мнѣніе, которое онъ по видимому о себѣ имѣетъ, основанное на породѣ, красотѣ, богатствѣ и разумѣ своемъ, есть не иное что, какъ мечта и пагуба: учитъ почитать добродѣтель не только первою обязанностію, но главнѣйшимъ или паче единственнымъ средствомъ, которое можетъ способствовать къ полезному употребленію прочихъ средствъ. Первый шагъ къ добродѣтели есть познаніе самаго себя, то есть познаніе недостатковъ или несовершествъ человѣческой природы, которыя служатъ источникомъ всѣхъ золъ ея. Сіи недостатки происходятъ единственно отъ невѣжества и гордости, и поелику источникъ всякой истинны и всякаго блага обрѣтается въ Богѣ, то мудрость познавать самаго себя, по мнѣнію Сократа, зависитъ отъ образа воздаванія ему чести и моленія. Здѣсь весьма нужно замѣтить, что въ обоихъ сихъ разговорахъ онъ никогда не говоритъ о богахъ, но о единомъ *Богѣ*, и доказываетъ, что ему не могутъ быть пріятны ни множество жертвъ, ни пышность оныхъ, но чистота сердца и невинныя желанія, и что въ прошеніяхъ къ Богу крайнюю употреблять должно осторожность: ибо онъ нерѣдко за молитвы оскорбляющія его наказываетъ тѣмъ, что исполняетъ оныя, и потому слѣдующій одо-

бряетъ образъ моленія, яко наилучшій изъ всѣхъ(*): „*Даруй намъ то, что для насъ полезно, хотя мы того и не просимъ; и отринь то, что ко вреду нашему можетъ обратиться, хотя бы мы о томъ и просили.* Когда же Алкивіадъ сказалъ ему, что онъ надѣется преуспѣть въ мудрости, естьли онъ сего желаетъ; тогда Сократъ опвѣтствуетъ ему: „Не говори такъ, а скажи, „ежели Богъ того хочетъ. “ Въ самомъ дѣлѣ выраженіе сіе есть одно изъ такихъ, которое наичаще употреблялъ Сократъ, и значитъ тоже, что христіанское выраженіе: *ежели Богу угодно.* Въ другомъ разговорѣ, подъ названіемъ *Менонъ*, онъ изъясняетъ, что добродѣтель пріобрѣтается не наукою философіи, но она произтекаетъ единственно отъ Бога.

Въ семъ же самомъ разговорѣ онъ утверждаетъ, что умъ нашъ посредствомъ упражненія приводитъ только на память предшедшее; да онъ имѣлъ и причину быть привязанъ къ сему умствованію, потому что оно было слѣдствіемъ другаго его же мнѣнія о поспепенномъ преселеніи душъ. Но это было заблужденіе, отъ заблужденія же произшедшее; и ежели оно могло показаться имовѣрнымъ, особливо человѣку сполъ пылкаго понятія, какимъ одаренъ былъ Платонъ;

(*) Молитва сія есть одного Греческаго стихотворца и содержится въ Антологіи.

то сіе должно почитать слѣдствіемъ крайняго желанія постигнуть истинну и того живаго удовольствія, которое наполняетъ нашу душу при ощущеніи ея: сіи чувствованія, яко сродныя человѣку, оказывающія больше или меньше дѣйствія надъ каждымъ, смотря по различію нравственныхъ качествъ, способствовали къ принятію въ новѣйшей философіи на короткое время мнѣнія о врожденныхъ понятіяхъ, которое однакоже вскорѣ было отринуто по мѣрѣ ея усовершенствованія. Для доказательства сей мнимой способности приводить на память, введенный въ Платоновомъ разговорѣ Сократъ постепенными своими вопросами доводитъ невольника, не имѣющаго вовсе понятія о геометріи, до того, что сей рѣшитъ задачу о удвоенномъ квадратѣ, и хотя сіе можетъ послужить весьма полезнымъ средствомъ къ изощренію разума, но отнюдь не доказывается тѣмъ, что разумъ возобновляетъ только въ памяти то, что онъ открываетъ. Платонъ не вникъ, что таковое открытіе разума не есть приведеніе онаго на память, хотя его же дѣйствіемъ совершается, но есть слѣдствіе точнаго отношенія мыслей, соображаемыхъ со вниманіемъ мыслящею способностію, когда доходитъ она отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Чрезъ сіе самое даже разрѣшаемъ мы небольшія алгебраическія задачи, совсѣмъ не зная правилъ сей науки, но только соображая различнымъ образомъ искомыя количества съ данными количествами. Такимъ образомъ по мѣрѣ успѣханія отъ заключе-

ній ложныхъ приближаемся къ истинѣ, съ тою только разностію, что постигаемъ ее нѣсколько медленнѣе, нежели бы то могло быть по правиламъ науки, какъ-то Паскаль собственными своими вычисленіями постигъ главныя теоремы Евклидовы.

Сіи-то тонкія умствованія, препятствующія основательности, были одною изъ главнѣйшихъ причинъ частыхъ заблужденій Платона, такъ напримѣръ въ намѣреніи показать, что мысляцая способность имѣетъ преимущество въ человѣкѣ, и что душа должна господствовать надъ тѣломъ, онъ увлекаяся порывомъ умозаключеній, выводитъ наконецъ слѣдствіе, что человѣкъ не иное что есть, какъ душа: но это очевидная ложь; ибо тогда онъ былъ бы существо невещественное; но человѣкъ есть животное, въ которомъ даже самому тѣлу предписаны законы равно какъ и душѣ, и взаимная ихъ зависимость есть одно изъ чудесъ Творческой премудрости, въ которое древніе наименѣе вникнули. Погрѣшность сія, правду сказать, не имѣетъ важныхъ послѣдствій въ ученіи Платона, гдѣ она употреблена такъ, какъ фигура слога, чтобы чрезъ риторическое увеличеніе возвысить душу и унизить тѣло; однакожъ таковое умствованіе, при всемъ добромъ намѣреніи, есть всегда худое средство, а особливо въ философіи тотъ никогда не докажетъ, кто чрезъ мѣру доказать силится, тѣмъ паче, что принявъ за основаніе ложное положеніе, тотчасъ можно впасть въ сѣти ложныхъ умозаключеній,

изъ которыхъ не льзя освободиться, такъ, что всякой впасть въ оныя можетъ, каковъ бы ни былъ сопротивоборникъ. Искусный возражатель если бы захотѣлъ опровергнуть Платона въ лицѣ Сократа, то не только бы доказалъ ему, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, но и то, что сохраненіе тѣла возложено на душу, и слѣдовательно потребности онаго суть для нея законы, которыхъ она не можетъ нарушить, не возставъ противъ природы человѣка, и не оказавъ неповиновенія Богу, создателю его. Онъ могъ бы обратить противъ Сократа собственные его доводы, и привести его въ большое замѣшательство даже въ разсужденіи превосходства мыслящей способности, хотя есть то и непреложная истинна. Я не намѣренъ изъ сего замѣчанія выводить другое заключеніе, какъ только то, что въ столь важныхъ предметахъ никакая ошибка не можетъ быть маловажна, даже въ самомъ нравоученіи, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, должно тщательно остерегаться энтузіазма. Мѣра блага состоитъ съ сущности онаго, и изтекающее столѣтіе будетъ эпохою для всѣхъ грядущихъ вѣковъ, и послужитъ имъ въ наставленіе достопамятнымъ своимъ примѣромъ, что энтузіазмъ философіи и фанатизмъ разума можетъ больше причинить зла, нежели всякой другой энтузіазмъ и фанатизмъ, такъ, что хотя разумъ и философія сами по себѣ суть вещи весьма изящныя, но употребленіе во зло самаго

полезнаго, по старинному правилу, дѣлается весьма вреднымъ.

Но ничто не приноситъ толикой чести Сократу и Платону; какъ твердое ихъ противоборство всѣмъ современнымъ ихъ софистамъ, которое ученикъ продолжалъ небоязненно, не смотря на то, что наставнику его сіе стоило жизни. Софисты сіи, судя по описанію, которое находимъ у Платона, были не иное что, какъ люди наглые и достойные посмѣянія; но уваженіе и довѣренность, которыми они нѣсколько времени пользовались, доказываютъ, что обольщенія ихъ не могли быть не заразительны, особливо у такого народа, которой, кромѣ другихъ отношеній, сходствовалъ съ французами въ томъ, что наибольше кичился своимъ разумомъ, и такимъ образомъ полагалъ первымъ достоинствомъ то, что въ людяхъ и между вещами должно всегда занимать второе мѣсто, какъ напротивъ того честность должна имѣть всюду преимущество. Дерзость Протагора, Горгія и многихъ другихъ простиралась до того, что они представляли свою готовность отвѣчать немедленно на всякіе вопросы, защищать и опровергать всякіе предметы и изобрѣтать доказательства для показанія лжи и опроверженія истинны во всякомъ родѣ. Что сіе столь огромное собраніе знаній, долженствующее въ благоустроенномъ обществѣ показаться за сущій соблазнъ, а въ глазахъ здравомыслящаго человѣка великою нелѣпостію, не было безъ успѣха, по крайней мѣрѣ между молодыми людьми, видно изъ того,

что занимавшіеся ими пріобрѣтали отъ того славу и богатство, хотя сей промыселъ ихъ не оставался иногда безъ дурныхъ послѣдствій; ибо многіе были преданы правосудію, и наказаны или денежною пенею или ссылкою, а книги Протагора, которой божеское существо подвергалъ сумнѣнію, были сожжены на площади Аѳинской. Но вниманіе правительства касалось только до предметовъ богопочитанія; поелику о немъ одномъ у Грековъ разсуждать не позволялось; а впрочемъ софисты имѣли во всемъ полную свободу; и такъ не льзя сумнѣваться, чтобы внушенія сего рода не нравились юношеству, всегда удобопреклонному почитать за добро всякую новизну и зломъ всякое обузданіе. И потому-то молодые люди толпами слѣдовали за софистами, а сіи переходя изъ одного города въ другой, вездѣ употребляли въ свою пользу любопытство и легковѣріе. Извѣстно, что обольстители всякаго рода вездѣ и во всѣ времена на семъ началѣ основывали корысть свою, хотя сіе не можетъ назваться прочнымъ пріобрѣтеніемъ, а потому и сіи новые учители получали весьма большую прибыль, за которыми, какъ то обыкновенно бываетъ, тѣмъ больше гонялися, чѣмъ больше они брали. Но пользуясь простотою другихъ, сами они иногда подвержены были обману учениковъ своихъ, напитавшихся ихъ правилами, какъ-то Авлъ Геллій повѣствуетъ объ одномъ тому примѣрѣ, который, какъ довольно забавный случай, я намѣренъ здѣсь привесши, чтобы доставить вамъ нѣкоторое удовольствіе между

разсужденіями нашими о сихъ сухихъ предметахъ.

Нѣкоторый молодой человѣкъ по имени Евавлъ, предназначая себя къ стряпческому званію, договорился съ Протагоромъ за извѣстную плату, чтобы сей научилъ его всему тому, что нужно знать въ семъ искусствѣ, съ такимъ условіемъ, что онъ ему заплатитъ одну половину впередъ, а остальную тогда, когда выиграетъ первое спорное дѣло. Молодой правовѣдецъ, снискавши въ томъ нарочитое искусство, не спѣшилъ однакоже выказывать свои способности, хотя и нудилъ къ тому учитель его, побуждаясь сугубою пользою, то есть, чтобы блеснуть успѣхами ученика своего и получить остальную плату. Но послѣдній отлагая всегда сіе, вывелъ наконецъ софиста изъ терпѣнія, которой позвалъ его въ судъ въ неустойкѣ письменнаго условія, и не сумнѣваясь въ успѣхѣ своего дѣла, съ торжествующимъ видомъ и съ надѣяніемъ приличнымъ учителю мнившему посрамить ученика, говоритъ судіямъ: „какое бы ни послѣдовало рѣшеніе, „должникъ мой никоимъ образомъ не можетъ „избыть отъ платежа: ибо изъ двухъ послѣдствій одинъ предлежитъ конецъ: или „проиграетъ онъ свое дѣло, или выиграетъ, „но въ томъ и другомъ случаѣ повиненъ „заплатить мнѣ принадлежащее, въ первомъ „случаѣ въ силу вашего рѣшенія, а въ послѣднемъ по условію за выигранное первое „спорное дѣло.“ Рѣчь сія единогласно была

одобрена. Но молодой человѣкъ нимало не смутяся отъ того и вставши, сказалъ своему учителю: „я согласенъ на сіе; поелику „въ семъ заключается истинное основаніе „всего дѣла; и служитъ неоспори„мымъ доказательствомъ моей правости: „ибо то и другое обстоятельство имѣютъ „одно слѣдствіе: или рѣшеніе должно послѣ„довать въ мою пользу, тогда я ничемъ „тебѣ не долженъ; или когда оно послѣдуетъ „не въ пользу мнѣ, тогда потерявъ первую „тяжбу свою, не имѣю причины платить „ничего.“ Софистъ остался безмолвенъ, а изумленные судьи нашли дѣло сіе такъ запутаннымъ и обоюднымъ, что оставили оное безъ рѣшенія.

Я упомянулъ о семъ случаѣ для того, чтобы дать вамъ понятіе не только объ искуствѣ лжемудрствованія, но и о томъ, почему оно было у Грековъ въ такомъ уваженіи. Причиною сего была наипаче во всѣ времена страсть ко всему тому, что заключаетъ въ себѣ замысловатость, остроту, тонкость, что блеститъ и мелькаетъ въ глазахъ на подобіе молніи. Сія слабость ихъ тѣмъ болѣе достойна замѣчанія, что не видно оной ни въ ихъ витійствѣ, ниже въ стихотворствѣ, которыя по естественной простотѣ своей почитаются достоподражательными, но подвержены были Греки оной въ общежитіи и въ дѣлахъ гражданскихъ, чему обрѣтается въ древнихъ сочиненіяхъ, дошедшихъ до насъ, великое множество доказа-

тельствъ, напримѣръ изъ вышеупомянутаго случая видно, что съ обѣихъ сторонъ употреблена двусмысленность, которая тотчасъ бы изчезла, естьли бы различено было то, что здравому разсудку различить слѣдовало, то есть надлежало отъ спора о платежѣ прежде устранить дѣло о первой тяжбѣ, отъ успѣха которой долженствовалъ зависѣть самый платежъ; а въ противномъ случаѣ сіе взаимное условіе никакого не имѣло бы основанія, и ни тотъ ни другой изъ заключившихъ оное не былъ бы обязанъ исполнить свое обѣщаніе по заключающемуся въ немъ и согласію и отрицанію и по его несообразности. Слѣдовательно до одержанія перваго спорнаго дѣла, которое однакожъ не могло касаться до платежа, молодой человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ себя щитать должнымъ, пользуясь оплошностію своего учителя, которой соглашаясь на условную плату, упустилъ назначить положительный срокъ, въ который обязательство долженствовало принять свое дѣйствіе, такъ, чтобы ученикъ повиненъ былъ заплатить, что слѣдовало, даже и тогда, естьлибы условіе не состоялося, а безъ сей предосторожности послѣдній ни къ чему не обязывался, и былъ въ равномъ положеніи, то есть хотя съ одной стороны не пользуясь пріобрѣтенными знаніями, онъ выигрывалъ половину обѣщанной платы, но съ другой стороны лишался того, что могъ бы онъ пріобрѣсть по дѣламъ тяжебнымъ. И такъ поелику вторая половина платы съ согласія учителя

долженствовала быть вознагражденіемъ того плода, которой онъ долженъ былъ получить отъ наставленій его; то прежде сего времени и не льзя ему было имѣть на оную притязанія.

Хотя судьи не знали, какъ въ семъ случаѣ уклониться отъ дилеммы, которая съ обѣихъ сторонъ на обманѣ была основана, и не могла быть разрѣшеніемъ спора, поелику самый споръ былъ въ членахъ противорѣчащимъ доказательствомъ дилеммы; но въ самой вещи они судили точно такъ, какъ и у насъ бываетъ: ибо не сдѣлавъ никакого рѣшенія, они тѣмъ дѣло кончили въ пользу ученика, что непостановленіемъ приговора по дѣлу о платежѣ отвѣтчикъ освобождался отъ онаго.

Сей небольшой отрывокъ могъ показаться вамъ забавнымъ по тому, что софизмъ здѣсь по крайней мѣрѣ соединенъ съ самымъ дѣломъ; а въ прочемъ сборищѣ ребяческихъ тонкостей, которыя были основаніемъ ученія софистовъ, представленныхъ въ разговорахъ у Платона; не иное бы что вы увидѣли, какъ множество нелѣпостей, тѣмъ болѣе заслуживающихъ презрѣніе, чѣмъ болѣе они являютъ высокомѣрія. Въ сихъ-то разговорахъ можно слышать ихъ съ удовольствіемъ; поелику Платонъ имѣлъ искуство представить ихъ въ смѣшномъ видѣ, такъ какъ у Паскаля представлены казуисты. Важничаньемъ своимъ они кажутся еще глупѣе,

и безъ сомнѣнія Мольеръ имѣлъ у себя за образецъ Платоновы разговоры противъ софистовъ, что тѣмъ вѣроятнѣе, что въ то время изъ древнихъ писателей одного только Платона читали, приводили въ доказательство и уважали во Французской словесности, такъ что первый опытъ Расина состоялъ въ переводѣ нѣкотораго отрывка сего знаменитаго Грека, а Лафонтенъ столько же имъ восхищался, какъ и Варухомъ. Въ самомъ дѣлѣ Сократова иронія, не безъ причины превозносимая похвалами, великое въ семъ случаѣ имѣетъ дѣйствіе. Приступъ его, когда онъ обращается къ софистамъ, всегда бываетъ тотъ, который наблюдать должно, имѣя дѣло съ тщеславными глупцами и надменными пустословами, когда хотятъ отъ нихъ получить какую нибудь пользу для общества. Онъ принимаетъ на себя видъ покорнаго ученика, желающаго пріобрѣсть отъ нихъ наставленіе, а чтобы заманить ихъ, и тѣмъ удобнѣе обнаружить все ихъ безстыдство, онъ сначала притворно показываетъ родъ нѣкоего изумленія, которое они въ самомъ дѣлѣ принимаютъ за несумнѣнный знакъ удивленія, между тѣмъ, какъ всякой другой видитъ, что подъ тѣмъ скрывается одно хладнокровное и язвительное презорство, которое въ послѣдствіи скоро подастъ случай къ большому смѣху: такъ равно и наши краснорѣчія наставники вовлечены будучи, свободнѣе обнаруживаютъ всѣ нелѣпости своего ученія. Тогда Сократъ пользуясь позволеніемъ вопрошать ихъ, и

выводя изъ отвѣтовъ ихъ заключенія съ тою тонкостію, которая позволительна въ вопросахъ неосновательныхъ, чтобы возторжествовать надъ суетностію и невѣжествомъ такихъ наставниковъ, безпрестанно вовлекаетъ ихъ въ странныя противорѣчія и въ преглупыя заключенія, доколѣ они отъ смѣха слушателей не почувствуютъ себя посрамленными, и умолкнувъ отъ смущенія, даютъ уже ему свободу говорить: онъ тогда оканчиваетъ тѣмъ, что паки направляетъ философію къ истинной ея цѣли, къ полезнымъ и поучительнымъ истиннамъ. Въ семъ состоитъ единственно слѣдствіе его прѣній, что онъ посрамляя софистовъ въ глазахъ юношества, желаетъ предохранить его отъ ихъ обольщеній и возбудить склонность къ полезному ученію и любовь къ обязанностямъ и добродѣтели. Разговоры сіи составляютъ безпрерывное сцѣпленіе, и отъ нихъ ничего не льзя отдѣлить, и чтобы почувствовать хитрость и удачное искуство въ томъ, надобно слѣдовать за онымъ съ начала до конца; и мнѣ неизвѣстно, чтобы сія часть Платоновыхъ сочиненій, для преложенія которой на Французской языкъ потребно много оборотливости, точности и пріятности, когда либо у насъ была переведена такъ, какъ надлежитъ; хотя же ученые и трудились надъ преложеніемъ Платона, но для сего требуется нѣчто больше, нежели одна ученость, и весьма посредственно переведены на нашъ языкъ нѣкоторые отрывки изъ

самыхъ глубокомысленныхъ его сочиненій, касающихся до политики и метафизики.

Въ самомъ дѣлѣ та часть Платоновыхъ разговоровъ, въ коихъ заключаются поучительныя и нравственныя сокращенія, содержитъ въ себѣ весьма приличныя мѣста, которыя оправдываютъ сказанное мною о удивительномъ сходствѣ его нравоученія съ нравоученіемъ христіанскимъ, такъ напримѣръ въ *Горгіи* своемъ приведши въ тупикъ сего стараго ритора и его юнаго почитателя Калликлеса, изъ коихъ первый риторику превращалъ въ науку руководствующую къ обману, а послѣдній право и законную власть совершенно сдивалъ съ тиранніею, Сократъ заключаетъ, какъ ниже слѣдуетъ, точно почти такъ, какъ говорилъ бы какой нибудь христіанской проповѣдникъ, съ тою развѣ только разностію, что слогъ у одного есть витійственнѣе, а у другаго болѣе приближается къ философскому, но мысли у обоихъ одинъ и тѣже.

„Что касается до меня, Калликлесъ, то „я помышляю о томъ, какъ представить „верховному судіи душу свою въ состояніи „непорочнѣйшемъ. Презирая мірскія поче„сти и внимая истиннѣ, я потщуся, елико „возможно, жить и умереть честнымъ чело„вѣкомъ, убѣждая и другихъ, сколько отъ „меня зависитъ; наблюдать тоже. Я совѣ„тую и тебѣ жизнь свою разположить такъ, „какъ оную вести человѣкъ здѣсь долженъ;

„и пріуготовить себя въ оной къ тѣмъ про-
„тивоборствіямъ, которыя отъ человѣка предъ
„всѣмъ прочимъ требуются. Я не одобряю и то-
„го (*), что ты оставляешь въ забвеніи то, что
„ты, никакъ уже не въ состояніи будешь по-
„мочь самому себѣ, когда предъ судъ явишься,
„и тотчасъ услышишь послѣднее изрѣченіе, о
„которомъ говорилъ тебѣ недавно. Ты воз-
„трепещешь и будешь безгласенъ, когда воз-
„мутъ тебя и сему судилищу представятъ (*),
„на которомъ преданъ будешь всякому по-
„срамленію, уничиженію и поруганію (**),

(*) Надобно здѣсь припомнить, что въ древности достигшіе старости люди пользовались правомъ власти и неотъемлемаго уваженія, которое молодые люди имъ воздавать были обязаны.

(**) Здѣсь разумѣется судъ Миносовъ, а въ разговорѣ семъ подразумѣваются посторонніе слушатели; почему Сократъ обыкновенно оказывалъ уваженіе къ отечественному богослуженію, и при постороннихъ людяхъ сообразовался съ общимъ мнѣніемъ; въ другихъ же случаяхъ Сократъ и Платонъ свободнѣе изъясняются, и обыкновенно употребляютъ слово *Богъ*, *Θεος*, а рѣдко боги, изключая развѣ, когда преніе до того ихъ доводило.

(***) Сократъ утверждалъ, что оскорбленія, наносимыя отъ тирановъ и отъ людей неправедныхъ, обращаются во вредъ и сущее зло причиняющимъ ихъ, а не тѣмъ, которые терпятъ оныя. Сначала онъ чрезвычайно удивилъ симъ

„и даже претерпишь біеніе и заушеніе. Мо-
„жетъ быть сіе кажется тебѣ стариною
„баснею и словами незаслуживающими вни-
„манія. Не удивлялся бы я сему твоему пре-
„зорству, естьли бы ты въ состояніи былъ
„противъ словъ моихъ сдѣлать какое нибудь
„основательное и больше къ истиннѣ при-
„ближающееся возраженіе; но при всемъ
„усиліи ты не могъ того достигнуть, и
„наконецъ сознался, что изъ трехъ чело-
„вѣкъ, почитаемыхъ между Греками за про-
„свѣщеннѣйшихъ, каковы Полусъ, Горгій и
„ты, никто изъ васъ не могъ доказать,
„что надлежитъ вести жизнь иначе, нежели
„каковую я почитаю больше полезною, что-
„бы можно было непостыдно предстать
„предъ сіе послѣднее судилище. Подлинно
„изъ всѣхъ нашихъ преній одно сіе остает-
„ся безъ возраженія и признано неоспори-
„мымъ, то есть, что надобно паче всего
„остерегаться творить зло, нежели тер-
„пѣть оное, и не казаться только чест-
„нымъ человѣкомъ, но онымъ быть въ самомъ
„дѣлѣ какъ предъ людьми, такъ и наединѣ.

мнѣніемъ Горгія и Калликлеса, но наконецъ до-
казательствами своими довелъ ихъ до того,
что они принуждены были въ томъ усту-
пить ему, какъ онъ о томъ ниже упомина-
етъ. Сіе замѣчаніе впрочемъ оправдываетъ
выше мною сказанное о затрудненіи дѣлать
извлеченія изъ такого сочиненія, въ которомъ
все въ безпрерывной связи находится.

„Кто же учинилъ какое либо зло, тотъ „долженъ принять за то наказаніе; ежели „быть невинну и непорочну есть первое „благо, то второе благо состоитъ въ томъ, „чтобы въ семъ свѣтѣ за содѣянное зло „очиститься наказаніемъ и разкаяніемъ; не „должно употреблять лести ни къ себѣ са- „мому, ни предъ другими, ниже предъ на- „родомъ; а риторика, какъ и все прочее, „должна споспѣшествовать токмо справед- „ливости. Повѣрь моимъ словамъ, Калликлесъ, „и слѣдуй со мною къ сей цѣли, которой до- „стигнувъ, ты будешь щастливъ какъ въ „сей жизни, такъ и по смерти. За сіе пусть „называютъ тебя сумасшедшимъ, и не по- „читай за стыдъ себѣ, естьли кто причи- „нитъ тебѣ обиду или побои: ибо доколѣ „ты пребудешь справедливъ, честенъ, и „исполнять будешь правила добродѣтели, „дотолѣ ничего такого съ тобою не мо- „жетъ случиться, чегобы ты дѣйствитель- „но долженъ былъ боятся.“

Послѣ сихъ образцовъ философіи Сократовой и его ученика мнѣ бы не хотѣлось, и даже стыжуся показать вамъ примѣры той философіи, противъ которой они врагами себя объявили, и которая столь мало заслуживаетъ сіе названіе. Однакоже, чтобы увидѣть разность между ими, я приведу въ примѣръ хотя одно мѣсто изъ безчисленнаго множества подобныхъ другъ другу умствованій, которыя въ школахъ тогдашнихъ составляли обыкновенное упражненіе. Естьли

напримѣръ хотѣли доказать, что мышь не можетъ ѣсть книгъ, сала или сыру, то вопрошали: „Не правда ли, что *мышь* есть „слогъ (syllabe)?“ А получивъ на сію первую посылку согласіе, учитель продолжаетъ: „А какъ слогъ не ѣстъ ни книгъ, ни сала, „ни сыру; слѣдовательно и проч.“ Хотя ничего не можетъ быть смѣшнѣе сего заключенія; но вы ошибетесь, если подумаете, что у Грековъ, которыхъ не льзя впрочемъ назвать безполковыми, нелѣпости сіи щитались и оставались въ презрѣніи, чего они заслуживали и признаны таковыми въ Римѣ, когда появились тамъ въ послѣднія времена республики. Въ характерѣ Грековъ всегда примѣчалась вѣтреность, отъ чего самаго Римляне и назвали оный *Греческою легкомысленностію* (Graeca levitas): потому что они по природной своей суровости никогда не могли примѣниться къ оному, по крайней мѣрѣ до совершеннаго развращенія ихъ нравовъ. По сей причинѣ въ цвѣтущія времена республики Греческіе философы не были терпимы въ Римѣ, не по тому, что они всѣ были равно легкомысленны, но всѣ болѣе или менѣе были прилѣплены къ софизму, то есть къ словеснымъ доказательствамъ, не изключая даже Стоиковъ, отличавшихся предъ всѣми своею важностію. Хотя они равномѣрно были изгнаны при Домеціанѣ, но легко понять можно, что сему была совсѣмъ другая причина, то есть, что философы упражняясь въ математикѣ, занимались въ тоже время астрологіею и гада-

ніемъ, за что ненавидимы были и подозрительны казались тираннамъ, которые хотѣли лучше сносить нелѣпыя умствованія, но опинюдь не могли сносить предсказаній, опасаясь, чтобы не повѣрили тому, что имъ могутъ быть извѣстны намѣренія каждаго.

Но вы не подумайте, чтобы сіи нелѣпые софизмы не далѣе простирались игры ума: нѣтъ, они даже входили въ самые важные предметы какъ по отношеніямъ нравственнымъ, такъ и судебнымъ, а чрезъ такое злоупотребленіе словъ не льзя было сдѣлать ни о чемъ ни ложнаго, ни истиннаго, ниже справедливаго и несправедливаго заключенія: что самое всегда чрезвычайно благопріятствуетъ нѣкоторому роду людей, и тогда неправедное сужденіе обращается въ пользу беззаконія, чему можно видѣть доказательство въ книгахъ у Платона, гдѣ софисты начинаютъ съ предложеній, совсѣмъ противныхъ нравственности, утѣшаясь всегда двузнаменательностію словъ. Можетъ быть на сіе скажутъ, почему не можно было совсѣмъ изпровергнуть сіи школьныя бредни, которыя долженствовали въ ничто обратиться при простомъ опредѣленіи терминовъ и естественномъ раздѣленіи понятій. Но сначала не была еще извѣстна логика Аристотелева, весьма полезная на сіи случаи: ибо она стала извѣстна уже послѣ Платона, у котораго учился Аристотель. Почему до того времени не умѣли опровергать ложныхъ умствованій по несовершенству логи-

ческихъ правилъ, существовавшихъ въ большой части софизмовъ, кои столько шуму надѣлали въ школахъ, и послѣ того сами собою упали, такъ, что остались безъ всякаго рѣшенія: поелику неправильное по составу своему умствованіе необходимо должно быть ложно не потому, чтобы въ предложеніяхъ не заключалось истинны, но потому, что цѣлое доказательство должно быть безтолково по недостатку союза въ частяхъ, оное составляющихъ. Сверхъ того въ школахъ у софистовъ за правило было принято (къ чему они имѣли свою причину) уклоняться отъ довода, каковъ бы онъ ни былъ, чтобы не показаться побѣжденнымъ; и сіе-то наиболѣе вспомоществовало сему презрѣнія достойному пріему, въ которомъ употреблялись только двусмысленныя слова, такъ, что часто даже отражаемъ былъ одинъ доводъ другимъ двусмысленнымъ доводомъ, то есть нелѣпость нелѣпостію. Въ заключеніе объявленнаго мною о слабости разума человѣческаго, въ разсужденіи чего я позволилъ себѣ войти съ нѣкоторою подробностію и далѣе предположеннаго любопытства, скажу, что двоякимъ образомъ можно было изпровергнуть сей образцовый доводъ, которой недавно подалъ причину вамъ къ смѣху. Первое и лучшее средство состояло въ томъ, чтобы разобрать первую посылку изполкованіемъ терминовъ, напр: слово *мышь* есть ли слогъ? конечно; а вещь *мышь* есть ли слогъ? нѣтъ: поелику мышь есть животное. Такимъ образомъ послѣ сего во всемъ прочемъ не останется

никакого смысла, такъ что не льзя повторить безъ того, чтобы можно было удержаться отъ смѣха на щетъ подобнаго умствователя. Но это было бы слишкомъ просто и очень понятно, и не удовлетворило бы софистовъ, а чтобы не остаться въ замѣшательствѣ, то надобно было отвѣчать въ ихъ вкусѣ: „мышь есть слогъ: но мышь ѣстъ книги: „слѣдовательно слогъ ѣстъ книги.“ Оба заключенія равносильны, и одно другаго стоитъ. Весьма съ симъ сходствуетъ случившееся съ однимъ Нормандскимъ бездѣльникомъ, на котораго другой такойже бездѣльникъ представилъ въ судъ заемное письмо, которое такъ искусно подъ руку перваго написано было, что самые знатоки не могли доказать подложность онаго. *Можешь ли ты отпереться*, сказалъ проситель, *что это не твоей руки письмо? откуду нѣтъ*, сказалъ отвѣтчикъ, *моя честность мнѣ того не позволитъ. Но кажется, что и ты не можешь сказать, чтобы это не твоя была рука, и вотъ твоя росписка:* и въ самомъ дѣлѣ росписка не хуже была заемнаго письма.

Но я слишкомъ разпространился о семъ предметѣ, и окончу сію статью разборомъ двухъ мѣстъ изъ Платона, наибо́льшую можетъ быть славу пріобрѣтшихъ, или по крайней мѣрѣ извѣстныхъ болѣе прочихъ, то есть *Апологіи Сократовой* или рѣчи, произнесенной имъ въ Ареопагѣ, и Федона славнаго разговора, въ которомъ Аѳинскій

мудрецъ за нѣсколько часовъ до принятія яда бесѣдовалъ о безсмертіи души съ своими друзьями, удивлявшимися ему и его оплакивавшими. Сіи два сочиненія приводятся во всѣхъ нашихъ историческихъ и философическихъ книгахъ, и даже на театрѣ были представлены, хотя имъ тамъ и не было приличнаго мѣста; что скоро было примѣчено. И такъ о томъ, что столько уже извѣстно, остается мнѣ слегка упомянуть, и во первыхъ замѣчу, что хотя сіи сочиненія его гораздо исправнѣе прочихъ до насъ дошедшихъ; но и въ оныхъ встрѣчаются нѣкоторые недостатки, изъ коихъ одни произошли отъ послѣдованія его Пиѳагорову ученію, то есть отъ его нелѣпыхъ умствованій о преселеніи душъ, а другія отъ мечтательныхъ пареній плѣнявшихъ его воображеніе. Но мнѣ бы желательно было, чтобы изъ Федона изъято было, при всей тонкости своей, то неправильное доказательство, которое клонится къ тому, чтобы доказать, что *живый родится отъ мертваго*, чего не можетъ существовать ни въ физическомъ, ни въ вещественномъ порядкѣ. Ибо что касается до тѣлъ, то ничто не можетъ родиться безъ сѣмени, а что касается до души, то уже доказано по метафизикѣ, что она не можетъ имѣть инаго начала, кромѣ самаго Бога, въ чемъ самъ Платонъ былъ согласенъ, почитая ее равно, какъ и мы, изліяніемъ Божескаго существа; но основаніе доказательства его совершенно неправильно, будто безсмертная душа переходитъ

изъ одного тѣла въ другое, и каждое ея рожденіе есть слѣдствіе смерти. Удобнѣе можно извинить его въ томъ, что онъ говоритъ о лебедѣ, и уподобленіе его себя сей птицѣ. Когда друзья удивлялися непоколебимому спокойствію, твердости и постоянству Сократа предъ наступленіемъ роковаго часа; то Платонъ изъ сего ихъ удивленія выводитъ новое подкрѣпленіе своему положенію, что душа разлучаясь съ тѣломъ, коему она не была подвластна, возвращается единственно въ первобытную чистоту свою; слѣдовательно есть весьма естественно, что она въ то время, когда разторгаются ея узы съ тѣломъ, тѣмъ паче, кажется, очищается и укрѣпляется, чѣмъ болѣе приближается къ своему разрѣшенію. Къ сему прибавляетъ онъ, что великое есть заблужденіе почитать плачевнымъ воплемъ пѣніе лебедя, которое тѣмъ бываетъ пріятнѣе, когда птица сія къ концу своему приближается, напротивъ того сладость послѣдняго гласа ея, такъ какъ она посвящена Аполлону и Музамъ, есть нѣкоторый образъ божественнаго вѣщанія, воздающаго хвалу смерти, и поучающаго насъ почитать оную не иначе, какъ преселеніемъ въ лучшую жизнь. Мѣсто сіе составило бы великую красоту въ стихотворцѣ, но отнюдь не приличествуетъ философу, который жертвуя истинѣ послѣднимъ остаткомъ славной жизни и примѣромъ славной смерти, не долженъ былъ къ тому примѣшивать ничего вымышленнаго и баснословнаго: все же, что ни

говорятъ о лебедѣ, есть басня. Но казалось, что воображеніе Платона, котораго можно назвать самого лебедемъ философіи, дозволивъ себѣ вымыслы и образъ рѣчи ему свойственный, долженствовало бы вездѣ являться въ семъ видѣ; однакожъ сего не видно въ его *Апологіи*, о которой не безъ основанія думаютъ, что она близко подходитъ къ рѣчи самого Сократа; и поелику она произнесена была предъ многочисленными слушателями, то Платонъ и не могъ ничего перемѣнить ни въ содержаніи ни въ самыхъ выраженіяхъ ея, такъ, что онъ на сей разъ, какъ бы связанъ былъ сколько уваженіемъ къ своему наставнику, столько и почтеніемъ къ публикѣ.

Семужъ самому должно приписать и другой его разговоръ, подъ названіемъ *Іонъ*, котораго весь предметъ состоитъ въ томъ, чтобы показать, что стихотворство не есть наука, но есть слѣдствіе вдохновенія и восторга, и стихотворцы тогда только стихи сочинять могутъ, когда они внѣ себя бываютъ. Изъ сего видно, что сочинитель слишкомъ далеко простеръ извѣстную истинну, и сіе мнѣніе его больше склоняется на сторону тѣхъ, которые непремѣнно полагаютъ, что всѣ стихотворцы сумасшедшіе; что однакожъ столькоже не возможно, какъ и то, чтобы всѣ сумасшедшіе были стихотворцами Сіе подобно тому, ежели бы кто сказалъ, что боецъ и пляшущій по веревкѣ сотворены не такъ, какъ другіе люди; поелику напряженіе силъ перваго и разные обороты послѣд-

няго превосходятъ обыкновенныя способности. Но тотъ и другой внѣ своихъ занятій вступаютъ опять въ общее состояніе, и самая легкость, съ которою они упражняясь въ своемъ ремеслѣ, достигаютъ того, доказываетъ, что оно есть искуство, и пріобрѣтается подобно всѣмъ прочимъ только извѣстными правилами и упражненіемъ, которыя соединены бываютъ съ природными дарованіями.

Впрочемъ рѣчи Сократовы въ Федонѣ во всякомъ бы другомъ случаѣ служили удивленіемъ, а здѣсь они еще удивительнѣе: ибо нѣтъ сомнѣнія, что хотя онѣ сочинены Платономъ, но Сократъ говорилъ ихъ, и кажется ниодинъ человѣкъ не былъ одаренъ больше проницаніемъ разума и не вознесся выше пареніемъ духа своего. Хотя въ нынѣшнемъ столѣтіи былъ одинъ философъ, впрочемъ достойный всякаго уваженія (*), которой отвергалъ столь полезную мысль о смерти, служащую самою надежною уздою въ жизни; однакожъ насъ должны больше поражать слѣдующія слова изъ Фисона, почитающіяся преизящнѣйшими въ своемъ родѣ изъ всей древности: „Желаете ли вы, чтобы я вамъ „изъяснилъ, по чему истинный философъ взи„раетъ на приближающуюся смерть неробкимъ „окомъ, и чѣмъ онъ можетъ увѣриться, „что она будетъ началомъ великаго бла-

(*) Вовенаргъ.

„женства? Больша́я часть людей сего не
„знаетъ, но я вамъ скажу, что истинная
„философія не иное что есть, какъ ученіе
„о смерти, и мужъ мудрый непрестанно
„въ сей жизни поучается не только тому
„какъ умереть, но даже помышлять о со-
„стояніи своемъ по смерти. Ибо что есть
„смерть? не разлученіе ли души съ тѣломъ?
„и не должны ли мы убѣждены быть въ
„томъ, что совершенство души наипаче въ
„томъ состоитъ, чтобы уклоняться, сколь-
„ко возможно, отъ союза съ чувствами и
„угожденій тѣлесныхъ, дабы можно было со-
„зерцать истинну въ Богѣ? Не удостовѣрены
„ли мы, что сему упражненію души препят-
„ствуютъ наибольше житейскіе предметы
„и чувственныя обольщенія? Не ясно ли
„видно, что естьли мы въ семъ свѣтѣ мо-
„жемъ имѣть нѣкоторое познаніе истинны,
„то не иначе, какъ созерцая оную умными
„очами, и отвращаясь отъ всего тѣлеснаго
„и чувственнаго? Слѣдовательно настоящее
„объ ней понятіе получается только послѣ
„смерти. Изъ сей бесѣды моей съ вами вы
„могли увѣриться, что истинное блажен-
„ство состоитъ единственно въ познаніи
„истинны, Богъ же есть начало и источ-
„никъ ея, и въ немъ единомъ можетъ заклю-
„чаться совершенное познаніе. А посему
„не имѣемъ ли мы причины надѣяться, что
„кто изъ насъ жизнь свою посвятилъ сему
„изслѣдованію, и коего сердце пребыло чисто
„тотъ, можетъ послѣ смерти своей прибли-
„житься къ сей вѣчной и небесной истинѣ?

„Ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что все, что „есть нечисто, не можетъ находиться „вмѣстѣ съ чистымъ. Вотъ, почему мудрый „жизнь свою ведетъ такъ, чтобы размыш- „лять о смерти и не спрашиться ея при- „ближенія. Вотъ основаніе сей сладостной „увѣренности, сопровождающей меня въ сію „минуту, въ которую мнѣ предопредѣлено „преселиться. Увѣренность сія будетъ не- „разлучна со всякимъ, кто подобно мнѣ „предуготовилъ и очистилъ душу свою.“

Слушая такую бесѣду съ начала до конца въ Федонѣ, не льзя не простить выраженію одного изъ церковныхъ писателей шестагонадесять столѣтія, Еразма, который нѣгдѣ такъ взываетъ: *блаженный Сократъ, моли о насъ.* Ибо въ самомъ дѣлѣ все въ разговорѣ семъ совершенно сходствуетъ съ тѣмъ, чему учили и сами исполняли святые мужи.

Хотя подобіе не можетъ служить доказательствомъ; но я уже предварилъ васъ, что Платонъ не сомнѣвался употреблять одно вмѣсто другаго, чему въ сей самой бесѣдѣ находится примѣръ, изъ котораго вы можете опять усмотрѣть воображеніе ученика Сократова. „Когда искусство у Египтянъ сохраняетъ тѣла умершихъ чрезъ „цѣлыя столѣтія посредствомъ благовонныхъ „составовъ, (влагаетъ онъ рѣчь въ уста на- „ставнику своему); то неужели вы повѣрите, „что существо само по себѣ нетлѣнное,

„словомъ сказать, душа можетъ умереть въ „то мгновеніе, когда она силится отторг„нуться отъ бреннаго тѣла съ тѣмъ, что„бы преселиться въ обитель вѣчнаго Суще„ства, которое едино есть благо и едино „премудро?“

Что единъ Богъ истинно благъ и истинно премудръ, то есть, что премудрость и благость, равно въ немъ безпредѣльныя, суть неотъемлемыя свойства существа его, сія совершенно метафизическая мысль есть дѣйствительно Сократова, и тѣми же изъяснена словами въ его *апологіи*, и сей драгоцѣнный памятникъ Греческой древности тѣмъ большее, можетъ быть, заслуживаетъ удивленіе, нежели Федонъ: ибо нѣтъ тому другаго примѣра между древними, чтобы обвиненный говорилъ такимъ образомъ предъ судіями. Сочиненія сего отнюдь не льзя отнести къ числу рѣчей судебныхъ, а сочинена была для него рѣчь сего рода славнымъ ораторомъ Лисіемъ, которую однакожъ Сократъ отвергнулъ, сказавъ сіе: *она очень хороша, но не для меня.* Его собственная рѣчь, ежели такъ ее можно назвать, совершенно сходствуетъ съ философскими наставленіями, каковыя онъ обыкновенно преподавалъ Аѳинскому юношеству. Онъ, не оправдывая своего поведенія, отдаетъ отчетъ въ своихъ правилахъ съ тѣмъ непоколебимымъ спокойствіемъ, каковое только, говоря за себя, сохранить могъ: ибо говоря за другаго, сіе было бы дѣломъ невозможнымъ. Но сколько

онъ кажется не возмущенъ духомъ, столько-же не видно въ немъ гордости, хотя и не скрываетъ презрѣнія своего къ обвинителямъ, и даже обнаруживаетъ его наиболѣе тѣмъ, что не соединяетъ его ни съ какимъ негодованіемъ, ниже съ малѣйшимъ движеніемъ неудовольствія, какъ-то обыкновенно случается, когда какой нибудь злонамѣренный человѣкъ лично вредъ намъ причиняетъ, и собственно намъ дѣлается врагомъ, а не цѣлому обществу. Впрочемъ Сократъ, очень понимая, что нещастіе его наиболѣе происходило отъ зависти, которую возбудила противъ него чрезвычайная слава о его мудрости, присвоенная ему прорицалищемъ, оправдалъ слова его своими правилами, которыя и въ семъ случаѣ совершенно согласны съ правилами христіанской Философіи, и поставляютъ въ обязанность не токмо кротость, прославляемую всѣми мудрецами, но и смиреніе, о которомъ, кажется, одинъ Сократъ имѣлъ нѣкоторое понятіе прежде христіанства. Вотъ его слова: „Меня име„нуютъ мудрымъ, целику мнятъ, что я „свѣдущъ въ томъ, въ чемъ другихъ на„зываю невѣждами; но ошибаются. Аѳиняне, „единъ Богъ премудръ есть, и сказанное о „мнѣ прорицалищемъ означаетъ то, что „мудрость человѣческая есть или маловажна, „или лучше сказать есть ничто. Оно на„именовало меня мудрымъ для того только, „чтобы имя мое въ примѣръ поставить; и „какъ бы вѣщаетъ къ людямъ: познайте, „что мудрѣйшій изъ всѣхъ есть тотъ,

„кто увѣренъ, что его мудрость въ самой „вещи есть ничто.“

Нельзя лучше сего изъясниться. Что̀жъ касается до сей спокойной отважности, которая не гоняется за опасностію, ниже устрашается ея, когда встрѣчаетъ ее на поприщѣ обязанности; то нельзя выразиться съ бо́льшею простотою, то есть съ бо́льшимъ благородствомъ, какъ видно въ слѣдующемъ объясненіи Сократа къ судьямъ своимъ: „Естьли бы вы обѣщали меня объявить „невиннымъ съ такимъ условіемъ, чтобы „впредь не училъ я и не наставлялъ въ фило„софіи; то я въ отвѣтъ бы сказалъ вамъ: „Аѳиняне, я васъ люблю, но я привыкъ „повиноваться болѣе Богу, нежели вамъ, и „доколѣ онъ не отниметъ у меня жизни и „силы, я не престану дѣлать то, что „доселѣ дѣлалъ, то есть поучать добродѣ„тели всѣхъ тѣхъ, которые слушать меня „пожелаютъ.“

Все сіе заслуживаетъ великую похвалу; но и здѣсь также открывается человѣческое несовершенство, какъ и въ прочихъ случаяхъ. Хотя Сократъ, какъ я недавно сказалъ, получилъ по крайней мѣрѣ чрезъ умозрѣніе о смиреніи чѣкое понятіе, но на сей разъ показалъ, что ни его, ни кротости не исполнилъ на самомъ дѣлѣ такъ, какъ требуетъ того благоприличіе, на человѣческой природѣ основанное. Никогда не одобритъ благоразуміе того, что онъ въ сей самой *Апологіи*,

гдѣ столь хорошо доказалъ, что человѣкъ не долженъ кичиться своею мудростію, отвѣчаетъ судьямъ, что поелику они ему самому приказываютъ опредѣлить себѣ наказаніе, имъ заслуживаемое; то онъ полагаетъ, что не заслужилъ инаго наказанія, какъ быть на содержаніи Пританея: что было самою почтительною данію всеобщаго уваженія. Въ семъ случаѣ человѣческое высокомѣріе оказано самымъ дѣломъ и даже въ лицѣ мудраго мужа: напротивъ того довольно бы было ему отвѣчать, что поелику онъ не почитаетъ себя виновнымъ, то никакого наказанія себѣ опредѣлить не можетъ. Таковый отвѣтъ былъ бы приличенъ и безукоризненъ, и могъ бы даже почесться довольно твердымъ: ибо по тогдашнему установленію, обвиняемому неиначе позволялось избрать самому себѣ наказаніе, какъ въ такомъ случаѣ, когда оное не простиралось далѣе денежной пени; когда же Сократу сіе право предоставлялось, то та сторона, которая его спасти желала, имѣла верхъ въ Ареопагѣ, и жизнь его была въ безопасности; но гордый его отвѣтъ возпалилъ большую часть членовъ онаго гнѣвомъ, который однакоже не можетъ оправдать ихъ въ несправедливомъ приговорѣ его къ смерти: ибо гордость не есть преступленіе предъ судомъ, но есть порокъ въ человѣкѣ, а въ Сократѣ составляетъ еще и противорѣчіе.

Однакожѐ не видно никакого противорѣчія, и даже напротивъ того между ученіемъ

его и поступками явствуетъ великое согласіе изъ того, что во всемъ дѣлѣ семъ ясно усматривается презрѣніе къ жизни и твердое намѣреніе воспользоваться въ семъ гнусномъ обвиненіи благопріятнымъ случаемъ умереть со славою, котораго онъ не хотѣлъ лишиться, и двукратно отказывался отъ спасенія своей жизни, во первыхъ предъ судьями, которые очевидно ему оную предоставляли, а потомъ друзья доставляли ему всѣ возможныя средства и способы оставить безъ препятствія и опасности темницу и отечество. Въ семъ случаѣ Аѳинскій мудрецъ намѣренія свои оправдалъ отмѣнно хорошими и неложными привилами, которыя хотя такъ же не изъяты отъ погрѣшности, но истинны въ нихъ заключающіяся превосходны, а ошибки маловажны; и онъ весьма благоразумно поступилъ, когда не хотѣлъ согласиться на самоубійство, чтобы избѣгнуть, что называется, позорной казни, и его доказательства, коими онъ опровергаетъ самоубійство, по тому болѣе приносятъ ему честь, что первый, и, какъ мнится мнѣ, даже одинъ онъ изъ язычниковъ, который отважился почитать не только слабостію, но и преступленіемъ то, что во всей древности одобрялось общепринятымъ мнѣніемъ и обыкновеніемъ. Можно сказать, что философія въ семъ случаѣ предвозвѣстила вѣру, когда устами Сократа рѣшила, что человѣкъ, получивъ жизнь отъ Бога, не долженъ себя оной лишать безъ его воли, и что онъ не имѣетъ права располагать тѣмъ, что ему не принадлежитъ.

Сократъ такъ же первый, кажется, вникнулъ въ сіе гражданственное и политическое правило, по которому повиновеніе къ законамъ поставляется долгомъ, основаннымъ на доразумѣваемомъ условіи, въ силу чего всякой человѣкъ при рожденіи своемъ долженъ принадлежать своему отечеству, и обязанъ повиноваться власти его охраняющей и покровительствующей. Ибо извѣстно, что ежели бы не было гдѣ ни законовъ, ни увѣренности въ разсужденіи общей безопасности, такое мѣсто не могло бы быть ни для кого отечествомъ, и привело бы всякаго въ природное состояніе; но Аѳины и Сократъ не были въ семъ положеніи: и хотя онъ во всѣхъ сихъ членахъ далеко предваривъ философовъ послѣдующихъ вѣковъ, однакожъ весьма далеко устраняется, когда утверждаетъ, что не позволено спасти себя бѣгствомъ отъ несправедливаго приговора, основываясь на томъ правилѣ, которое не велитъ за зло воздавать зломъ ни отечеству, ни частнымъ людямъ. Правило сіе справедливо и извѣстно, но здѣсь примѣнено не къ стати, и безъ сомнѣнія было бы оно нарушено, естьли бы кто неправосудію цѣлаго общества возпротивился силою: ибо сіе не могло бы случиться безъ междоусобія, и тѣмъ самымъ за зло было бы зломъ воздано; но такъ какъ сіе дѣлать запрещается, то причиненный тѣмъ самымъ вредъ отечеству гораздо былъ бы важнѣе, нежели какой могъ бы произойти отъ несправедливаго его приговора. Кто же избѣгаетъ сего тайно, тотъ

никакого вреда отечеству не наноситъ, а слѣдуетъ въ томъ закону естественному, не изпровергая и положительныхъ законовъ, изъ коихъ ниодинъ не возбраняетъ оприцаться безъ нужды отъ сохраненія жизни, и даже таковый вмѣсто того оказываетъ отечеству услугу; ибо предостерегаетъ его отъ преступленія. Впрочемъ сіе нечто иное у Сократа и Платона значитъ, какъ крайнюю точность въ исполненіи обязанностей, которая столь же мало опасна, сколь и мало обыкновенна.

Цицеронъ сказалъ, что естьли бы боги восхотѣли говорить языкомъ людей, то избрали бы языкъ Платоновъ. Сіе безъ сомнѣнія относится не только къ изяществу его выбора словъ, но и къ образу философическихъ его понятій, которыя принадлежатъ къ самому возвышенному роду. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о чистотѣ языка, что называлося Аттицизмомъ, изъ всѣхъ древнихъ философовъ онъ наиболѣе отличился даромъ сочиненія, и по признанію всѣхъ древнихъ критиковъ усматривается у него сіе въ высочайшей степени: онъ строгость самыхъ отвлеченныхъ предметовъ умѣлъ согласить съ красотами слога, и ощутительно то, что кто совѣтовалъ Ксенократу жертвовать Граціямъ, тотъ не переставалъ самъ имъ служить, и не безъ пользы съ ними обращался. Какъ бы то ни было, но и у него встрѣчаются недостатки въ слогѣ, и не менѣе того въ разположеніи и порядкѣ; и хотя онъ вообще

отличается блескомъ и обиліемъ, но инде примѣчаются у него пышность и принужденность, а весьма часто многорѣчіе и безпорядокъ; такъ же много дѣлаетъ повтореній, и нерѣдко отвлекается отъ своего предмета. Что касается до темноты, которою его во многихъ случаяхъ упрекнуть можно; то оная не отъ образа его сочиненія происходитъ, но отъ образа его умствованія. Будучи строителемъ мысленнаго и на положеніяхъ основаннаго міра, онъ зиждетъ его какъ бы вещь возможную съ такою увѣренностію въ удобности того, какъ естьли бы кто начертилъ на бумагѣ великолѣпное зданіе, не заботясь о нужныхъ къ тому припасахъ и объ основаніи его. Но въ томъ нѣтъ сумнѣнія, что основа Платонова міра есть по большой части химерическая; и поелику онъ предполагаетъ существа по своему произволу, не доказывая бытія ихъ; то и отношенія ихъ разполагаетъ также неосновательно, такъ какъ поступилъ онъ въ сотвореніи ихъ существа, и вмѣсто того, чтобы сообщить понятіе о томъ своимъ читателямъ, онъ обременяетъ ихъ метафизическими наименованіями, которыя по тому болѣе непонятны, что онъ самъ, смотря по обстоятельствамъ перемѣняетъ ихъ значеніе. И такъ не должно домогаться того, чтобы можно было сдѣлать систему его понятною во всѣхъ ея частяхъ; а впрочемъ нѣтъ ниодной изъ нихъ, которая бы не представляла понятій и доказательствъ самаго философическаго ума, объемлющаго

все съ такою же быстротою, что не успѣ-
ваетъ утверждаться въ своихъ понятіяхъ,
и въ наукѣ объ общихъ свойствахъ существа,
называемой онтологія, дѣлаетъ, какъ бы на
самомъ лету, быстрыя и блестящія откры-
тія, предоставляя другимъ оными пользо-
ваться, и изъ нихъ выводить заключенія,
такъ на примѣръ онъ первый показалъ съ
величайшею проницательностію общее начало
удовольствія и скорби, изъ коихъ первое
состоитъ въ томъ, что принадлежитъ къ
сохраненію органическаго сложенія одушевлен-
ныхъ тѣхъ, а скорбь производитъ противное
тому; и сіе опредѣленіе можетъ назваться
превосходнымъ изложеніемъ въ физіологіи.
Такимъ же образомъ, но въ другомъ родѣ,
онъ первый постигъ то, что душа по раз-
лученіи отъ тѣла является въ жизни въ
томъ же нравственномъ состояніи, въ ко-
торомъ находилась при смерти, то есть
съ тѣми же порочными или добрыми при-
страстіями, коимъ была подвержена, находясь
въ тѣлѣ. Сіе онъ хотя недовольно изъяс-
нилъ, но посредствомъ философскихъ заклю-
ченій, одно изъ другаго выведенныхъ, служитъ
къ изпроверженію великаго заблужденія тѣхъ,
которые не допускаютъ ни наказаній, ни
наградъ въ будущей жизни, и утверждаютъ,
что душа, разрѣшась отъ чувствъ, не
можетъ уже имѣть ощущеній, которыя
только къ чувствамъ относились.

Въ заключеніе обязанностію почитаю,
какъ о предметѣ, примѣчанія и любопытства

достойномъ, здѣсь упомянуть о томъ, что новѣйшіе писатели въ Платонѣ нашли наидревнѣйшія преданія о томъ великомъ островѣ Атлантическаго океана, названномъ Атлантидою, который подалъ поводъ ко многимъ изслѣдованіямъ и догадкамъ въ недавнія времена такъ, что утверждали, яко бы сей островъ прежде прилегалъ къ матерой землѣ Америки, отъ которой отдѣлился чрезъ какую нибудь перемѣну на земномъ шарѣ, или по крайней мѣрѣ, что онъ не былъ отдаленъ отъ оной, и водворилъ тамъ искусства, коихъ слѣды найдены въ Мексикѣ и въ Перу. Пусть ученые о семъ споряпъ, и пусть самаго Платона читаютъ желающіе знать то, что онъ повѣствуетъ о сей Атлантидѣ, основываясь на свидѣтельствѣ Египетскихъ жрецовъ; однакоже небезполезно замѣтить, что хотя Платонъ и не составилъ сего острова такъ, какъ онъ сочинилъ міръ свой; но не должно полагаться на все то, что онъ заставляетъ говорить Египтянъ, которые щитаютъ восемь тысячь лѣтъ отъ существованія и изчезновенія сей Атлантиды, почитаемой ими величиною въ совокупности съ Европу и Африку. Платонъ и многіе другіе древніе писатели покушались привести въ силу мнимыя книги мудрецовъ Египетскихъ, долженствовавшія въ себѣ содержать множество чудесъ, скрываемыхъ отъ простонародія; но весьма вѣроятно, что сіи книги никогда не существовали: не возможно такъ же и то, чтобы они могли совсѣмъ утратиться въ такой странѣ, гдѣ Государи съ толикимъ тщаніемъ безчисленное

ихъ множество собрали, или чтобы по крайней мѣрѣ не открылось объ нихъ какого нибудь слѣда въ сочиненіяхъ или преданіяхъ древнихъ: упоминается же только о тѣхъ сего рода книгахъ, коихъ сочинителемъ почитаютъ Гермеса, но и сіи книги не заключаютъ въ себѣ никакихъ таинствъ и чудесъ, и навѣрно принадлежатъ неизвѣстнымъ сочинителямъ: когда же они въ послѣднемъ столѣтіи были изданы въ свѣтъ, то оказалось, что древность ихъ не далѣе простирается втораго вѣка Христіанскаго лѣтосчисленія, и сочинитель ихъ, являющій вездѣ великое отвращеніе ко идолопоклонству, былъ какой нибудь Платоникъ изъ Александрійской школы, а не тотъ Гермесъ современникъ Озирида, котораго почитаютъ однимъ изъ основателей Египетской философіи, болѣе прочихъ наполненной идолопоклонства.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Плутарх ъ.

Плутарха также можно, кажется, причислить къ мужамъ, отличившимся въ древности многоразличными знаніями, который съ великою легкостію обработалъ разные роды философіи и ученыхъ предметовъ. Мы уже видѣли, что онъ щитается въ числѣ отличныхъ историковъ, и занимаетъ первое мѣсто между описателями жизней славныхъ людей; но прочія его сочиненія, которыя можно назвать настоящимъ сборищемъ трудолюбія, доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ великаго ума, неутомимый писатель, и не только хорошо судилъ о людяхъ, но не менѣе того умѣлъ цѣнить и вещи, начиная со времени, яко драгоцѣннѣйшей изъ всѣхъ вещей. Впрочемъ не льзя требовать, чтобы въ такомъ множествѣ мѣлкихъ сочиненій вообще все было отлично и основательно; однакоже видно, что онъ будучи любопытенъ и пристрастенъ къ наукамъ, любилъ во всемъ повѣрять себя, и записывалъ всѣ мысли, встрѣчавшіяся ему, и все то, что онъ извлекалъ изъ читаннаго имъ. Такимъ образомъ *физическіе* или *метафизическіе вопросы* суть не иное что, какъ ученыя выписки изъ Аристотеля, Платона и другихъ философовъ, которыя болѣе или менѣе согласуютъ съ сими двумя основателями школъ, и слѣдовательно содержатъ такую же смѣсь истинъ и погрѣшностей. Сколько онъ прилъ-

плéнъ былъ къ ученію сихъ двухъ великихъ мужей, столько же имѣлъ отвращенія отъ ученія Стоиковъ, и опровергалъ ихъ правила. *Пиршественные его вопросы* хотя часто касаются до маловажныхъ историческихъ замѣчаній, и во многомъ походятъ на отрывки записокъ нашей Парижской Академіи, коихъ польза изысканій не соотвѣтствуетъ труду на то употребленному; впрочемъ не льзя того отвергнуть, чтобы собраніе сіе въ совокупности не могло почесться изящнѣйшимъ вмѣстилищемъ знаній, пренебрегаемымъ сочинителями можетъ быть до излишества, и жаль только того, что не достаетъ въ немъ пріятности, которая во всякомъ предметѣ должна имѣть мѣсто до нѣкоторой степени, и древніе рѣдко сіе теряли изъ виду. Образъ изложенія посредствомъ разговора, введеннаго Платономъ въ употребленіе, по тому ли, что онъ былъ первый изобрѣтатель сего по примѣру наставленій Сократа, или такъ какъ образецъ собственнаго его дарованія, въ чемъ подражали ему Цицеронъ и Плутархъ, болѣе всего способствовалъ къ содѣланію пріятнымъ по разположенію того, что не слишкомъ было привлекательно или поучительно по содержанію своему, чему могутъ служить примѣромъ *пиръ седми мудрецовъ*. и *пиршественные вопросы*, а наипаче въ послѣднемъ сочиненіи хотя часто входятъ предметы маловажные, однакожъ разговоръ собою забавляетъ какъ по тому, что разговаривающіе судятъ различно, такъ и по тому, что сіе

смѣшеніе, будучи чуждо колкостей, своими приспойными шутками, замысловатыми и острыми изрѣченіями, небольшими разсказами и спорами столь же мало утомляетъ умъ, какъ и бесѣда благоразумныхъ людей.

Я нахожу у Плутарха одно сочиненіе, въ которомъ онъ показалъ свою слабость, подъ заглавіемъ *о пристрастіи Иродота*, котораго однакожъ по признанію его самаго не льзя почесть за таковаго, даже въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ Плутархъ изобличаетъ его въ сдѣланномъ имъ упущеніи. Но есть ли хотя одинъ такой историкъ, которой бы никогда не ошибался? Всякъ согласится въ томъ, что во всемъ, касающемся до древнихъ восточныхъ владѣній и отдаленныхъ вѣковъ, Иродотъ, приближаясь ко времени и странамъ баснословія, не могъ почти пользоваться достовѣрными памятниками бытописаній, когда все почти было основано на одномъ только преданіи. И такъ онъ не могъ почти имѣть худаго намѣренія противъ Ассиріянъ и Скиѳовъ; равно не вижу я причины и тому, по чему бы онъ имѣлъ такоежъ намѣреніе противъ Віопіянъ и Коринѳянъ, жившихъ во времена позднѣйшія и ближайшія къ нему. Въ семъ однако же самомъ состоитъ негодованіе Плутарха; но надобно знать и то, едва ли кто былъ столько приверженъ къ своему отечеству, и имѣлъ столько любви къ мѣсту рожденія своего, какъ онъ; и хотя чувствованіе сіе сродно всѣмъ людямъ, но въ немъ оно составляло страсть, и можно къ чести его сказать, что страсть сія бы-

ля ѣ немъ самая благородная по образу мыслей, которыя поселила въ него, и по тому вліянію, которое на всю жизнь его она имѣла. По дарованіямъ своимъ и славѣ онъ могъ всядѣ избрать мѣсто для своего пребыванія, гдѣ бы ни пожелалъ, а наипаче въ знатнѣйшихъ городахъ, которые служили позорищемъ для отличныхъ людей, и даже въ самомъ Римѣ, который безъ сравненія почитался изъ всѣхъ первымъ городомъ, желали удержать его, когда онъ былъ туда отправленъ отъ своихъ сограждан съ препорученіями; но онъ никакъ не согласился оставить Херонею небольшой городъ въ Віотіи, гдѣ онъ родился и поставилъ предѣлъ всѣмъ своимъ желаніямъ и честолюбію, проходя тамъ всѣ гражданскія обязанности. Тщетно ему представляли, что въ столь обширномъ пространствѣ Римскихъ обладаній Херонея есть небольшой и малоизвѣстной уголъ, и не можетъ доставить ему славы; онъ отвѣчалъ на сіе, что ежели Херонея доселѣ ничемъ не прославилась, то онъ по крайней мѣрѣ будетъ стараться сколько нибудь оную прославить собою и споспѣшествовать всѣми силами пользѣ ея. Вотъ подлинно достохвальный примѣръ честолюбія и наилучшее доказательство благоразумія, каковое Плутархъ наблюдалъ въ своихъ поступкахъ и въ сочиненіяхъ! По симъ качествамъ безъ сомнѣнія можно извинить негодованіе его на Геродота, который по мнѣнію его не отдалъ справедливости народамъ Пелопонисскимъ: ибо коль скоро касалось что до Пелопониса, то доброду-

шнѣй Плутархъ не могъ сносить того хладнокровно. Но какъ бы то ни было, ему надлежало быть тѣмъ снисходительнѣе къ погрѣшностямъ, находящимся у Геродота въ произшествіяхъ, въ лѣтосчисленіи и въ именахъ, потому что онъ и самъ впадалъ въ оныя, какъ-то мною было показано въ статьѣ о историкахъ; а изъ причинъ представленныхъ тамъ же, которыя должны быть и всякому извѣстны, явствуетъ, что Геродотъ и самъ Плутархъ дѣлали таковыя ошибки безъ всякаго худаго намѣренія, и тѣмъ менѣе труда стоило послѣднему избѣжать оныхъ, потому что весьма легко можно было оныя исправить.

Но я не знаю, есть ли кто изъ древнихъ, кого бы можно было предпочесть Плутарху въ нравственной наукѣ, и даже въ обыкновенномъ ея употребленіи, гдѣ она примѣнена ко всякому состоянію и ко всякому обстоятельству; но и тутъ видны величіе и благородство его мыслей, какъ-то усмотрѣть вы можете черты сего изъ приведенныхъ мною примѣровъ, которыми изобилуютъ его сочиненія. Впрочемъ Плутархъ имѣетъ и то особливое свойство, что всегда тщится мысли свои сблизить съ самымъ дѣйствіемъ, и не разпространяется въ умозрѣніяхъ; а отъ сего самаго, кромѣ свойственнаго ему достоинства, происходятъ недостатки, примѣшивающіеся къ тому. Сіе можетъ быть было плодомъ произведенія самаго естественнаго нравоученія, и есть основаніе удивительныхъ его *сравненій*; но оно же доводи-

ло его часто и до отступленій, въ которыхъ не находится ни надлежащей мѣры, ни нужды; даже въ философическихъ своихъ сочиненіяхъ онъ все примѣняетъ къ каждому человѣку и ко всякому времени; все хочетъ сдѣлать чувствительнымъ, изобилуетъ физическими сравненіями до такой степени, что каждая мысль влечетъ что нибудь за собою, и всякой разъ слѣдуетъ за нею какое нибудь подобіе. Порядокъ сей, правду сказать, хотя самъ по себѣ есть пріятенъ, а у него часто бываетъ и очень остроуменъ; но съ другой стороны также и съ лишкомъ единообразенъ, и походитъ иногда у него какъ бы на охоту выказать вдругъ всѣ свои знанія, что было общею и можетъ быть свойственною Грекамъ слабостію; а ежели къ сему присовокуплены еще будутъ постепенно недостатокъ въ выборѣ и недостатокъ правильности въ сравненіяхъ, тогда безъ труда можно усмотрѣть все то, что нравственныя творенія Плутарха заключаютъ въ себѣ несообразнаго съ ихъ изяществомъ; однакоже и усматривая оныя, мы не лишаемся ни пользы, ни удовольствія.

Между множествомъ небольшихъ его весьма полезныхъ и достойныхъ вниманія разсужденій отличнѣйшія суть: *о способѣ читать стихотворцевъ; о томъ, какъ надлежитъ слушать; о различіи между льстецомъ и другомъ; о пользѣ, какую получить можно отъ своихъ непріятелей; о любопытствѣ; о любостяжаніи; о братней любви; о пустословіи; о непристойномъ стыдѣ; о томъ, въ*

какихъ случаяхъ можно хвалить самаго себя; о медленности божескаго правосудія въ отношеніи къ злымъ. Все вообще въ сихъ отборныхъ отрывкахъ основано на здравомъ смыслѣ, и содержится что нибудь изящнаго; остается только желать, чтобы какой нибудь искусный человѣкъ принялъ на себя трудъ составить изъ нихъ особливое небольшое сочиненіе для пользы юношества, такъ, чтобы изъ него все было извлято, что не сполъ полезно, превосходитъ его понятіе и относится къ зрѣлому возрасту.

Исполняя свое обѣщаніе, я представляю здѣсь для примѣра нѣсколько Плутарховыхъ правилъ, почерпнутыхъ мною безъ всякаго разбору, которыя можетъ быть еще больше привлекутъ къ себѣ ваше любопытство.

„Дѣтей нужнѣе учить, чтобы они зна„ли читать, нежели ходить.“

„Совершенство добродѣтели зависитъ „отъ трехъ вещей, то есть отъ природ„наго свойства, наставленія и навыка.“

„Въ младенчествѣ должно полагать осно„ваніе благополучной старости.“

„Кстати молчать часто бываетъ по„лезнѣе, нежели умно говорить.“

„Тотъ только есть свободенъ, кто по„коряется разсудку.“

„Кто повинуется разуму, тотъ по„винуется Богу.“

„Изъ всего, что человѣкъ получить, а „Богъ даровать можетъ, нѣтъ ничего пре„изящнѣе истины.“

„Уваженіе есть вѣнецъ старости.“

„Непріятель иногда служитъ намъ та-
„кимъ наставникомъ, который ничего намъ
„не стоитъ.“

„Молчаніе есть украшеніе и охраненіе
„для юношества.“

„Дабы научиться говорить, надобно
„научиться молчать.“

„Научися слушать, и тогда будешь
„имѣть пользу даже отъ того, кто гово-
„ритъ худо.“

„Кто скупъ на похвалы, сіе доказываетъ,
„что онъ судить не умѣетъ.“

„Я болѣе уважаю пчелу, которая медъ
„извлекаетъ изъ цвѣтовъ, нежели женщину,
„которая изъ нихъ пучки вяжетъ.“

„Когда слуга мой выбиваетъ мое платье,
„тогда ударовъ его я не чувствую; тожъ
„самое бываетъ, ежели кто упрекаетъ меня
„въ такихъ обстоятельствахъ, которыя за-
„висятъ отъ природы и щастія.“

„Умъ не такъ, какъ сосудъ, его не дол-
„жно наполнять чрезъ край.

„Неудивительно, что юный Принцъ лег-
„че можетъ научиться верховой ѣздѣ: ибо
„лошадь не льститъ ему.“

„Кто всегда старается говорить та-
„кимъ же образомъ, какъ ты говоришь, или
„дѣлать такъ же, какъ ты поступаешь;
„тотъ не есть тебѣ другъ, но тѣнь твоя.“

„Хамелеонъ принимаетъ на себя всѣ
„цвѣты, кромѣ бѣлаго: такъ и льстецъ по-
„дражаетъ всему, кромѣ добра.“

„Льстецъ походитъ на тѣхъ плохихъ „живописцевъ, которые не умѣя изображать „красотъ, отмѣнно удачно представляютъ „все безобразное.“

„Есть люди, которые для спасенія сво„его отъ разбойниковъ или отъ пожару „ввергаются въ пропасть; имъ же подобны „и тѣ, которые избѣгая суевѣрія, погружа„ются въ горестное и гнусное ученіе без„божія, и такимъ образомъ переходятъ изъ „одной крайности въ другую мимо вѣры, „которая посреди ихъ находится.“

„Закоснѣніе въ порокѣ портитъ сердце „такъ, какъ ржа снѣдаетъ желѣзо.“

Не смотря на сію очевидную способность изъяснять мысли свои точно и сильно, Плутархъ однакоже совершенно чуждъ приточнаго слога: ибо сіи извлеченные здѣсь отрывки разсѣяны въ разныхъ его разсужденіяхъ, и никогда не находятся въ одномъ мѣстѣ. Что же касается до образа слога его, то оный обыкновенно связенъ, и состоитъ изъ правильныхъ періодовъ; при всемъ томъ Плутархъ примѣняется къ свойству и различію движеній, и возвышаетъ его то важностію мыслей и отношеній, то посредствомъ сильныхъ оборотовъ, какъ-то доказываютъ слѣдующіе два отрывка изъ его разсужденій о льстецъ: „онъ говоритъ гнѣву, отмсти за „себя; страсти, наслаждайся; страху, спа„семся; подозрѣнію, вѣрь всему.“

„Патроклъ облекаясь въ броню Ахилла, „не дерзалъ приняться за копье его, копію„рымъ одинъ Ахиллъ могъ только дѣйство-

„вать: подобно сему лесть все заимствуетъ „отъ дружбы, кромѣ неробкой искренно„сти, составляющей собою слишкомъ тя„гостную броню, которую одна дружба сно„сить въ состояніи.“

Ежели въ эпическихъ или драматическихъ спихотвореніяхъ встрѣчаются развратныя правила и порочныя мысли; то Плутархъ совѣтуетъ внушать молодымъ людямъ, читающимъ оныя, болѣе омерзѣнія къ словамъ, въ нихъ содержащимся, нежели къ самымъ вещамъ, оными изображеннымъ: что и справедливо, и наставленіе сіе достойно глубокомысленнаго нравоучителя: ибо вредное правило болѣе причиняетъ зла, нежели худое дѣяніе, во первыхъ по тому, что въ правилѣ вредномъ заключается множество худыхъ дѣяній, сверхъ же сего и для того, что худое дѣяніе влечетъ за собою разкаяніе, которое худымъ правиломъ отвергается; а изъ сего можете вы понять причину того неизъяснимаго отвращенія, которое изъ рода въ родъ сохранится къ революціонному ученію, превратившему въ нравоучительныя и даже въ законодательныя истины то, чего и самые спихотворцы не смѣли ни въ подражаніи, ни въ театральномъ изобрѣтеніи вложить въ уста тирановъ и злодѣевъ.

Вы безъ труда убѣдитеся, что ученіе Плутарха о Божествѣ и Провидѣніи есть тоже самое, которое мы видѣли у Платона, и послѣ усмотримъ тоже у Цицерона. Вотъ, какъ онъ свойственнымъ ему сравнитель-

нымъ образомъ доказываетъ, что надобно воздерживаться отъ сужденія о предопредѣленіяхъ Провидѣнія, и что слѣдуетъ предоставить ему разполагать вещами сего свѣта. „Кто не знаетъ правилъ врачебной „науки, тотъ не можетъ показать причинъ, „которыя понудили врача употребить пре„имущественнѣе то лѣкарство, нежели дру„гое, и при томъ сего дня, а не завтра. Та„кимъ же образомъ человѣку, коего судъ то„лико несовершенъ и законоположенія то„лико недостаточны, отнюдь неприлично „дѣлать заключенія о дѣйствіяхъ Бога въ „отношеніи къ намъ, развѣ только то одно, „что ему одному извѣстно, когда надобно „употребить наказаніе такъ, какъ употре„бляется какое либо лѣкарство. Онъ упо„требляетъ злыхъ на то, чтобы наказывать „другихъ злыхъ; поставляетъ ихъ правите„лями и исполнителями правосудія, а по„томъ ихъ погубляетъ и изтребляетъ. . . . „Когда на людей нужно бываетъ возложить „узду и наказаніе, онъ посылаетъ имъ же„стокосердыхъ властителей и неукроти„мыхъ тирановъ, и не прежде прекращаетъ „сіи орудія гнѣва и казни, доколѣ не будетъ „совершенно изтреблено зло, которое увра„чевать надлежало. Точно такимъ же обра„зомъ и царство Фаларидово было не иное „что, какъ врачество для Сицилійцевъ, а „для Римлянъ властительство Маріево.“

Онъ не безъ удовольствія приводитъ нѣкоторое мѣсто изъ Пиндара, откуда видно, что и великіе стихотворцы судили о семъ

такъ же, какъ и великіе философы: „Богъ „будучи виновникъ и владыка всего, есть рав„номѣрно виновникъ и владыка правосудія: „ему единому принадлежитъ опредѣлять, „когда, какъ и до какой степени каждый „долженъ понести наказаніе за содѣянное имъ „зло.„

Но я уже предвариль васъ, что сіи нерѣдко изящныя сравненія не всегда бываютъ у него справедливы, какъ напримѣръ, когда онъ великодушнаго и скромнаго друга, который одолжая, не хочетъ быть извѣстенъ, уподобляетъ Божеству, творящему добро людямъ, не давая имъ сего примѣтить: поелику оно по естеству своему есть благотворно. Хотя очень сіе справедливо, что мы не знаемъ, и не можемъ знать всего того блага, которое творитъ намъ Богъ; но отнюдь не льзя допустить того, чтобы воля его была, дабы мы не примѣчали сего, сколько состоитъ въ нашей возможности; а напротивъ того требуетъ, чтобы мы чувствовали пріемлемыя отъ него благодѣянія, и вмѣняетъ намъ даже сіе въ обязанность, равную обязанности любить его, не по тому, чтобы въ самомъ дѣлѣ ему нужна была наша любовь и наша благодарность, но для того, что сія любовь и сія благодарность дѣлаетъ насъ лучшими: что самое и Плутарху было не неизвѣстно: ибо онъ съ похвалою приводитъ слѣдующія слова изъ Пиѳагора: „когда мы приближаемся къ Богу молитвою, „то мы становимся лучше.„

Хотя не всегда съ равнымъ успѣхомъ онъ проникалъ въ то, до чего дойти бы могъ; однако же нерѣдко предваряль новѣйшихъ во многомъ, такъ что заставлялъ ихъ стыдиться, что старинныя заблужденія нѣкоторыхъ осрамившихъ себя сумасбродовъ предпочли они истиннамъ, утвержденнымъ мудрѣйшими всѣхъ вѣковъ мужами. Умствованіе сіе, возобновленное и въ наше время, о которомъ я буду имѣть случай говорить въ послѣдствіи, что человѣкъ по тому есть разумнѣйшее изъ животныхъ, что имѣетъ у себя руки, не принадлежитъ Гелвецію, какъ то мнили, а принадлежитъ безбожнику Анаксагору, и Плутархъ приводя его, благоразумно отвѣчаетъ, что предложеніе Анаксагорово состоитъ въ изкаженіи истинны, потому что человѣкъ одаренъ разумомъ, а природа дала ему руки, которыя служатъ ему орудіемъ соразмѣрнымъ съ его пониманіемъ.

При Плутархѣ жилъ такъ же въ Римѣ нѣкоторый человѣкъ, которой называя себя философомъ и умствуя подобно Гелвецію и прочимъ нашимъ матеріалистамъ, не допускалъ узамъ природы и единокровія никакого нравственнаго слѣдствія, и не признавалъ въ нихъ другихъ отношеній, кромѣ физическихъ. Когда праводушный Плутархъ сильно укорялъ его за сіе, наипаче же по тому, что хотѣлось ему примирить его съ братомъ, съ которымъ, слѣдуя своимъ правиламъ, поступалъ онъ весьма худо, и потому когда изъяснялъ ему священныя права, вліянныя въ

насъ отъ природы въ отношеніи къ нашимъ родителямъ и единоутробному родству; тогда человѣкъ тотъ отвѣчалъ ему: *проповѣдуй свое ученіе невѣждамъ; что же касается до меня, то я не вижу, какую имѣть я должень обязанность къ другому человѣку, единственно по тому, что съ нимъ вышелъ изъ одной женской утробы.* Въ семъ отвѣтѣ заключается точно такое же злоупотребленіе метафизической аналитики, каковое въ таковыхъ же выраженіяхъ находится во многихъ сочиненіяхъ нынѣшняго вѣка. Плутархъ негодуя на то, что такимъ злонамѣреннымъ образомъ обращаема была одна часть философіи для изпроверженія другой, и что до такой степени во зло употреблялась метафизика въ подрывъ нравственности, не пускалсь въ дальнѣйшее умствованіе, отвѣчалъ только: „*ну я теперь вижу, что ты даже не понимаешь розницы быть рожденнымъ отъ женщины или отъ суки*“ Впрочемъ человѣкъ сей былъ такимъ же философомъ, какимъ и братомъ.

Изъ числа остроумнѣйшихъ и забавнѣйшихъ его сочиненій почитается о *говорунахъ*. Никогда сей недостатокъ ума столь хорошо не былъ осмѣянъ, и сіе его сочиненіе доказываетъ, что и комическіе стихотворцы могутъ съ пользою читать Плутарха и обрѣтать въ немъ картины и драматическія изображенія, наподобіе нашего Лабрюера: ибо онъ вникнулъ во всѣ свойства болтливыхъ, и описываетъ ихъ весьма живыми красками, изъ чего заключить можно,

что благоразуміе его нерѣдко сталкивалось съ симъ родомъ глупости. Вы усмотрите, что онъ въ числѣ говоруновъ справедливо полагаетъ и разскащиковъ вѣстей: ибо одно безъ другаго быть не можетъ, и каждой разскащикъ вѣстей есть говорунъ, такъ какъ каждой говорунъ есть разскащикъ вѣстей. Плутархъ, чтобы изобразить сію страсть (ибо она дѣйствительно составляетъ страсть,) приводитъ для сего два весьма-достовѣрныя произшествія, которыя очень хорошо показываютъ непреоборимую силу ея, и сами по себѣ столь забавны, что не непріятно вамъ будетъ, ежели я повторю ихъ здѣсь, и начавъ съ того, которое забавнѣе, разскажу словами сочинителя.

„Брадобреи суть болтливѣйшіе изъ лю„дей: поелику къ нимъ стекаются величай„шіе говоруны, и тамъ составляютъ свои бе„сѣды; то не возможно, чтобы и они по не„волѣ не сдѣлались болтливыми изъ подра„жанія и по привычкѣ. Когда нѣкоторой бра„добрей, готовясь брить Царя Архелая, спро„силъ его, какъ онъ прикажетъ брить себя; „тогда сей Государь отвѣчалъ ему, *не говоря „ни слова.* — О сильномъ пораженіи Никія въ „Сициліи первую вѣсть разнесъ въ Аѳинахъ „такъ же брадобрей, которой узналъ ее отъ „нѣкотораго раба, приставшаго на Пиреей„ской пристани вмѣстѣ съ другими спасши„мися бѣгствомъ. Брадобрей мой оставляетъ „поминутно лавку, бѣжитъ, что есть мочи, „въ городъ, чтобы никому не уступить че„сти въ приносѣ первой вѣсти. Дѣлается ве-

„ликая тревога, всякъ спѣшитъ на площадь, „и народъ хочетъ узнать виновника сей мол„вы. Приступаютъ къ нашему брадобрею; „но онъ даже не знаетъ, отъ кого ее услы„шалъ: поелику не спросилъ имени неволь„ника. Раздраженный народъ кричитъ: *это „выдумка сего бездѣльника. Слышалъ ли „кто другой сему подобное? его пытать на„добно.* Тотчасъ его привязываютъ къ колесу; „но въ то самое время прибывшими изъ Перееи „людьми подтверждается сія молва, и всякъ „заботясь о своихъ родственникахъ, спѣшитъ „объ нихъ навѣдаться. Скоро опустѣла пло„щадь, и нещастный брадобрей одинъ остает„ся на колесѣ: остается на немъ до самаго „вечера: наконецъ является палачъ для осво„божденія его: но отгадайте, какое его пер„вое было слово между тѣмъ, какъ отвязы„вали: *а о Никіи не извѣстно ли, какъ онъ „погибъ?* Вотъ, какъ онъ изправился! болт„ливость разскащиковъ вѣстей есть неизцѣ„лимая болѣзнь!„

Другое произшествіе хотя не такъ забавно, но развязка онаго весьма поучительна, и можетъ присоединена быть ко множеству другихъ сего рода примѣровъ, которые доказываютъ, что Провидѣніе употребляетъ совсѣмъ неожидаемыя средства, и доводитъ преступниковъ до того, что они сами себѣ измѣняя, дѣлаются орудіями собственной погибели. „Нѣкогда нашли въ „Лакедемонѣ, что Палладинъ храмъ былъ раз„грабленъ, и воры оставили тамъ бутылку, „недавно опорожненную. Собираются на мѣ-

„ствѣ, и дѣлаютъ разныя догадки о сей бу-
„тылкѣ. *Ежели вы хотите*, сказалъ одинъ
„изъ бывшихъ при томъ, *то я объявлю*
„*вамъ о томъ свое мнѣніе. Я думаю,*
„*что святотатцы не смѣли подвергнуть*
„*себя столь великой опасности, не выпивъ*
„*на всякой случай олеец, и вѣроятно они*
„*въ семъ намѣреніи принесли съ собою ви-*
„*на, чтобы онаго тотчасъ напиться, коль*
„*скоро совершатъ свой умыселъ, и не бу-*
„*дутъ никѣмъ примѣчены: поелику вино*
„*почитается противоядіемъ лѣкарст-*
„*вомъ, и уничтожаетъ дѣйствіе олеума: а*
„*когда бы ихъ застали, то олеумъ скрытъ*
„*дѣйствіемъ своимъ избавилъ бы ихъ отъ*
„*мученія пытокъ и казни.* Сіе изъясненіе
„показалось слишкомъ остроумнымъ, и не-
„составляло догадки, изъ чего заключили,
„что вызвавшійся сдѣлать его не былъ угад-
„чикъ, а обо всемъ былъ извѣстенъ, и для
„того вопрошаютъ его: *кто ты таковъ?*
„*гдѣ узналъ ты все то, что теперь ска-*
„*залъ, и кому ты здѣсь извѣстенъ?* Насту-
„паютъ на него, и онъ наконецъ признает-
„ся, что онъ участвовалъ въ семъ свято-
„татствѣ.„ Такимъ образомъ сильное жела-
„ніе говорить и выказать свое остроуміе
„подвергло его казни.

Впрочемъ всякому извѣстно, что сочи-
ненія Плутарха составляютъ вмѣстилище
повѣстей, разсказовъ и краткихъ право-
учительныхъ баснéй, изъ коего всѣ ученые
заимствовались, и такъ же Лафонтенъ почер-
нулъ многія изъ своихъ басней.

Показавъ примѣры сильной охоты говорить, онъ приводитъ такъ же примѣры строгой молчаливости, изъ коихъ почитается за особенный случай о томъ невольникѣ, который умѣлъ сохранить ее до такой степени, что привелъ въ стыдъ своего господина, и самымъ колкимъ образомъ обратилъ ему въ вину собственное его приказаніе.„ „Реторъ Пизонъ не могъ терпѣть, чтобы мо„лали ему, когда онъ чѣмъ нибудь занимался; и „для того строго запретилъ невольникамъ „своимъ никогда не говорить съ нимъ, кога„да онъ ихъ не спроситъ. Спустя нѣсколько „времени послѣ сего онъ приготовилъ вели„колѣпный пиръ для угощенія между про„чимъ друга своего Клодія, который назна„ченъ былъ къ почетной гражданской должно„сти, и посылаетъ звать его къ себѣ. Въ на„значенный часъ всѣ прочіе гости являются; „одного только нѣтъ Клодія. Пизонъ посы„лаетъ непрестанно посмотрѣть и просить „его; но время проходитъ, ночь насту„паетъ, и за столъ садятся. *Ходилъ ли „ты къ Клодію и просилъ ли его?* спросилъ „Пизонъ у своего невольника. — *Ходилъ.* — „*Зачѣмъ же онъ не пришелъ?* — *Онъ ска„залъ, что ему быть не можно.* — *Для „чегожъ ты мнѣ не сказалъ сего?* — *По„тому что ты у меня не спрашивалъ.* „Господинъ принужденъ былъ замолчать: но „невольникъ сей былъ Римлянинъ, и Грече„ской невольникъ никогда бы такъ не по„ступилъ.

Плутархъ различаетъ трехъ родовъ отвѣты, какъ-то отвѣтъ нужный, отвѣтъ учтивый и отвѣтъ пустой, и при семъ случаѣ весьма забавно описываетъ отвѣты Аѳинянъ. „Дома ли Сократъ? Грубой невольникъ „скажетъ: нѣтъ его дома; или естьли захо„чется ему показать себя крапкорѣчивымъ, „скажетъ просто: нѣтъ, подобно Лакедемоня„намъ, которые получивъ отъ царя Филиппа „огромную грамату, коею онъ убѣждалъ ихъ „пустить себя въ городъ, послали ему пре„большой листъ, на которомъ написано бы„ло самыми крупными буквами слѣдующее „односложное слово: НѢТЪ. Невольникъ по„учтивѣе скажетъ: Сократа нѣтъ дома, онъ „пошелъ къ своему банкиру; а естьли хо„четъ показать еще больше вѣжливости, то „прибавитъ къ тому: поелику онъ тамъ „ожидаетъ гостей приѣзжихъ. А болтли„вой Аѳинянинъ скажетъ: Сократъ у бан„кира, гдѣ онъ ожидаетъ гостей изъ Іоніи „по письму отъ Алкивіада изъ Милета, гдѣ „онъ находится при Тиссафернѣ. Тисса„фернъ сей есть Сатрапъ великаго царя, кото„рый былъ прежде сего другомъ и союзни„комъ Лакедемонянъ; но Алкивіадъ умѣлъ „отклонить его, и онъ теперь совершенно „преданъ Аѳинянамъ; поелику Алкивіадъ уми„раетъ отъ желанія возвратиться и проч. „онъ повторитъ сряду все то, что заклю„чается въ осьмой книгѣ у Ѳукидида: навод„нитъ попокомъ словъ, и не дастъ покою, „пока не покорится Милетъ, и Алкивіадъ „не будетъ вторично сосланъ.

Не льзя читать ничего съ бо́льшею пользо́ю, какъ наставленія Плутарха, чтобы научишься слушать, молчать и говорить кстати, такъ что науку сію не льзя почесть ни маловажною, ниже обыкновенною. Совѣты его и средства предписываемые имъ показываютъ обдуманное познаніе нашихъ привычекъ, ихъ начало и измѣненіе. Въ немъ усматривается наблюдательный умъ; потому что онъ часто представляетъ намъ то, на что мы не обращали вниманія, а разсмотрѣвъ, находимъ то согласнымъ съ его замѣчаніями, напримѣръ: онъ замѣтилъ, что любопытные люди почти не ѣздятъ за городъ, или скоро тамъ скучаютъ. „Имъ на„добенъ цѣлый городъ, театръ, судебныя „мѣста, народныя сборища и пристань.„ Нѣтъ ничего истиннѣе, и ничто такъ хорошо не объясняетъ того, что мы слышимъ о нѣкоторыхъ людяхъ, о коихъ говорятъ, что *они не могутъ обойтися безъ Парижа.*

Я не могу не упомянуть здѣсь еще объ одномъ историческомъ отрывкѣ, которыми Плутархъ изобилуетъ, хотя бы вы и упрекнули меня, что я позволяю себѣ увлекаться легкою способностію его въ повѣствованіи, которая, сверхъ естественности своей, безъ сумнѣнія такъ же должна быть и весьма нравоучительна, коль скоро имѣетъ какую нибудь цѣль, и соблюденъ въ ней хорошій выборъ въ произшествіяхъ. Сей отрывокъ таковъ, что я не знаю ни разительнѣе его, ни чудеснѣе, что касается до могущества угрызенія совѣсти. Впрочемъ не могу такъ

же скрыть и того, что весьма справедливо и давностію времени доказано, что хотя вкусъ къ чтенію разпространился нынѣ болѣе, нежели когда либо прежде, но безъ всякаго основанія: *нынѣ совсѣмъ не читаютъ*, говариваль Волтеръ, и онъ въ этомъ правъ, разумѣя то, что почти уже совсѣмъ не читаютъ того, что читать надобно, и такъ, какъ слѣдуетъ читать. Теперь я обращаюсь къ своей повѣсти, которая будетъ послѣдняя, по крайней мѣрѣ въ семъ отдѣленіи, а за прочія не отвѣчаю.

„Бессъ Пеонянинъ убилъ отца сво-го, и „сіе преступленіе его долго оставалось неиз- „вѣстно. Въ одинъ день идучи ужинать съ „своими друзьями къ одному изъ знакомцевъ „своихъ, слышитъ онъ писк молодыхъ ласто- „чекъ, и копьемъ своимъ, которое у него въ „рукахъ находилось, раззоривъ гнѣздо, уби- „ваетъ птенцовъ. Всѣ удивляются сему „столь звѣрскому поступку, и спрашиваютъ, „что его къ тому побудило? Какъ! отвѣ- „чаетъ онъ, развѣ вы не видите, какую они „ложь свидѣтельствуютъ? Развѣ не слыши- „те, какъ они кричатъ мнѣ, будто я убилъ „отца? Тотчасъ о семъ произшествіи доне- „сено было Царю, который приказалъ его „взять, а послѣ вскорѣ изобличили его и „казнили.„

Не могу я рѣшиться поставить въ числѣ философическихъ твореній Плутарха слѣдующія его два сочиненія, то есть *о щастіи Римлянъ* и *о щастіи Александра*, которыя мнѣ кажется суть не иное что,

какъ опыты молодаго человѣка въ витійственномъ искуствѣ, подобныя тѣмъ, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ *разпространеній*, а у древнихъ назывались *декламаціями*. Въ нихъ заключается много остроумнаго и даже довольно собственно такъ называемаго краснорѣчія, дабы показать, что Плутархъ могъ, естьли бы хотѣлъ, блистать и между витіями; особливо весьма изящна мысль его та, что онъ представилъ въ лицахъ добродѣтель и щастіе препирающимися между собою о томъ, кто изъ нихъ болѣе содѣйствовалъ величію Римлянъ, и вообще всѣ подробности прѣнія столько же величественны и пышны, какъ и самая фигура заимословія. Впрочемъ сіе самое украшеніе есть все не столько реторическое, но почти стихотворческое, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ вкусу сочинителя, равно какъ и приличію предметовъ, о которыхъ онъ пишетъ, и при томъ несвойственно образу рѣчи, который онъ такъ употребляетъ, а сія странная несообразность убѣждаетъ меня въ томъ, что сіи сочиненія не принадлежатъ Плутарху историку и философу, но составляютъ одни его риторическія упражненія: догадка моя еще вѣроятнѣе покажется, ежели вникнуть въ существо того отрывка, который касается до Александра. Можно ли помыслить, чтобы мужъ, толико просвѣщенный и удаленный всякаго нововведенія и странности, принялъ на себя доказать, что все предпріятіе Александра не иное что было, какъ предметъ всеобщаго

образованія, и единственная цѣль его была ввести на всемъ востокѣ нравы, законы и науки Греческіе, словомъ все его честолюбіе основано было на философіи. Изъ сего открывается, что сочиненіе сіе есть одна только игра ума, которую Плутархъ себѣ позволилъ подъ видомъ юношеской забавы. Кто съ такимъ разсужденіемъ описалъ жизнь Александрову, и не скрываетъ ни его погрѣшностей, ни его страстей и пороковъ; то возможно ли, чтобы тотъ захотѣлъ сплести ему столь грубую лесть и быть изобрѣтателемъ такого нелѣпаго и смѣшнаго ласкательства? Сверхъ же того Плутархъ былъ слишкомъ разсудительный философъ, чтобы не могъ знать, что намѣреніе уравнить всѣ въ свѣтѣ правленія и ввести у всѣхъ народовъ разныхъ климатовъ одни и тѣже политическіе и общественные обычаи, могло родиться развѣ въ головѣ какого нибудь сумазброда и безумца, какого однакоже досель еще не было: поелику никто изъ завоевателей, хотя они не суть мудрѣйшіе изъ человѣковъ, не помышлялъ никогда о подобномъ уравненіи; а напротивъ того всѣ имѣли столько еще разсудка, что оставляли каждому народу то, чего никакъ силою отнять не возможно, то есть ихъ нравы, обычаи и мнѣнія, которыя ничемъ инымъ не могутъ измѣниться, какъ нечувствительною силою времени все премѣняющаго. Естьли и допустить, что подлинно сіе сочиненіе принадлежитъ къ числу прочихъ его твореній; то и тогда трудно будетъ рѣшить,

похвалу ли или сатиру намѣренъ былъ Плутархъ въ семъ предположеніи написать на Александра: и такъ то и другое есть невѣроятно: но какъ бы то ни было, я призналъ полезнымъ присовокупить здѣсь сіе замѣчаніе, дабы показать, что при чтеніи древнихъ должно со вниманіемъ различать не только то, что имъ собственно принадлежитъ, и что приписано безъ доказательствъ и достовѣрности, но даже то, что ими самими писано, время, когда они писали, равнымъ образомъ свойство и обстоятельства ихъ сочиненій, которыя не всегда были собираемы съ надлежащею точностію и разборчивостію.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Цицеронъ.

Цицеронъ въ послѣднія лѣта своей жизни, удаленъ будучи отъ управленія междусобіями, когда могущество оружія изпровергло силу законовъ, разсуждалъ, что онъ лучшее сдѣлаетъ употребленіе свободному своему въ уединеніи времени, ежели труды свои, дотолѣ посвященные краснорѣчію и правительству, обратитъ на занятіе въ философіи, которую всегда любилъ и въ ней упражнялся, какъ то явствуетъ изъ всѣхъ его сочиненій, употребляя на то весьма небольшое время, остававшееся у него отъ государственныхъ дѣлъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, занималъ онъ толико важную степень, яко ораторъ и градоначальникъ, по то самое время, когда возгорѣлась война между Кесаремъ и Помпеемъ; а съ сего времени по смерть свою уже занимался онъ одними философическими своими сочиненіями, изъ коихъ нѣкоторая часть отъ времени утратилась: составляли же они полный кругъ Греческой философіи, и были окончаны въ продолженіе пяти лѣтъ, не взирая на то, что прерываемы были отъ безпокойствій и бурей, которыя неоднократно ввергали его опять въ пучину междоусобныхъ раздоровъ, и наконецъ вмѣстѣ съ Римскою вольностію и его самого поглотили.

Сія Грѣческая философія хотя имѣла въ Римѣ послѣдователей и любителей со временъ Лелія, но немногіе еще изъ Римлянъ писали о сихъ предметахъ до Брута и Варрона, изъ коихъ къ первому Цицеронъ наиболѣе обращался съ своими сочиненіями о философіи и краснорѣчіи: ибо Брутъ имѣлъ въ нихъ равныя познанія. Впрочемъ Цицеронъ и самъ по себѣ одаренъ былъ столь обширною способностію, что въ состояніи былъ объять всѣ части Греческой философіи, и полагаясь на свои силы, могъ покуситься на введеніе въ Латинскій литературѣ всего того, что въ семъ родѣ произвели изящнѣйшаго отличнѣйшія изъ школъ Греческихъ. Въ семъ заключалась послѣдняя его слава, къ которой онъ стремился; а изложеніе его, о которомъ самъ онъ изъясняется въ началѣ второй своей книги о *гадании*, служитъ доказательствомъ многоразличныхъ его знаній и отличныхъ его дарованій. Сей предметъ былъ такъ еще новъ въ Римѣ, что Латинской языкъ не имѣлъ даже словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій Греческой метафизики, и Цицеронъ первый изобрѣлъ для Римлянъ языкъ философскій, перешедшій потомъ и въ наши новѣйшія школы, въ коихъ и доселѣ оный еще сохраняется.

Цицеронъ началъ съ книги подъ заглавіемъ *Гортенсій*, которая до насъ не дошла, и заключала въ себѣ похвалу Греческой философіи и оправданіе его противъ укорявшихъ его въ семъ родѣ упражненія и сочиненія, такъ какъ бы унижавшихъ личное его до-

стоинство. Онъ и въ другихъ мѣстахъ неоднократно упоминаетъ о сей укоризнѣ, которую безъ труда опровергаетъ, основываясь на томъ, что сіе упражненіе само по себѣ есть весьма достойное занятіе для ума человѣческаго, и онъ посвятилъ на оное такое только время, въ которомъ не могъ ничѣмъ лучшимъ заняться, и слѣдовательно нимало мѣры не нарушилъ своихъ обязанностей со стороны гражданина и должностнаго человѣка; далѣе присовокупляя, относитъ даже къ чести Латинской словесности то, что съ того времени, какъ она вступила въ соперничество въ краснорѣчіи и стихотворствѣ, ничего по сей части не остается такого, чему бы можно было завидовать у Грековъ; и щитая то даже для себя лестнымъ, что ему обязаны сею новою честію, наконецъ радуется сему послѣднему средству быть полезнымъ Римскому юношеству во времена развращенія, въ кои оно наболѣе, нежели когда либо имѣло нужду въ наставленіи и руководствѣ къ благонравію. „Сограждане мои, говоритъ онъ, мнѣ про„стятъ, или лучше сказать, мнѣ будутъ „благодарны, что я во дни порабощенія рес„публики не показалъ ни слабости, ни уны„нія, отъ всего отвлекающихъ, ниже него„дованія, которое отъ всего отвращается, „ниже подлой угодливости, ласкательству„ющей неограниченной власти, когда не мо„жно быть безопасну въ частномъ состо„яніи.“

Послѣ *Гортенсія* написалъ онъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ *Академическія преніа*, коего дошла до насъ только нѣкоторая часть, и имѣетъ въ предметѣ своемъ защищеніе принятаго имъ ученія изъ Академіи Платона, который по примѣру Сократа основывалъ оное на однихъ вѣроятностяхъ, не допуская ни доказательствъ, ни несомнѣнности. Впрочемъ ученіе сіе, сколько Цицеронъ ни силится оправдать его, не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть удобопріемлемо; и для того по мѣрѣ представляющихся ему затрудненій заключаетъ онъ его почти въ томъ только, что находится въ немъ сообразнаго съ разумомъ, то есть полагаетъ границы тому, что дѣйствительно превышаетъ человѣческое понятіе, предоставляя дѣлать одни догадки, а потому и примѣры всѣ приводитъ такого же рода; но вообще никакъ ему не хочется отступить отъ слѣдующаго правила своей секты, *что ни о какой вещи не льзя сказать того, что она такъ справедлива, что противное ей необходимо должно быть ложно.* Вотъ его слова, кои сверхъ странности своей содержатъ также смѣсь явнаго несообразія: ибо умалчивая даже о неоспоримомъ доказательствѣ, извлеченномъ изъ математики, о которой никогда онъ не упоминаетъ, или кажется и совсѣмъ не уважаетъ, замѣтимъ только то, что въ правилѣ семъ находится метафизическое противорѣчіе, которое Сократу, Платону или ученикамъ ихъ можно было бы замѣтить, то есть, что не воз-

можно, чтобы разумъ изтекшій, по ихъ собственному изъясненію, отъ Божества, былъ въ человѣкѣ одною только мечтательною способностію, такъ что не могъ бы имѣть ясныхъ понятій, или доходить въ чемъ либо до вѣрныхъ заключеній. Кто предполагаетъ цѣль, тотъ предполагаетъ и средства; цѣль же изворенія одареннаго разумомъ, по мнѣнію ихъ, состоитъ въ познаніи истины, безъ которой человѣкъ ничѣмъ бы не могъ руководствоваться. Изъ сего слѣдуетъ, что ежели Богъ не разсудилъ одарить его познаніемъ того, что свыше, и слѣдовательно ненужно человѣку, въ такомъ случаѣ надлежало бы одарить его полнымъ соображеніемъ всего того, на чемъ бы онъ могъ основывать свое поведеніе и свои намѣренія, а безъ того Богъ не былъ бы ни правосуденъ, ни благъ къ своему созданію; но сіе никакъ допущено быть не можетъ; и онъ былъ бы не согласенъ съ самимъ собою: ибо и хотѣлъ бы и не хотѣлъ бы, что такъ же есть несообразно. Цицеронъ хотя, для отвращенія заключеній, могущихъ изпровергнуть все его нравоученіе, говоритъ, что сія вѣроятность, которою онъ замѣняетъ несомнѣнность, можетъ служить довольно сильнымъ побужденіемъ во всѣхъ дѣлахъ и обязанностяхъ жизни; совсѣмъ тѣмъ сіе его умствованіе не льзя почесть основательнымъ, и онъ съ ученіемъ своимъ о вѣроятностяхъ оспанется всегда беззащитенъ противъ того, кто сильно наступая на него, не безъ основанія утверждать бы сталъ, что ког-

да что нибудь совсѣмъ недоказано, то не льзя и почитать себя къ чему-либо обязаннымъ, или чего ясность не основана на правилахъ, то не можетъ быть очевидно хорошо или худо и въ примѣненіи; наконецъ любопытно бы было узнать тогда отъ самого Цицерона, что сдѣлалъ бы онъ съ своимъ разсужденіемъ *о должностяхъ*, ежели бы ему сказали: „какъ ты предписываешь мнѣ за „непреложное правило, за главное пріобрѣ„теніе и верховное благо то, что честно есть „и добродѣтельно, когда самъ не можешь до„казать, чтобы то, что тебѣ кажется про„тивнымъ честному, не было въ самомъ дѣ„лѣ честное?„ И такъ вотъ, какія происходятъ слѣдствія отъ теоріи о вѣроятности, коея опасность не усмотрѣна Платоническою сектою, почитавшеюся впрочемъ изъ всѣхъ за самую разсудительную. Цицеронъ по примѣру своихъ учителей во всякомъ случаѣ опирается на физическихъ и метафизическихъ положеніяхъ; но кажется онъ избѣгаетъ самаго основанія вопроса, безъ сомнѣнія для того, что не смѣетъ входить въ него. Въ самой вещи какая нужда знать о толщинѣ солнца или о томъ, какъ душа дѣйствуетъ на тѣло, и мы равно можемъ смѣяться какъ надъ тѣми, которые не вѣрятъ, что солнце по существу своему толще, нежели по наружности, такъ какъ и надъ тѣми, которые полагаютъ, что оно толще земли только осмнадцатью долею; напротивъ того гораздо важнѣе есть то, чтобы человѣкъ положительнѣе зналъ свои обязанности и цѣль свою. Какъ?

ежели бездѣльникъ какой до того развратенъ, что не повинуется справедливому суду своей совѣсти и прочихъ людей; тогда не уже ли ты не будешь опасаться, чтобы онъ не воспользовался тѣмъ оружіемъ, которое самъ ты даешь ему, и не сталъ бы сумнѣваться, или паче совершенно не отвергнулъ отъ себя законы, которые лишены тобою всей силы? Не ужели ты можешь увѣренъ быть, что вѣроятность сильна будетъ убѣдить его предпочесть обязанность преступленію, когда первая покажется ему трудна, а преступленіе удобно и выгодно? И такъ система сіл столь же худа на самомъ опытѣ, какъ и по теоріи. Умѣренность Аѳинской Академіи въ сумнѣніи, которую мнила она противупоставить догматическому высокоумію, есть не иное что, какъ крайность противуположенная другой крайности, а отъ сего своего усилія сама впадаетъ въ послѣдствія пирронизма (*), и нелѣпость всего того сама она чувствовала: ибо утверждать все есть мечта высокоумія, такъ какъ и сумнѣваться во всемъ есть поводъ къ развращенію.

Сіе рѣшительное сумнѣніе въ разсужденіи того, что познаётся посредствомъ отношенія мысленныхъ понятій, не можетъ равномѣрно быть отнесено къ тому, что

(*) Толкъ нѣкоторыхъ древнихъ философовъ, кохъ ученіе состояло въ томъ, что нѣтъ ничего вѣрнаго, а все подлежитъ сумнѣнію.

познаётся чувствами; а на семъ самомъ Академія сія и основала наиболѣе торжество свое, для того что погрѣшности, какъ то дознано, бываютъ многоразличны; но торжество ея было не у мѣста и основано только на лжеумствованіяхъ, кои оставлены ею безъ замѣчанія. Во первыхъ то, что они называли заблужденіемъ чувствъ, доказывало вопреки имъ, что находятся и неложныя ощущенія: ибо заблужденіе есть не иное что, какъ непостиженіе истинны, и не льзя сказать, что такое-то ощущеніе неправильно, не предположивъ, что противное ему впечатлѣніе истинно, иначе бы въ томъ не было никакого смыслу; при томъ же не чувства погрѣшаютъ, ибо чувства не разсуждаютъ, но душа, яко мыслящая способность, дѣлаетъ сужденія о предметахъ, сообщаемыхъ ей чувствами, о чемъ и самъ Цицеронъ весьма ясно говоритъ въ своихъ Тускуланскихъ вопросахъ. Наконецъ хотя чувства часто насъ обманываютъ, но намъ извѣстны причины заблужденія. ихъ и средства, служащія къ предохраненію во всемъ томъ, что подлежитъ нашимъ чувствамъ: физическіе опыты служатъ тому доказательствомъ, и дѣйствія давленія, тягости и упругости воздуха, которыя не иначе познаются, какъ чрезъ сообщеніе со стороны чувствъ понятію, дѣлающему объ нихъ свое сужденіе, столь же въ томъ убѣждаютъ, какъ и выводы математическіе. Словомъ сказать, по сей общей неизвѣстности наша жизнь и существованіе міра сего были бы

не иное что, какъ нѣкоторый родъ сновидѣнія: что однако же развѣ только во снѣ или въ шуткахъ утверждать можно, но и въ семъ даже случаѣ сонъ былъ бы самой мрачный, а шутка самая нелѣпая.

Цицеронъ вездѣ въ порядкѣ слѣдовалъ Платону и даже въ сочиненіи разговоровъ; напротивъ того рѣдко употреблялъ Сократовъ способъ доказательствъ по вопросамъ и отвѣтамъ, который самъ по себѣ будучи тонокъ и сухъ, мало соотвѣтствовалъ вкусу Цицеронову и его слогу, во всякомъ родѣ болѣе или менѣе витійственному; наиболѣе же онъ приближается къ той части разговоровъ Платоновыхъ, въ которой каждый изъ разговаривающихъ по очереди предлагаетъ свое мнѣніе, сопровождая оное своимъ разсужденіемъ и доказательствами, чѣмъ самымъ открывается пространное поле для краснорѣчія, а Цицеронъ могъ ли не воспользоваться сею выгодою? У него въ витійствѣ вездѣ блистаютъ пріятность и обиліе, которыя съ нимъ неразлучны; а что еще важнѣе для философіи, то отличается оно у Цицерона ясностію и правильностію, которыхъ не достаетъ у Платона, хотя нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что Цицеронъ не ограничиваясь однимъ изложеніемъ и розысканіемъ различныхъ родовъ ученія, присовокупляя къ тому такъ же и свои разсужденія, и старался по возможности защищать каждое мнѣніе, пользуясь представлявшимися ему средствами. По содержанію пяти книгъ его о *существѣ добра и зла* можно объ немъ сказать

тоже, что Вольтеръ сказалъ о Белѣ, что онъ былъ общимъ всѣхъ философовъ защитникомъ; но не льзя къ Цицерону отнесши того, что Вольтеръ присовокупилъ, говоря о Белѣ, то есть, что онъ никогда не дѣлалъ своихъ заключеній: напротивъ того Цицероновы заключенія весьма удобно различить можно, самъ ли онъ говоритъ; когда защищаетъ Академическое ученіе о вѣроятностяхъ, и опровергаетъ правила Эпикура и Зинона, или влагаетъ рѣчь въ уста одного изъ введенныхъ имъ лицъ, которыя по большой части у него составляютъ знатнѣйшія современныя ему особы и отличнѣйшіе друзья его, какъ-то: Лукуллъ, Катулъ, Котта, Катонъ, Торкватъ и прочіе, точно такъ же, какъ видѣли мы выше Красса и Антонія бесѣдующихъ о краснорѣчіи.

Дѣло касается здѣсь важнаго вопроса о *верховномъ благѣ*. Ежели нигдѣ не находится удовлетворительнаго сему рѣшенія, то сіе происходитъ отъ того, что невозможно было рѣшить то, что совсѣмъ не существуетъ. Вотъ первое (и весьма важное) препятствіе безконечныхъ споровъ между древними, изъ коихъ никто не уразумѣлъ, что они ищутъ того, чего обрѣсть нельзя: ибо не возможно, чтобы обрѣталось верховное благо тамъ, гдѣ все по необходимости несовершенно: напротивъ того нынѣ кажется намъ это такъ просто, что никто не смѣетъ болѣе въ томъ сумнѣваться: однакоже не безъизвѣстно и то, что и новѣйшіе не прежде перестали совсѣмъ думать о рѣ-

шеніи сего вопроса, который чрезъ столько вѣковъ не давалъ покою старинным школамъ, какъ уже тогда, когда Учитель Евангелія возвѣстилъ человѣку, что въ семъ свѣтѣ нѣтъ благополучія, и его искать здѣсь не должно. Сія откровенная истинна показалась столь поразительна, что весь свѣтъ оною возпользовался, не смотря на то, что Евангеліе съ продолженіемъ времени лишилось многихъ своихъ послѣдователей: но отъ того самаго не одну сію истинну заимствовала непримѣтнымъ образомъ новѣйшая философія, такъ равно и не одну сію пользу почерпнули изъ христіанскихъ книгъ даже тѣ самые, которые противъ вѣры ополчались.

Въ чемъ состоитъ верховное благо, вопрошали тогда у каждаго изъ философовъ, подобно тому, какъ спрашивали у всякаго, какъ сотворенъ міръ? Не было ниодного изъ нихъ, кто бы не мнилъ, что онъ въ состояніи отвѣчать на сіи вопросы; и вотъ отъ чего произошло столько толкованій о сихъ предметахъ! Эпикуръ и Аристиппъ отвѣчали, въ удовольствіи; Іеронимъ, въ отсутствіи скорби; Зинонъ, въ добродѣтели; и сіи три системы были просты и положительны; Платонъ, въ познаніи истины и въ добродѣтели произтекающей отъ того; Аристотель, Карнеадъ и Перипатетики, въ образѣ жизни сообразной съ природою и независимой отъ щастія: сіи двѣ системы были сложны, и Академія, которой Цицеронъ держался, дѣлая на нее свои толкованія и

изъясненія, приближилась къ сей послѣдней системѣ. Впрочемъ какъ вещи, такъ и слова такую имѣли сбивчивость въ изъясненіи и изслѣдованіи каждаго мнѣнія, что нерѣдко одно ученіе входило частію въ составъ другаго, и самъ Цицеронъ утверждаетъ, что Зинонъ и весь Портикъ отдѣлились отъ Перипатетиковъ единственно по пустому честолюбію, въ главномъ же членѣ были согласны, и разнспівовали только словами; но сіе самое основаніе учинилось несильнымъ и недоказательнымъ, коль скоро приняли его въ изключительномъ смыслѣ. Жить сообразно съ законами природы значило по мнѣнію Перипатетиковъ тоже, что жить честно, и потому они допускали верховное благо Зинона, полагаемое въ честности или въ добродѣтели (слова однозначущія въ философскомъ языкѣ). Но Зинонъ не признавалъ другаго *блага*, кромѣ добродѣтели, и другаго *зла*, кромѣ порока; а за сіе самое Перипатетики и Академія совокупно вооружились противъ Зинона, признавая также *благомъ* и законное употребленіе естественныхъ вещей и непричастность физическихъ золъ, и они въ томъ были правы.

Противъ Эпикура возставали всѣ вообще, особливо же Цицеронъ, который не навидѣлъ его ученіе, хотя его самого лично и уважалъ: ибо всѣ древніе съ нимъ согласны въ томъ, что хотя Эпикуръ проповѣдывалъ роскошь, но жилъ всегда самъ весьма скромно, и удалялся всякаго излишества и соблазна. Не менѣе извѣстно также и то, что всѣ

тѣ весьма заблуждали, которые хотѣли изъяснить и оправдать его философію, относя все то къ душѣ, что онъ говоритъ о тѣлесныхъ удовольствіяхъ. Хотя не достаетъ у насъ его сочиненій; однакожъ во время Цицероново всякъ имѣлъ оныя; слѣдовательно ежели Цицеронъ нерѣдко приводитъ изъ нихъ цѣлые отрывки отъ слова до слова, въ присутствіи даже послѣдователя Эпикурова, не опасаясь за сіе укоризны отъ него, то не льзя подумать, чтобы Цицеронъ рѣшился говорить безъ всякаго основанія неправду и приводить ложь, когда могъ удобно изобличенъ быть въ оной. Въ самомъ дѣлѣ Эпикуръ, какъ бы стыдяся или затрудняясь самъ въ своихъ правилахъ (что довольно и вѣроятно), затмеваетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оныя до того, что самъ не понимаетъ и согласить ихъ не можетъ; а тѣ изъ его учениковъ, которые не хотѣли быть, по словамъ Горація, *свиньями стада Эпикурова* (*), пользуясь сими темными мѣстами, вопіяли, что философія сія оклеветана, и безпрестанно жаловались, что она охуждается только потому, что ея не понимаютъ. Таковыхъ примѣровъ много, что въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ равному ухищренію, чтобы отвратить отъ себя гнусность или опасность нечестиваго ученія, и тѣмъ удержать при себѣ право и средства разпространять его заразу; но это

(*) Epicuri de grege porcum.

есть подлое и гнусное ухищреніе: ибо ежели то, что ты говоришь, такого есть роду, что оно хорошо только по тому, какъ самъ ты понимаешь, а худо по тому, какъ прочіе всѣ люди понимаютъ и понимать должны; то изъ сего слѣдуетъ, что того и говорить не должно. Впрочемъ одни и тѣже слова должны необходимо имѣть одно и тоже значеніе для всѣхъ тѣхъ, которые говорятъ однимъ языкомъ; въ противномъ случаѣ надлежало бы отказаться отъ употребленія слова и взаимнаго сообщенія мыслей. Но лучше послушаемъ самаго Цицерона, который при семъ случаѣ употребляетъ непреоборимые доводы и такое доказательство, которое можетъ послужить рѣшительнымъ отвѣтомъ всѣмъ писателямъ нынѣшнихъ временъ, безразсудно покушавшимся возстановить умствованія Эпикуровы.

Цицеронъ обращается слѣдующими словами къ Эпикурейцу Торквату, защищавшему сего философа при Тріаріи. „Эпикуръ „говоритъ, что верховное благо состоитъ „въ роскоши, а крайнее зло въ скорби, яко „противныхъ свойствахъ. Однакоже слово, „которое на его языкѣ соотвѣтствуетъ „слову роскошь (ἡδονὴ), не иное что зна„читъ, какъ удовольствіе чувствъ, и самъ „Эпикуръ не даетъ ему другаго значенія, „говоря точно сими словами: *удоволь„ствіе и скорбь дѣйствуютъ только на „тѣло, и одни чувства суть судіи ихъ.* „Но доказательно ли сіе? Вотъ точныя его „слова, что онъ даже не понимаетъ, какое

„*благо* можетъ существовать безъ удоволь-
„ствія, ниже того, что могутъ разумѣть
„Стоики *подъ ихъ верховнымъ благомъ*,
„*которое состоитъ въ честности, и въ*
„*коемъ удовольствіе ни во что вмѣняет-*
„*ся*, и утверждая, что *слова сіи не содержатъ*
„*никакого смыслу*, самъ онъ поставляетъ въ
„числѣ удовольствія пріятныя чувствованія,
„сообщаемыя вкусомъ, осязаніемъ, зрѣніемъ,
„слухомъ, обоняніемъ, и наконецъ присовокуп-
„ляетъ то, чего не льзя выразить безъ нару-
„шенія благопристойности. Правда, въ иныхъ
„мѣстахъ онъ, какъ бы самъ стыдясь своихъ
„правилъ, (толико-то сильны (*) врожден-
„ныя чувствованія!) говоритъ, что не льзя
„жить пріятно, не живя честно: но дѣло
„не въ томъ состоитъ, что онъ говоритъ
„въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а надобно умѣть
„согласить сіи мѣста съ цѣлою его систе-
„мою, въ какомъ она видѣ повсюду являет-
„ся, и какъ всякъ ее понимаетъ. Наша ли
„въ томъ вина, что онъ не будучи искусенъ
„въ логикѣ, пренебрегалъ ее, и не умѣлъ
„дѣлать опредѣленій? Мы называемъ *честь-*
„*нымъ* то, что справедливо, само по себѣ
„похвально, и возбуждаетъ желаніе, не имѣя
„въ предметѣ никакой частной пользы, ника-
„кой посторонней похвалы и никакого чув-
„ственнаго наслажденія. Это ясно, и Эпикуръ
„отвѣчаетъ, что онъ не можетъ понять,
„какое благо мы усматриваемъ *въ честномъ*,
„*развѣ* продолжаетъ онъ, *не то ли мы*

(*) Tanta est vis Naturae.

„*подъ силою разумѣемъ, что славнымъ почи-*
„*тается по простонародному мнѣнію, и*
„*что сіе въ самомъ дѣлѣ*, присовокупляетъ
„онъ, *нерѣдко бываетъ пріятнѣе нѣкото-*
„*рыхъ удовольствій, то и сего также мы*
„*желаемъ подъ видомъ удовольствія* (*)? И
„такъ, вотъ мы видимъ славнаго философа,
„надѣлавшаго столько шуму въ Греціи и
„Италіи, который такъ малосвѣдущъ, въ
„чемъ состоитъ *честное*, и дѣлаетъ его
„зависимымъ отъ людскаго мнѣнія! . . . Не
„неизвѣстно мнѣ также и то, что онъ гово-
„ритъ о семъ *сладкомъ спокойствіи души*
„(*ευδυμια*), которое онъ неумолкно пре-
„возноситъ и прославляетъ до того, какъ
„говоритъ онъ, что *мудрецъ школы его*
„*возкликнетъ въ утробѣ вола Фаларидова:*
„*какъ это пріятно!* Это уже превозхо-
„дитъ самыхъ Стоиковъ: ибо Стоикъ ска-
„жетъ только, что боль не есть *зло*, и онъ
„по крайней мѣрѣ не будетъ противорѣчить
„себѣ: поелику называетъ *зломъ* только то,
„что *порочно и постыдно*. Но кого вразу-
„митъ Эпикуръ, какимъ образомъ чувства,
„*единственные судіи удовольствія и скор-*
„*би*, могутъ обрѣсти помощію *спокойствія*
„*души* удовольствіе въ томъ, чтобы быть
„разтерзану и сожжену? Что сіе иное зна-
„читъ, какъ не пустое самохвальство въ
„словахъ? Наконецъ хотимъ ли мы узнать

(*) Тоже самое отъ слова до слова говоритъ Гельвецій о *славѣ*.

„основаніе нравоученія Эпикурова? разкро-
„емъ предпочтительно ту его книгу, въ ко-
„торой онъ включилъ главнѣйшія свои пра-
„вила, яко изрѣченія мудрости и руковод-
„ство къ благополучію, словомъ которую
„онъ именуетъ *высочайшія нравоученія*
„(κυριας δοξας). Но кто изъ васъ не зна-
„етъ ихъ наизусть? однакоже послушайте,
„и скажите мнѣ, ежели переводъ мой гдѣ
„усмотрите невѣрнымъ: *когда то, что со-
„ставляетъ удовольствіе людей роскош-
„нѣйшихъ, въ тоже время освобождаетъ
„ихъ отъ малодушнаго суевѣрія, отъ стра-
„ха смерти и скорби, и научаетъ ихъ по-
„лагать миръ въ страстяхъ своихъ; то
„нали и порицать ихъ не за что: ибо съ
„одной стороны уполны они удовольствія-
„ми, а съ другой стороны нѣтъ ничего въ
„нихъ страждущаго и ничего болящаго,
„то есть никакого зла.*

„Тутъ (*) Тріарій не могъ уже удер-
„жаться, и обратясь къ Торквату, спросилъ
„его: точно ли такъ говоритъ Эпикуръ? (онъ
„о семъ извѣстенъ былъ, но желалъ только
„услышать его признаніе). Такъ точно, от-
„вѣчалъ смѣло Торкватъ: это самыя его
„слова, но вы не понимаете мысли его. Еже-
„ли (сказалъ я на сіе) говоритъ онъ такъ,
„а мыслитъ иначе; то сіе конечно препят-
„ствуетъ мнѣ знать, что онъ мыслитъ; од-

(*) Здѣсь все самъ Цицеронъ разсказываетъ о разговорѣ своемъ.

„нако же не мѣшаетъ мнѣ понимать то,
„что онъ говоритъ, а онъ говоритъ нелѣ-
„пость: ибо слова его значатъ, что не льзя
„порицать сластолюбцевъ, ежели они благо-
„разумны, и *умѣютъ разпоряжать своими*
„*страстями*. Незабавно ли эпо, когда фи-
„лософъ предполагаетъ, что удовольствіе
„яко бы можетъ *научить толиц, какъ раз-*
„*поряжать страстями*? По мнѣнію его
„нужна только для сего *либра*. И такъ по-
„хоть, любодѣяніе, разпутство должны
„имѣть каждое *свою либру!* Какая же эпо
„философія, которая не изкореняетъ, но
„только тщится разпоряжать пороками? И
„такъ Эпикуръ, ты не почитаешь *сластолюбіе*
„само по себѣ порицательнымъ, а только хо-
„четсятебѣ отдѣлить отъ него боязнь суевѣр-
„ныхъ и страхъ смерти! Но ты можешь
„въ семъ случаѣ имѣть сіе удовольствіе: ибо
„есть такіе развратные люди, которые столь-
„ко чужды суевѣрія, что не усумнятся вку-
„шать изъ жертвенныхъ сосудовъ; а другіе
„такъ мало боятся смерти, что напѣваютъ:

„Хоть полгода въ веселѣ проведемъ,
„А что останется, къ Плутону отнесемъ.

„Въ самомъ дѣлѣ Торкватъ, я согласенъ
„съ твоимъ строгимъ философомъ въ томъ,
„что *роскоши* нужна *либра*: ибо я очень
„вѣрю, что онъ въ положеніи своемъ осно-
„вываемомъ на томъ, что *сластолюбіе есть*
„*верховное благо*, не разумѣетъ о такихъ
„людяхъ, которыхъ мерзитъ за столомъ, и
„должно ихъ нести оттуда прямо на по-
„стелю, а на утро опять начинаютъ съ то-

„го же, и никогда не видятъ, какъ говорится,
„какъ солнце восходитъ или заходитъ: на-
„конецъ прображничавши все, терпятъ
„во всемъ нищету. Нѣтъ, а покажи мнѣ
„тѣхъ разборчивыхъ сластолюбцевъ, кото-
„торые имѣютъ лучшаго повара, лучшаго
„приспѣшника, лучшія морскія рыбы, луч-
„шую живность, лучшую дичину, лучшія ви-
„на, словомъ все то, безъ чего Эпикуръ не
„познаетъ благополучія; прибавь къ тому,
„естьли угодно, молодыхъ и прекрасныхъ
„прислужниковъ при столѣ, лучшую сереб-
„реную посуду, лучшую Коринѳскую мѣдь
„и самые великолѣпные чертоги. Изъ всего
„сего заключить можно только то, что жи-
„вущіе такимъ образомъ живутъ по вашему
„мнѣнію *хорошо*, поелику живутъ въ сла-
„столюбіи, въ которомъ вы поставляете
„свое *благо;* но никакъ изъ того не слѣдуетъ,
„чтобы сластолюбіе составляло въ самомъ
„дѣлѣ благополучіе или *верховное благо.*
„Сластолюбіе само по себѣ никогда не мо-
„жетъ быть другою вещію, но будетъ все-
„гда сластолюбіемъ; и я въ ученіи Эпикура
„ясно усматриваю то только, что онъ и-
„щетъ учениковъ единственно для того, да-
„бы вразумить ихъ, что кто хочетъ быть
„сластолюбцемъ, тотъ долженъ прежде сдѣ-
„латься философомъ.“

Такимъ образомъ мнѣ кажется, что дѣ-ло объ Эпикурѣ рѣшено совершенно. Послѣ сего Цицеронъ приступаетъ къ разсмотрѣнію Стоиковъ, которые въ Катонѣ имѣли силь-наго защитника и достойную подпору. Пор-

тика: но я небуду разпространяться о сей философіи, давно уже отринутой, и слѣдовательно тѣмъ скорѣе пришедшей въ забвеніе, потому что излишняя строгость добродѣтели менѣе привлекаетъ, нежели все прочее: по сей самой причинѣ и въ наше время нашлось великое множество послѣдователей и защитниковъ Эпикура, напротивъ того Зинонъ не имѣетъ ни единаго. Вы въ защитительной рѣчи за Мурену уже видѣли, сколько правила Стоиковъ, до странности простираемыя, подаютъ поводу къ легкой и тонкой издѣвкѣ, какая только можетъ приличествовать судебному краснорѣчію. Здѣсь Цицеронъ конечно строже судитъ; однакоже и шутъ не отвергаетъ такого рода силы, которую могутъ придать умствованію тонкія шутки, раждающіяся отъ самыхъ вещей, никого не оскорбляя. И такъ Цицеронъ не могъ не обратить въ свою пользу такого образа изслѣдованія, въ коемъ онъ не менѣе былъ искусенъ, и оный служилъ ему какъ бы нѣкоторою приправою для пировъ его философическихъ. Онъ старается дать почувствовать самому Катону, и дѣлаетъ даже весьма удобопонятнымъ для всякаго, кто и не Стоикъ, что Зинонъ и его ученики не знали человѣческой природы, когда хотѣли ее слишкомъ возвысить, и что философія ихъ имѣетъ сугубое неудобство, во первыхъ въ томъ, что они ввели у себя школьной языкъ условный, въ коемъ слова уклоняясь нерѣдко отъ настоящаго ихъ значенія, никому не могутъ быть понятны; на-

конецъ же наиболѣе въ томъ, что они отвергая всякое средство къ убѣжденію въ такой вещи, то есть въ нравственности, гдѣ всего важнѣе убѣдительность, отъемлютъ у нея тѣмъ первую прелесть и самую существенную ея силу, такъ что никогда и совсѣмъ не трогаютъ словомъ сердца, обращая оное всегда къ одному разуму. Въ самомъ дѣлѣ все ученіе Стоиковъ состоитъ въ собраніи весьма посредственныхъ правилъ, отвлеченныхъ умствованій и маловажныхъ, какъ говоритъ Цицеронъ, заключеній (*), которыя до того изсушаютъ и изтощаютъ нравоученіе, что оно не имѣя наконецъ ни соку, ни движенія, ни краски, обращается, такъ сказать, въ костякъ (squelet), а при чтеніи краткихъ правилъ Стоиковъ, каковыя на примѣръ собраны Эпиктетомъ, кажется слышанъ звукъ движущагося остава. Сія секта хотя имѣла въ сословіи своемъ весьма великихъ людей; но сіе не должно приводить насъ въ заблужденіе: они не потому были велики, что были Стоики, но великость душевныхъ ихъ свойствъ подходила въ томъ единственно подъ правила Портика, что въ нихъ содержится изящнаго и превозходнаго, то есть въ преимуществѣ отдаваемомъ предъ всемъ прочимъ добродѣтели,

---

(*) Здѣсь Авторъ употребилъ слово, заимствованное изъ Латинскаго языка conclusiuncules, и почитаетъ его довольно удачнымъ выраженіемъ и въ языкѣ Французскомъ.

прочее же все щитали они за школьной сборъ, который, такъ сказать, составлялъ записки сей секты.

Цицеронъ справедливо ихъ упрекаетъ въ томъ, что они не произвели ничего такого, что можно бы было для общей пользы противопоставить тому, что писали Платонъ, Аристотель и нѣкоторые изъ ихъ учениковъ о нравахъ и законодательствѣ.,, Клеантъ и ,,Хризиппъ, продолжаетъ онъ, хотя покуша-,,лись сочинить риторику, но предпріятіе ,,ихъ было таково, что не льзя ничего чи-,,тать лучше, какъ сію риторику, дабы на-,,учиться ничего не говорить. Совсѣмъ тѣмъ ,,однакожъ какой исполнены они надменно-,,сти и какого высокомѣрія! По ихъ увѣре-,,нію, они возпламеняютъ души: но чемъ же? ,,тѣмъ, что *вселенная есть градъ человѣка.* ,,Очень хорошо: по этому міръ есть городъ ,,муниципальной для жителей Путеольскихъ! ,,Сими ли изобрѣтенія своего выраженіями ,,мнятъ они *возжечь въ душахъ пламень?* ,,напротивъ того скорѣе симъ его погасятъ, ,,ежели оный находится въ нихъ. Когда они ,,говорятъ о могуществѣ добродѣтели, то ,,мѣлочными своими вопросами бодутъ, какъ ,,бы иглами; и даже когда мы на мнѣніе ихъ ,,соглашаемся, и тогда въ душѣ нашей ни-,,какого не остается впечатлѣнія, не чув-,,ствуемъ въ себѣ никакой перемѣны, и воз-,,вращаемся таковымижъ, каковы пришли. ,,Развѣ новость выраженій можетъ дѣйство-,,вать на перемѣну существа мыслей и чув-,,ствованій? напримѣръ я у тебя спрашиваю,

„возможно ли, чтобы боль не была *злом*ъ,
„а ты мнѣ отвѣчаешь, что боль есть вещь
„непріятная, тягостная, прошивная и не-
„удобоносимая. Ты отвѣчаешь мнѣ вмѣсто
„одного слова опредѣленіемъ. Пусть такъ, но
„по чему сія вещь непріятная, тягостная,
„прошивная и проч. не есть зло? — Для
„того, что во всемъ томъ нѣтъ ни лукав-
„ства, ни обмана, ни злости, ни погрѣшно-
„сти и ниже стыда, а слѣдовательно нѣтъ
„и *зла*. — Положимъ, что я и могу удер-
„жаться отъ смѣха, услышавъ, что нѣтъ
„ни лукавства, ни обмана, ни стыда въ бо-
„ли, — великіе въ томъ для меня успѣхи —
„но какимъ же образомъ чрезъ то найду я
„средство къ перенесенію боли съ муже-
„ствомъ? — По тому, что человѣкъ, почи-
„тая боль *за зло*, не можетъ быть муже-
„ственъ. — Пусть такъ; но придастъ ли
„ему болѣе бодрости, когда онъ почитать
„будетъ боль только вещію непріятною, тя-
„гостною, противною и неудобосносимою?
„и я не вѣрю, чтобы ты въ состояніи былъ
„что нибудь сказать на сіе: ибо твердость
„и слабость зависятъ отъ самыхъ вещей, а
„не отъ разныхъ названій, которыя онымъ
„придаются.“

Вы видите, съ какою ловкостію и проворствомъ Цицеронъ разитъ, не допуская до себя ниодного удара; и естьли вы желаеше имѣть хотя нѣкоторое понятіе о странныхъ мнѣніяхъ Стоиковъ, надъ которыми Цицеронъ такъ забавно издѣвается, то я надѣюсь, позволите изъ безчисленнаго

множества оныхъ привести здѣсь по крайней мѣрѣ одно такое, которое покажетъ, до какой степени сумасбродство философическое, при добрыхъ даже намѣреніяхъ, простираться можетъ. Стоики мнили, что *всѣ тѣ, которые несовершенно мудры, суть равно презрительны, и убившій отца своего не больше заслуживаетъ презрѣнія въ разсужденіи того, кто хотя живетъ честно, но не достигъ еще совершенной мудрости:* мудрость же сія, какъ всякъ себѣ представить можетъ, заключалась только въ лицѣ Стоика, а въ самомъ дѣлѣ очень походила на сущее безуміе. Но къ сему смѣшному утвержденію надобно присовокупить и смѣшное сравненіе, служащее подкрѣпленіемъ первому. *Изъ двухъ утопающихъ человѣковъ*, говорили они, *тотъ, которой находится ближе къ поверхности воды, не свободнѣе дышетъ находящагося ближе ко дну: слѣдовательно* и проч. Вамъ безъ сумнѣнія также смѣшно сіе кажется, какъ и Цицерону; но по крайней мѣрѣ смѣхъ сей не имѣетъ здѣсь худаго намѣренія, и надобно признаться, что Стоики, будучи вообще строги въ своемъ поведеніи, были такъ же и со стороны ученія своего самые честные и добрые люди изъ всѣхъ сумасбродовъ.

Цѣлъ пяти разсужденій въ видѣ разговоровъ, названныхъ *Тускуланскими* по тому, что сочинены въ сельскомъ домѣ, которой Цицеронъ имѣлъ въ Тускулѣ (*), состоитъ

(*) Нынѣ называется Фрескати.

въ изыскании существеннѣйшихъ средствъ къ благополучію, и Цицеронъ полагаетъ оныхъ пять, какъ-то: презрѣніе смерти, терпѣніе въ страданіи, твердость въ различныхъ искушеніяхъ жизни, навыкъ къ преоборенію страстей, и наконецъ убѣжденіе въ томъ, что добродѣтель должна награду свою искать единственно въ себѣ самой. Вся сія теорія, заслуживающая всякую похвалу, заимствована болѣе или менѣе изъ того, что Академія и Портикъ заключали въ себѣ наилучшаго, и вездѣ украшена, исправлена и обогащена Цицерономъ, который съ начала до конца сочиненія преподаетъ ее отъ своего лица. Все, что только естественная философія имѣетъ изящнаго въ метафизикѣ и нравоученіи, здѣсь украшено витійствомъ, и не должно относить того къ Цицерону, что обрѣтается въ ней недостаточнаго или неполнаго: ибо онъ былъ только ея излагателемъ. Онъ весьма хорошо доказываетъ, что во всѣхъ положеніяхъ смерть не есть сама по себѣ зло: поелику и въ томъ случаѣ, когда бы человѣкъ погибъ вовсе, ничтожество не могло бы быть чувствительно: ежели душа безсмертна, какъ онъ полагаетъ, и весьма сильно утверждаетъ, то не самая смерть есть зло для злодѣя, но наказанія, за нею послѣдующія, яко единственныя слѣдствія его преступленій; напротивъ того добродѣтельный человѣкъ паче желать ея, чѣмъ страшиться долженъ; поелику она отверзаетъ ему путь къ лучшей жизни; и далѣе основывая на весьма правдоподобныхъ доводахъ

безсмертіе души, почитаетъ память особливою и чудесною способностію, которая не можетъ быть удѣломъ вещества. Что же касается до тѣхъ, которые отвергаютъ безсмертіе души, поелику не постигаютъ того, какъ можетъ душа разлучена быть съ тѣломъ; то онъ таковымъ весьма хорошо отвѣчаетъ:“ но лучше ли сего вы постигаете, „какъ душа сопряжена съ тѣломъ?“ Отвѣтъ сей очень достоинъ замѣчанія; поелику показываетъ, что Цицеронъ вникнулъ въ сей родъ доказательства, которое почерпнуто нынѣшнею здравою философіею, можетъ и еще столь же великую принести пользу, и силою котораго въ такомъ случаѣ, когда что нибудь хотя признано за извѣстное, однако же есть неудобоизъяснимо, можно опровергать въ логикѣ самые обыкновенные и совершенно ложные доводы, коими отвергаются другія столь же извѣстныя, какъ и доказанныя части по тому только, что человѣческій разумъ изъяснить ихъ не можетъ.

Цицеронъ весьма хорошо вникнулъ въ неосновательность умствованія сего рода, которое въ такомъ же употребленіи было въ его время, какъ и нынѣ, и имѣло слѣдствіемъ самопроизвольное признаніе въ невѣденіи того, что однакожъ есть удобопостигаемо, принимая за основаніе непреоборимое невѣденіе того, что есть свыше нашего понятія. Вотъ образчикъ умословія его по сему предмету.„ Источникъ души нашей „не можетъ обрѣтаться ни въ чемъ такомъ,

„что есть вещественно: ибо вещество не
„можетъ родить мысль, понятіе, память,
„не имѣющихъ никакого съ ними отноше-
„нія. Ни въ водѣ, ни въ воздухѣ, ни въ ог-
„нѣ, ниже въ томъ, что имѣютъ стихіи
„тончайшаго и проницательнѣйшаго, нѣтъ
„ничего такого, что показывало бы какое
„либо отношеніе съ тою способностію, ко-
„торая раждаетъ въ насъ понятіе о про-
„шедшемъ, настоящемъ и будущемъ: слѣдо-
„вательно способность сія изтекаетъ отъ
„единаго Бога: она по существу своему есть
„небесна и божественна. И такъ то, что въ
„насъ мыслитъ, чувствуетъ, хочетъ, что
„насъ движетъ, неотмѣнно должно быть не-
„тлѣнно и вѣчно, и мы даже о существѣ
„Бога не можемъ имѣть другаго понятія,
„какъ примѣняясь къ понятію существа
„души нашей, то есть, что есть нѣчто та-
„кое, что совершенно отдѣлено и не зави-
„ситъ отъ чувствъ, есть существо безтѣ-
„лесное, всевѣдущее и вседвижущее. Спро-
„сишь ты у меня: гдѣ же сіе всевѣдущее и
„вседвижущее существо, и откуда имѣетъ
„свое начало? Въ отвѣтъ скажу тебѣ: гдѣжъ
„душа твоя, и въ какомъ видѣ ты ее себѣ
„представляешь? Ни ты, ни я не можемъ
„рѣшить сего вопроса; однакожъ не имѣя
„никакого средства постигнуть то, что
„весьма бы мнѣ знать желалось, долженъ ли
„я для сего отказаться отъ познанія того,
„къ чему нахожу возможность? Око зритъ,
„но не видитъ себя; точно такъ же и душа
„наша зритъ множество вещей, но не усма-

„„тривается того, что такое есть она сама;
„„однакожъ она ощущаетъ то, когда мыслитъ
„„или дѣйствуетъ (*). Но гдѣ она обитаетъ
„„и что такое есть, сего даже искать не
„„должно. . . Когда ты созерцаешь порядокъ
„„въ мірѣ и стройное движеніе тѣлъ небес-
„„ныхъ, не заключаешь ли ты тогда, что
„„есть верховное существо, которое всемъ
„„тѣмъ управляетъ, предположивъ, что міръ
„„сей имѣетъ начало и есть произведеніе
„„онаго существа, какъ мнитъ Платонъ, такъ
„„и въ томъ случаѣ, ежели допуститъ, что
„„онъ прежде вѣкъ имѣлъ бытіе свое, и сіе
„„существо только имъ разпоряжаетъ, какъ
„„полагалъ Аристотель? Словомъ ты позна-
„„ешь Бога въ его твореніяхъ и въ лѣпотѣ
„„міра сего, хотя бы тебѣ и неизвѣстно
„„было, гдѣ находится Богъ, и что онъ есть
„„такое: таковоежъ можешь ты пріобрѣтать
„„познаніе о душѣ своей по ея непрерывному
„„упражненію и по существу ея дѣянія со-
„„стоящаго въ добродѣтели.“

По неограниченному уваженію, которое Цицеронъ всегда имѣлъ къ божественному Платону, (такъ его вся древность именовала) вы не будете удивляться тому, когда увидите у него тоже самое, что слышали у Греческаго философа въ ученіи его о смерти, и я упоминаю здѣсь о томъ только для того, чтобы очевиднѣе доказать предъ вами

(*) Я мышлю, слѣдовательно я чувствую, говоритъ Картезій.

одинаковое сихъ двухъ великихъ мужей мнѣніе о такой статьѣ нравоученія, которая вообще почитается заблужденіемъ ученія о духовности или крайней строгости, въ чемъ христіанскую философію весьма неосновательно укоряютъ. Вы такъ же видите и то, что Платонъ и Цицеронъ, которыхъ никогда не винили въ чрезмѣрной строгости нравоученія, говорили о семъ точно такъ, какъ христіане, и что еще удивительнѣе, то они тщились поддерживать сіи наставленія, не имѣя тѣхъ сильныхъ побужденій, которыя соединены съ нашею религіею-„ Что мы дѣ-„лаемъ, говоритъ Цицеронъ, когда успраня-„емъ душу нашу отъ земныхъ предметовъ, „отъ тѣлесныхъ попеченій и отъ чувствен-„ныхъ удовольствій, дабы предаться размы-„шленію? Мы тогда не иное что творимъ, „какъ поучаемся умереть: поелику смерть „есть токмо разлученіе души отъ тѣла. И „такъ ежели вы мнѣ въ томъ вѣрите, да „прилѣпимся къ сему ученію, и отщетимся „отъ тѣла нашего, да навыкнемъ, какъ уме-„реть должно. Тогда жизнь наша на земли „будетъ подобна жизни небесной, и когда „наступитъ часъ разрѣшенія тѣлесныхъ „узъ нашихъ, тогда ничто не удержитъ па-„ренія души нашей къ небесамъ.“

Въ прекрасномъ разсужденіи *о существѣ боговъ* Цицеронъ, кажется, намѣренъ былъ наипаче доказать и утвердить провидѣніе: и для того въ началѣ онаго вводитъ послѣдователя Эпикурова, лжеумствующаго противъ того по правиламъ, которыя, кажется,

принадлежатъ именно основателю сей школы: ибо что касается до ученія его объ атомахъ, то извѣстно, что онъ во всемъ заимствовалъ оное отъ Димокрита, не смотря на то, что очень худо объ немъ отзывается въ своихъ сочиненіяхъ, и Цицеронъ относитъ сіе къ нѣкоторому роду неблагодарности: по моему же мнѣнію сіе походитъ болѣе на ухищренное тщеславіе Эпикура, который для того только умышленно уничижалъ того, отъ кого заимствовалъ сію физическую систему, чтобы увѣрить, что въ ней только то хорошо, что имъ самимъ дѣйствительно или по видимому присовокуплено. И такъ нѣтъ важнаго въ томъ одолженія: ибо атомы какъ Димокритовы, такъ и Эпикуровы столь неудачны, что не стоили труда спорить объ нихъ, хотя Лукрецій и принялъ на себя трудъ преложить ихъ въ стихи: поелику ничто не препятствуетъ украсить заблужденіе стихотворческимъ образомъ на подобіе истинны, такъ какъ безобразіе наряжаютъ во всемъ подобно красотѣ. Впрочемъ Цицеронъ, кажется, лично уважая Эпикура, отзывается сими словами, что всю его философію презираютъ вообще всѣ просвѣщенные люди. „Мнѣ непонятно, говоритъ онъ, отъ чего произхо„дитъ, что нѣтъ такой нелѣпости, кото„рая бы не принадлежала и не была защищаема „какимъ нибудь философомъ? “ Эпикуръ изъ сего числа не исключался: ибо его боги были еще гораздо смѣшнѣе, нежели его міръ, составленный изъ атомовъ: совсѣмъ нѣтъ мы

не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ сотворенъ его міръ, хотя метафизика разсматривая познанія самаго простаго смысла, со временъ Эпикура допускала качества, по необходимости заключающіяся въ понятіи о божествѣ. Изъ сожалѣнія только не надобно уже смѣяться завидной праздности, щастливому равнодушію и блаженной безпечности, коими жалуетъ Эпикуръ своихъ боговъ, такъ что они не должны были ни во что входить, дабы не утомиться, ничѣмъ не трогаться, чтобы не чувствовать прискорбія, и ни въ чемъ не принимать участія, чтобы не возмутить того совершеннаго спокойствія, котораго Эпикуръ дѣлаетъ ихъ участниками, такъ какъ тоже предоставилъ и всякому отличившемуся въ его мудрости: а сіе самое не доказываетъ ли, что Эпикуръ былъ слишкомъ замысловатый умствователь? И вы себѣ можете представить, коль великой верхъ имѣетъ надъ подобными нелѣпостями Стоикъ Балбусъ, котораго Цицеронъ противопоставилъ Эпикурову послѣдователю! Ибо хотя Стоики доходили до такого безумія, что желали мудреца своей секты возвести на степень бога; но они по крайней мѣрѣ имѣли весьма здравыя понятія о божествѣ, и Балбусъ очень забавляется надъ своимъ Эпикурейцомъ, который не предполагая никакой розницы между существомъ божескимъ и человѣческимъ, кажется, остается въ томъ твердо увѣреннымъ, что произведеніе божіе есть такого же свойства, какъ и дѣло рукъ человѣческихъ, то есть

Богъ точно такъ же, какъ и человѣкъ, не можетъ созидать безъ потребныхъ къ тому орудій; не можетъ, такъ какъ и человѣкъ бдѣнь надъ своимъ произведеніемъ безъ отягощенія своего, ниже наказывать, не чувствуя прискорбія, хотя даже земные судіи наказываютъ преступленіе безъ смятенія и гнѣва.

Здѣсь надобно отдать справедливость древнимъ въ томъ, что все сіе ученіе Эпикурово о божествѣ, которое въ наши времена возобновлено было съ тѣми же доводами и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (*), было у нихъ въ столь великомъ презрѣніи, что одинъ изъ его учениковъ не зналъ другаго средства избавить память своего наставника отъ поношенія, какъ объявивъ за истинну ему ввѣренную, что Эпикуръ въ самомъ дѣлѣ никогда не вѣрилъ бытію божію, и единственно для сокрытія своего безбожія и для избѣжанія строгости законовъ прибѣгъ къ сему нечестивому ученію, которое хотя не отвергаетъ божества, однакоже представляетъ то безпечнымъ, чтобы лишить его уваженія, то уничиженнымъ, чтобы возбудить отвращеніе.

Между прочими своими бреднями Эпикуръ утверждалъ такъ же и то, что боги по необходимости имѣютъ образъ человѣческій по той причинѣ, что имъ приличествуетъ изъ всѣхъ образъ наилучшій, а лучше

(*) Именно *объ Естественномъ законѣ* Дидерота.

нѣтъ того образа, которой человѣкъ имѣетъ; и его сопернікъ введенный въ разговоръ Цицерономъ весьма забавно сіе опровергаетъ: но я не знаю, можетъ ли что еще быть смѣшнѣе того важничанья, съ которымъ Эпикуреецъ выставляетъ записки своей секты, и которое весьма походитъ на чванство нынѣшнихъ матеріалистовъ? съ какою высокомѣрною кичливостію тщеславится онъ тѣмъ великимъ свѣтомъ, который якобы возженъ отъ Эпикура, и великими услугами, оказанными имъ человѣчеству, такъ что можно подумать, будто говоритъ одинъ изъ нынѣшнихъ мнимоученыхъ людей. „Вы, говоритъ онъ, поста„вили надъ нами вѣчнаго обладателя, кото„раго денно и нощно надлежитъ бояться, да „и кто не устрашится Бога, который обо „всемъ печется, обо всемъ промышляетъ, „все блюдетъ, почитаетъ все отъ себя за„висящимъ, словомъ такого Бога, который „всегда занятъ и всегда озабоченъ? Эпикуръ „насъ избавляетъ отъ всѣхъ сихъ боязней, „такъ какъ и боговъ избавляетъ отъ всякой „заботы; онъ предоставляетъ вамъ свободу, „учитъ совсѣмъ не опасаться такого су„щества, которое никому и нималѣйшаго не „можетъ причинить прискорбія, ниже само „чувствовать оное можетъ. Вотъ истинное „понятіе, каковое должно имѣть о преизящ„номъ и самосовершенномъ существѣ! Вотъ, „въ чемъ состоитъ *благоговѣйное и святое* „*служеніе*, которое мы воздаемъ ему!„

Одно изъ затрудненій, которымъ Эпикуръ вооружается противъ сотворенія, и

даже окое многократно между нами было повторяемо, состоитъ въ вопросѣ: что дѣлалъ Богъ прежде созданія міра, и какъ и для чего онъ его сотворилъ въ то, а не въ другое время? Онъ не можетъ себѣ вообразить Бога, вдругъ изходящаго изъ своего вѣчнаго покоя для сотворенія толикихъ вещей, проведши столько времени въ бездѣйствіи. „И для кого же все это сотворено? для людей, изъ коихъ большая часть „имѣютъ умъ ограниченный; а какъ богъ „не могъ творить для глупыхъ; слѣдова„тельно онъ понесъ труды для весьма не„большаго числа.“

Поелику сіе возраженіе весьма много разъ и въ наше время было возобновляемо, и здѣсь не у мѣста бы было углубляться въ метафизическія умозрѣнія; то мнѣ остается только замѣтить, что больше еще удивляшься надобно сумасбродной надменности человѣка, когда услышишь его говорящаго Богу: Я никогда не пойму, чтобы ты все то сотворилъ, что мы видимъ, ежели по крайней мѣрѣ не узнаю, для чего ты не сотворилъ того ранѣе, и чѣмъ ты занимался прежде; не могу такъ же повѣрить, чтобы ты когда нибудь создалъ что, естьли не отдашь мнѣ отчета, какъ ты употребилъ свою вѣчность.

Цицеронъ весьма мало обращаетъ вниманія на сіи пустыя привязки Эпикурейцовъ; напротивъ того весьма основательно и строго судитъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ сихъ нечестивыхъ системъ, клонящихся един-

ственно къ тому, чтобы изпровергнуть основаніе общества, и о семъ говоритъ онъ тоже, что говорили всѣ мудрые и благомыслящіе мужи послѣ него даже до нашихъ временъ: и такъ не льзя сумнѣваться, чтобы не были имъ описаны весьма краснорѣчиво величіе, лѣпота и согласіе физическаго міра, словомъ, это одно изъ сочиненій его есть такое, въ которомъ онъ кажется наиболѣе употребилъ тщанія, больше углублялся и почерпалъ особливое удовольствіе; и для того, чтобы достойно можно было преложить на Французской языкъ сіе изящное произведеніе Латинскаго краснорѣчія (*), требуется для сего не меньшій трудъ; но я долженъ отказаться здѣсь отъ сего удовольствія, каковое могъ бы почерпнуть отъ того, ежели бы не былъ далѣе надлежащаго вовлеченъ множествомъ предметовъ, и не былъ принужденъ ограничиваться сужденіемъ своимъ объ оныхъ.

Однакоже никогда не уклонялась отъ правила приняшаго Академію защищать равно обѣ стороны, когда Балбусъ сдѣлалъ, какъ бы предначинъ легкимъ нападеніемъ противъ ученія Эпикурова, Цицеронъ противупоставляетъ защитнику провидѣнія послѣдователя Академіи Котту, который вступаетъ

(*) Зри вторую книгу de natura deorum, § 39 и слѣдующіе ac principio tena universa, etc. Цицеронъ никогда и ничего не писалъ краснорѣчивѣе сего.

уже въ дальнѣйшую борьбу, выводя съ великою твердостію самыя существенныя затрудненія, встрѣчающіяся при вопросѣ о нравственномъ злѣ, которыя единое только откровеніе могло разрѣшить опредѣлительно. Впрочемъ Цицеронъ былъ столь благоразуменъ и разсудителенъ, что не могъ не знать, что даже неразрѣшимыя сумнѣнія не опровергаютъ положительныхъ доказательствъ, изторгающихъ согласіе у разума, изъ чего можно сдѣлать сіе одно заключеніе, что мы въ разсужденіи сихъ предметовъ не имѣемъ столько познанія, чтобы могли на все отвѣтствовать; Цицеронъ, говорю, чувствовалъ, что понятіе о провидѣніи само по себѣ есть неразлучно съ понятіемъ о Божествѣ, такъ что одно безъ другаго быть не можетъ; оба они равно доказаны такъ же, какъ и непреложны, и ежели доказательства несильны опровергнуть всѣхъ возраженій, то еще менѣе возраженія могутъ опровергнуть признанныя уже доказательства, что самое и въ логикѣ вездѣ за правило принято; и для того заключаетъ съ своей стороны въ пользу Балбуса, признавая мнѣніе его болѣе приближающимся къ вѣроятности, составляющей единственное рѣшеніе допущенное Академіею, въ чемъ слѣдствія, какъ мы уже видѣли, равносильны были слѣдствіямъ достовѣрности.

Онъ написалъ такъ же весьма важное сочиненіе въ шести книгахъ въ томъ же родѣ и подъ такимъ же наименованіемъ, какъ у Платона, *о республикѣ*, которое од-

накоже утратилось. За тѣмъ послѣдовало сочиненіе его *о законахъ*, но и сіе дошло до насъ въ весьма искаженномъ видѣ, и то, что отъ него имѣемъ мы, есть отчасти нравственнаго и до религіи относящагося, отчасти же политическаго содержанія, гдѣ по примѣру Платона, Аристотеля и всѣхъ древнихъ Цицеронъ поставляетъ существенную важность въ религіи и ея обрядахъ, и весьма пространно о семъ излагаетъ въ трехъ книгахъ, сохранившихся отъ разсужденія его *о законахъ:* тутъ онъ самъ обращаетъ рѣчь къ Квинту брату своему и къ другу своему Аттику, которые болѣе слушаютъ, нежели противорѣчатъ: изъ сего сочиненія нѣкоторымъ образомъ открывается содержаніе и предшествовавшаго ему сочиненія, имѣвшаго въ предметѣ своемъ такое правленіе, чтобы *могущество* народа было всегда управляемо *властію* Сената; и слово Латинское auctoritas (власть, сила) на ономъ языкѣ содержало понятіе о могуществѣ разума отличномъ отъ народнаго, составляющемъ только могущество силы. Таковое различіе признано всѣми искусными Латинщиками между словами potestas и auctoritas, изъ коихъ первое вообще употребляется въ хорошую и въ худую сторону, напротивъ того послѣднее употребляется только въ хорошемъ смыслѣ, и всегда заключаетъ въ себѣ нѣкоторое понятіе о уваженіи. Для сего Римляне во всѣхъ своихъ дѣлахъ писали Senatus Populusque Romanns (Сенатъ и народъ Римскій), поставляя всегда Сенатъ напереди.

Равномѣрно подъ словомъ *ераждане* они разумѣли тѣхъ только, которые пользовались правами гражданства, кои чрезъ долгое время весьма ограниченно давались, и требовали великихъ обязанностей: у нихъ съ такими же затрудненіями соединенъ былъ и пріемъ въ военную службу, ввѣряя защиту государства только такимъ людямъ, коихъ имѣніе было залогомъ собственной ихъ выгоды съ общественною пользою: слѣдовательно требовался нѣкоторый достаткъ, чтобы можно было нести военную службу, а наипаче надлежало быть изъ свободнаго состоянія, и Марій вооруживши первый рабовъ, чего въ Римѣ даже въ величайшихъ опасностяхъ не дѣлалось, подалъ чрезъ то новый и необыкновенный примѣръ соблазна. Въ послѣдствіи же *народные* законы распространили право гражданства до такой чрезмѣрности, которая ускорила паденіе республики, хотя впрочемъ оно никогда не доходило до того, чтобы содѣлаться всеобщимъ: чрезъ цѣлые шесть сотъ лѣтъ одни только Римскіе граждане имѣли право подавать голоса; когда же во время войны Маріевой допущены были къ тому и прочіе города Италійскіе; то республика со всѣхъ сторонъ стала рушиться. И такъ не льзя удивляться, что Цицеронъ въ своихъ сочиненіяхъ о политикѣ и философіи явное обнаруживаетъ презрѣніе къ черни, когда сіе за правило было принято Римскою аристократіею, и я упоминаю здѣсь о семъ такъ какъ историкъ, а не какъ судія, да и

неприлично бы здѣсь совсѣмъ было изслѣдованіе такихъ вопросовъ, которыхъ не льзя рѣшить умствованіемъ безъ напрасной потери словъ и времени.

Цицеронъ весьма пространно и краснорѣчиво говоритъ о естественномъ правосудіи, яко основаніи всѣхъ законовъ, которое однакожъ подчиняетъ правосудію божественному, и на семъ единомъ утверждаетъ человѣческое правосудіе. Вотъ его слова: „первымъ всего основаніемъ да будетъ всеобщее „убѣжденіе, что боги суть владыки и правители всего; всякая власть подчинена ихъ „могуществу и провидѣнію; они суть благо„творители рода человѣческаго; зрятъ внутреннее разположеніе, что каждый дѣлаетъ „или предпринимаетъ, съ какимъ духомъ и „благоговѣніемъ каждый бываетъ при публичномъ богослуженіи; словомъ они отли„чаютъ добродѣтельныхъ людей отъ нече„стивыхъ. Вотъ, чего умъ каждаго испол„ненъ быть долженъ, чтобы познать полез„ное и истинное!“

Ежели столько являетъ онъ уваженія къ религіи, то изъ сего однакоже не слѣдуетъ, чтобы можно было изобличить его хотя въ малѣйшемъ признакѣ суевѣрія и легковѣрія, отъ чего никто такъ не былъ удаленъ, какъ онъ; а кому сіе неизвѣстно, то для удостовѣренія въ томъ стóитъ только прочитать разсужденіе его *о гаданіи*, въ которомъ онъ представляетъ вообще всѣ роды ухищренія, всѣ обманы, всякой родъ лицемѣрія и разные нелѣпые вымыслы,

составлявшіе такъ называемую науку оракуловъ, чудесъ, предзнаменованій, прорицаній Сивилль и проч. Никогда еще разумъ не являлся въ столь строгомъ и вмѣстѣ въ столь забавномъ видѣ, какъ въ семъ разсужденіи, гдѣ онъ ничего не щадитъ, и наилучшимъ и естественнымъ образомъ изъясняетъ нѣкоторые случаи, ознаменовавшіеся въ его время, которые братъ его Квинтъ, по слѣпому пристрастію къ гаданіямъ, приводитъ ему, такъ какъ чудесныя событія, каковыми они и въ самомъ дѣлѣ быть кажутся: на что Цицеронъ между прочими отвѣтами сколько справедливыми, столько же и остроумными говоритъ ему, что онъ не споритъ нимало въ томъ, чтобы гадатели такъ были нещастливы, что когда нибудь не сбылось бы случайно какое либо произшествіе, о которомъ ими случайно же предсказано, и заключаетъ свое сочиненіе тѣмъ, что благоразумный человѣкъ обязанъ уважать религію и презирать суевѣріе. Онъ былъ и самъ Авгуромъ; и потому братъ его возражаетъ: сталъ ли бы онъ въ сенатѣ или предъ народомъ говорить тоже самое, что теперь говоритъ въ своемъ саду съ братомъ и съ другомъ о такой части гаданія, которая принадлежитъ къ народному богослуженію, то есть о птицегаданіи и чудесномъ очищеніи? Цицеронъ и на сіе весьма благоразумно отвѣчаетъ, что все то, что законами установлено въ богослужебныхъ обрядахъ, никакого не имѣетъ отношенія съ философіею, и государственный человѣкъ

и гражданинъ обязаны почитать какъ бы нѣкоторымъ уставомъ все то, что введено законами для политическаго благоустройства: ибо неуваженіе законовъ во всякомъ случаѣ влечетъ за собою вредный примѣръ и преступленіе; но разуму философа не можетъ вмѣнено быть въ обязанность, чтобы онъ слѣпо вѣрилъ тому, что авгуръ вѣщаетъ всенародно, равно не льзя требовать и въ томъ убѣжденія, что законы суть всѣ безъ изъятія совершенны, хотя каждый гражданинъ повиненъ исполнять оные. Сіе изъясненіе весьма основательно, и нельзя было отъ язычника требовать лучшаго отвѣта; ибо Цицеронъ вообще о семъ предметѣ сказалъ кажется все, что было нужно, такъ что новѣйшимъ писателямъ, наиболѣе издѣвавшимся надъ суевѣріемъ, оставалось только повторять имъ сказанное.

Между древними нравоучительными книгами, по мнѣнію моему, нѣтъ лучшей для юношества, какъ *разсужденіе его о должностяхъ* (*), коего цѣль состоитъ единственно въ сравненіи и изображеніи сорев-

---

(*) Книга сія хотя предоставлена была для чтенія юношества во всѣхъ нашихъ (Французскихъ) публичныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ; однакоже, сколько мнѣ извѣстно, больше занимались ея слогомъ, нежели самымъ содержаніемъ ея, хотя и оно нимало не превышаетъ понятія сего возраста, и могло бы конечно послужить правилами къ благонравію и добродѣтели.

нованія между честнымъ и полезнымъ, что въ самомъ дѣлѣ для гражданственнаго человѣка во всякое время можетъ служить искусомъ и оселкомъ непорочности. Онъ въ немъ отрѣваетъ всѣ тонкости Стоиковъ, а удерживаетъ только ихъ правила вообще изрядныя въ семъ отношеніи, устраняя отъ нихъ все противное здравому разсудку, и присоединяя къ нихъ всегда сухимъ, хотя иногда и справедливымъ умствованіямъ, свой привлекательный и убѣдительный образъ рѣчи; однакоже входитъ онъ безъ всякаго многословія и излишества во всѣ подробности обязанностей жизни, и почитаетъ весьма сильнымъ и гораздо въ теснѣйшемъ и существеннѣйшемъ видѣ, нежели какъ обыкновенно полагаютъ, отношеніе между обязанностями строгости и благоприличія. Прискорбно и даже стыдно быть въ необходимости признаться, что въ семъ важномъ предметѣ древніе были строже и слѣдовательно разсудительнѣе насъ: они чувствовали всю цѣну сего нравственнаго и общественнаго правила, какимъ образомъ содержать себя у другихъ въ уваженіи, и какъ поступать въ разсужденіи другихъ во всемъ внѣшнемъ обращеніи, которое человѣкъ видѣть и судить можетъ, между тѣмъ какъ единому Богу принадлежитъ судить о сердечныхъ сокровенностяхъ; и исторія Римскаго ценсорства, доколѣ оное и нравы народные не преставали взаимно другъ друга поддерживать, довольно показываетъ примѣровъ сего наблюденія, которыхъ здѣсь по ихъ из-

вѣстности я не представляю; но наконецъ безчиніе и развратъ, за тѣмъ послѣдовавшіе, находили себѣ оправданіе въ ученіи Циниковъ, чему и дивиться нѣчего: ибо самое наименованіе (*) ихъ означаетъ уже наглость; очень жаль только того, что безстыдство и соблазнъ обрѣтали себѣ защитниковъ въ самомъ Портикѣ, хотя то было на однихъ словахъ, и произтекало отъ тѣхъ неправильно толкуемыхъ околичностей, которыя произходятъ единственно отъ злоупотребленія примѣненной не къ статѣ метафизики, а тогда и метафизика превращается въ нелѣпость, коль скоро она простирается далѣе вещей, разумомъ единственно поспигаемыхъ, такъ какъ и все то, что находится не на своемъ мѣстѣ, теряетъ свое достоинство. Въ семъ состоитъ самый вредный родъ философическаго заблужденія, которое во всякое время опасно, однакоже у древнихъ оно, такъ какъ какое нибудь правило, не простиралося далѣе школъ, и яко образецъ заключалося въ однихъ только странностяхъ и порокахъ; напротивъ того въ наши времена оное произвело ужасный соблазнъ и всеобщія преступленія. Вотъ плачевный, однакоже нѣкоторымъ образомъ естественный успѣхъ, являющій собою то,

---

(*) *Циникъ* произходитъ отъ Греческаго слова означающаго собаку. Секту сію такъ называютъ по тому, что она злорѣчила каждаго, и ни въ чемъ стыда не поставляла.

что подражающіе обыкновенно превосходятъ въ безуміи самые подлинники, и что безразсудное подражаніе бываетъ слѣдствіемъ или нашей пылкости, или нашего тщеславія!

Цицеронъ посылая сіе свое сочиненіе къ сыну своему, учившемуся тогда въ Аѳинахъ, предостерегаетъ его, чтобы онъ не вѣрилъ ни Циникамъ, ни даже Стоикамъ, приближавшимся въ сей статьѣ къ Циническої сектѣ, кои во многихъ преніяхъ отметали стыдъ и благопристойность подъ тѣмъ предлогомъ, что не есть само по себѣ безчестно, то говорить и дѣлать можно въ присутствіи другихъ; и потому безъ труда онъ опровергаетъ сіе лжеумствованіе, почерпая свои доводы изъ самой природы, начертавшей всевластнымъ своимъ и повсемстнымъ назнаменованіемъ первые законы общежитія. „И такъ послѣдуемъ природѣ, заключаетъ онъ, и отвратимся отъ всего того, „чего не можетъ сносить скромность нашего слуха и нашего зрѣнія.“

Никто изъ древнихъ не вникнулъ и не изслѣдовалъ его лучше отношенія правилъ разсудка съ правилами общежитія, и это одно есть изъ сильнѣйшихъ доводовъ, посредствомъ чего Цицеронъ старается изправить ложное понятіе и даже ложное наименованіе *полезнаго*, обыкновенно относимаго всѣми къ частнымъ своимъ выгодамъ, весьма ясно доказывая, что все то, что клонится къ разрушенію согласія въ общественномъ составѣ, въ коемъ мы носимъ имя членовъ, не можетъ въ самомъ дѣлѣ быть

для насъ *полезно*, и сія теорія, коей Платонъ только положилъ основу, такъ хорошо Цицерономъ изслѣдована и объяснена, что можно ее назвать принадлежащею ему; слѣдовательно мы одолжены ему тѣмъ, что онъ болѣе, нежели кто либо утвердилъ сіе второе основаніе нравственности, соединенной у него, такъ какъ и у Платона, съ первымъ основаніемъ, составляющимъ законъ божественный; но Платону, кажется, извѣстно было единственно сіе послѣднее основаніе, первое же имъ только слегка было усмотрѣно; и я предваритель но намѣренъ здѣсь замѣтить противъ тѣхъ, которые превозносятъ Сенеку, а Цицерона ни во что ставятъ, предоставляя себѣ въ слѣдъ за симъ сдѣлать опроверженіе противъ того, что касается до изображеній истинно философическихъ, что упомянутая выше мысль Цицеронова гораздо больше въ себѣ заключаетъ важности, и больше собою объемлетъ, нежели всѣ изрѣченія Сенеки; а когда уже сіе сосіавляетъ для Цицерона самое великое отличіе, то сколько же онъ имѣетъ еще другихъ преимуществъ, и колико сіе искусство утвердить честность и отнять силу у частной выгоды во всѣхъ отношеніяхъ превышаетъ тонкости и натяжки Стоическія, составляющія все основаніе философіи у Сенеки.

Сверхъ же того Цицеронъ никогда заключеній своихъ не простираетъ за предѣлы здраваго смысла, въ чемъ такъ же состоитъ главная погрѣшность Портика и его учени-

ка Сенеки; но доказавъ, какъ слѣдуетъ, и сколько возможно было, сію священную обязанность общественнаго благоуспройства, онъ вопрошаетъ у себя, позволительно ли иногда для пользы общественной нарушить умѣренность и скромность (*)? и рѣшительно отвѣчаетъ, что сіе не позволяется. „Никогда благоразумный и добродѣтельный „мужъ не учинитъ ничего такого, что са„мо по себѣ постыдно и предосудительно; „никогда, даже для блага отечества. По чему „же? по тому, что самое отечество не пре„буетъ сего; и лучшій отвѣтъ на сей во„просъ состоитъ въ томъ, что никогда не „можетъ быть такихъ случаевъ, въ кото„рыхъ бы честной человѣкъ для пользы об„щества долженъ былъ сдѣлать какое ни„будь преступленіе или предосудительное „дѣло.“

Ежели при семъ случаѣ представите вы себѣ все зло, произтекшее отъ словъ, что такое есть *строгій гражданинъ* (civiste) и что *умѣренный гражданинъ* (moderè), то изъ сего заключить можете, что *виновники революціи*, именовавшіе себя *философами*, не были отнюдь въ томъ подобны древнимъ, или лучше сказать, что въ нихъ столь же мало было философіи, сколько политики и человѣчества.

(*) Надобно знать, что слова сіи берутся здѣсь въ полномъ смыслѣ философическаго языка, который объемлетъ все то, что заключается въ понятіи слова.

У Цицерона не находится того отвратительнаго ученія, состоящаго въ томъ, чтобы сынъ доносилъ на отца, или отецъ на сына, *и влекъ бы его самъ на казнь* не только за какое нибудь преступленіе, но и за самыя мнѣнія, обнаруженныя или не обнаруженныя, предполагаемыя или подозрѣваемыя: слѣдовательно для того только, чтобы доставить вамъ случай почерпнуть нѣкоторое удовольствіе въ нѣдрахъ природы, я намѣренъ предложить еще нѣкоторыя мысли сего истиннаго философа, который такъ силенъ въ политикѣ, что нигдѣ не дѣлаетъ противорѣчія природѣ, и обозрѣвая множество возможныхъ случаевъ, гдѣ одна обязанность кажется противорѣчущею другой, входитъ во всѣ сіи подробности на тотъ конецъ, что разсуждаетъ о такой части нравственности, въ которой заключаются различныя степени обязанностей, и такъ же для того, что сей видъ мнимой противоположности часто случается въ прохожденіи гражданской жизни: онъ отнюдь не ограничивается самыми обыкновенными случаями, а предполагаетъ самые рѣдкіе, и въ примѣръ приводитъ святотатство, которое у Римлянъ почиталось за наивеличайшее преступленіе. „Долженъ ли ты до„нести правительству на своего отца, еже„ли тебѣ извѣстно, что онъ ограбилъ храмъ „или сдѣлалъ подземный проходъ для похи„щенія государственной казны, (которая „хранилась всегда въ храмахъ)? Нѣтъ, это „было бы преступленіе; но ты даже дол-

„женѣ защищать его, сколько возможно,
„ежели по суду обвиняютъ его. — Какъ же,
„развѣ общую пользу не должно предпочи-
„тать всему прочему? — Конечно предпочи-
„тать должно; но главная польза общесіпвен-
„ная состоитъ въ томъ, чтобы сохраняемы
„были обязанности природы, и чтобы дѣт-
„ская любовь не была изпровержена. — А
„естьли отецъ мой посягаетъ на тираннію,
„или умышляетъ измѣну противъ отече-
„ства, долженъ ли я молчать тогда? — Сіе
„одно обстоятельство почитается за осо-
„бенный случай; но и тогда обязанъ ты всѣ
„мѣры употребить для отвращенія его отъ
„умышляемаго имъ преступленія; когда же
„онъ въ томъ будетъ упорствовать; тогда
„уже надлежитъ тебѣ благосостояніе оте-
„чества предпочесть спасенію отца своего.“

Цицеронъ судитъ о семъ благоразумно: ибо отъ похищенія государственной казны и отъ святотатства не можетъ поколебаться цѣлость политическаго состава и общественнаго благоустройства; и потому въ семъ случаѣ законы природы должны почитаться главными законами: но въ обстоятельствѣ явно угрожающемъ опасностію благу общества польза онаго должна быть предпочитаема всякой иной облзанности; поелику цѣль всѣхъ почти обязанностей есть попеченіе о сохраненіи его благоденствія. Вопъ, какая произтекаетъ польза отъ нравоученія, имѣющаго прочное основаніе, такъ что всякому недоумѣнію можно въ немъ найши разрѣшеніе, и Брутъ согласно

съ сими правилами, приказавъ умертвить двухъ сыновей своихъ, мнилъ, что онъ тѣмъ исполнилъ только долгъ свой.

Цицеронъ согласуется со всѣми нравоучителями, но не со всѣми политиками въ томъ, что касается до выбора лучшихъ средствъ, какъ поддержать власть, посредствомъ ли любви, или посредствомъ страха, и рѣшительно говоритъ: „ничто не способ„ствуетъ столько къ поддержанію власти, „какъ любовь, и ничто столько не вредитъ „сему, какъ страхъ. Нѣтъ власти, которая „могла бы устоять противъ всеобщей не„нависти. Впрочемъ (присовокупляетъ онъ) „легко понять можно, что властительство „основанное на силѣ, мнящее поддержать „себя жестокостію, можетъ отнесено быть „только къ политикѣ деспота, а сія поли„тика есть сущее безуміе.“

Онъ такъ же изложилъ правила денежныхъ торговыхъ прибытковъ, изслѣдованіе которыхъ по тому болѣе полезно, что выгоды сіи относятся къ каждому человѣку и ко всякому обстоятельству; но и тутъ онъ полагаетъ рѣшеніе, согласуясь обыкновенно съ своимъ основаніемъ, что противно есть естеству человѣка и вещей, то есть тому, на чемъ основывается общественное благоустройство, лишать кого либо ему принадлежащаго, причинять ему малѣйшій ущербъ посредственно или непосредственно, самымъ дѣломъ или по небреженію, и вредить ему словами или утаеніемъ чего либо; а слѣдовательно и всѣ представляемые имъ

примѣры доказываютъ сію важную, простую и основанную на опытѣ истинну, что честность, дабы ей быть совершенною, должна простираться даже до нѣжности, или иначе сказать нѣжность сія есть не иное что, какъ въ совершенной степени добросовѣстіе. „Въ Родосѣ былъ великой недостаток„ъ въ сѣстныхъ припасахъ, и по тому „хлѣбъ весьма вздорожалъ. Нѣкоторый ку„пецъ привезъ его изъ Александріи, и по „причинѣ сей крайности продалъ его, по че„му хотѣлось ему. Но отправляясь изъ Але„ксандріи, видѣлъ онъ множество другихъ „судовъ нагруженныхъ хлѣбомъ и готовыхъ „для отплытія въ Родосъ. Добросовѣстный „купецъ обязанъ ли былъ предостеречь въ „томъ Родосцевъ?“ Цицеронъ приводя для сего противныя мнѣнія двухъ весьма строгихъ и весьма просвѣщенныхъ философовъ, которыя съ той и съ другой стороны въ точности изслѣдованы, и основываясь на томъ же правилѣ, положительно утверждаетъ, что покупщикъ долженъ знать все то, что продавцу извѣстно, безъ чего торгъ между ими не будетъ равносиленъ, и сіе должно быть въ числѣ главныхъ правилъ человѣческаго общежитія. „Молчаніе продавца „въ подобномъ случаѣ свойственно ли чело„вѣку честному, прямому и справедливому? „Отнюдь нѣтъ; и сіе не есть знакъ чест„наго человѣка.“

Всегда я удивлялся тому, что въ торговыхъ дѣлахъ самая корысть не внушила никому сдѣлать такого разчета, которой

бы совершенно могъ одобренъ быть безпристрастною совѣстїю, напримѣръ ежели какой нибудь купецъ разчисливъ, сколько торгъ его долженъ ему принести законной прибыли, удовольствовался бы такимъ прибыткомъ, которой бы могъ быть справедливою мздою трудовъ его, и доставлялъ бы семейству его приличное содержаніе, (получая напримѣръ прибыли по 15 со ста, которая, какъ говорятъ, въ торговлѣ позволительна), не позволялъ бы уже себѣ никогда оную увеличивать, лишнее запрашивать, давать одной доброты товаръ вмѣсто другаго, скрывать худобу онаго, словомъ продавалъ бы всегда такъ, какъ бы самъ покупать желалъ, и я увѣряю, что тогда человѣкъ сей, ставши единожды извѣстенъ (что вскорѣ бы и послѣдовало), сдѣлается чрезъ нѣкоторое время богатѣйшимъ въ своемъ родѣ, и развѣ главное затрудненіе находить будетъ для себя въ томъ только, чтобы удовлетворять всѣхъ покупщиковъ, которые являться къ нему будутъ. Нѣкоторые купцы, какъ извѣстно мнѣ, хвалились тѣмъ, что они цѣну не перемѣняли: но сіе ничего не значитъ, и даже заключается въ семъ большое ухищреніе, какъ-то на самомъ опытѣ вскорѣ можно удостовѣриться; я же совсѣмъ не то разумѣю, а изображаемый мною человѣкъ долженъ быть таковъ; чтобы можно было къ нему послать даже ребенка, которой бы только умѣлъ сказать, что ему надобно, или даже можно бы было слѣпому покупать

у него товары: я опасаюсь только искушенія, которое почти бываетъ съ симъ неразлучно и весьма сильно, то есть, чтобы снискавъ такимъ образомъ общую довѣренность, не употребилъ ее на весьма прибыточный обманъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока сіе не откроется: поелику отъ корысти умножается алчность къ прибытку, а богатство раждаетъ роскошь; но и тогда корыстолюбіе ошибется въ своихъ разчетахъ; ибо коль скоро обнаружится подлогъ, тогда никто болѣе не станетъ у него покупать, и не позволятъ уже ему быть болѣе обманщикомъ, а въ такомъ случаѣ ежели бы и удалось ему что нажить неправеднымъ образомъ въ продолженіи нѣкотораго времени, можетъ ли оное сравниться съ тѣмъ, что могъ бы онъ пріобрѣсти честно до конца своей жизни?

Но есть вопросы, которые гораздо труднѣе рѣшить, и по моему мнѣнію ихъ даже предлагать бы не слѣдовало, напримѣръ два человѣка во время кораблекрушенія бросаются на доску, на которой только одному спастися можно: кто же изъ нихъ долженъ ее уступить другому? Цицеронъ мнитъ, что она должна принадлежать тому, кто полезнѣе для общества: но кто же будетъ судіею въ такомъ случаѣ? Да хотя бы который нибудь изъ нихъ и присудилъ ее въ пользу другаго, а во вредъ себѣ (что уже весьма много бы значило); то будетъ ли онъ въ силахъ чрезъ то превозмочь естественное и справедливое поду-

жденіе о спасеніи себя? Цицеронъ рѣшилъ равномѣрно, что ежели бы надлежало умереть двоимъ съ голоду или отъ стужи, и было бы пищи или одежды не болѣе, какъ только для одного человѣка; то право присвоить себѣ оную имѣетъ тотъ, котораго жизнь полезнѣе для согражданъ его. Надобно замѣтить, что дѣло идетъ здѣсь о двухъ человѣкахъ, во всемъ прочемъ равныхъ другъ другу; примѣры же у Цицерона не суть такого рода, о каковыхъ намъ часто свидѣтельствуетъ исторія, какъ напримѣръ о воинахъ оказывающихъ равныя услуги своему военачальнику, или подданные своему Государю; при томъ же въ такой крайности нужды физической человѣкъ почти невольно дѣйствуетъ, и даже во всѣхъ обстоятельствахъ сумнительно, можетъ ли то относиться къ обязанности, что представляется такъ какъ черта неустрашимости и преданности? Но я вообще такого мнѣнія, что положенія сего рода, выступающія изъ круга обязанностей, не должны входить въ разсужденія о нравоученіи, которое необходимо предполагаетъ, чтобы человѣкъ пользовался нравственными способностями: въ приведенныхъ же примѣрахъ, когда человѣкъ тонетъ, или умираетъ съ голоду и отъ стужи (такъ какъ Цицеронъ выражается) (*), онъ есть не иное что, какъ животное (**), и щепно

(*) Si fame aut frigore conficiatur.

(**) Опытомъ доказано, что чрезвычайный голодъ

предписывать ему правила въ семъ состояніи, когда онъ никакому другому чувствованію внимать не можетъ, кромѣ главнѣйшаго впечатлѣнія, сроднаго всѣмъ животнымъ о сохраненіи себя. Ежели же и допустить рѣдкія въ семъ родѣ явленія великодушія (яко дѣло возможное), то не льзя однакоже сдѣлать правиломъ того, что заключаетъ въ себѣ только изъятіе.

Цицеронъ кажется не такъ строгъ въ разсужденіи *клятвы*, которая такъ же часто бываетъ причиною прѣній, и придерживаясь общаго мнѣнія, что она не только ничего не значитъ, коль скоро кто давалъ ее на худое дѣло, но и ежели будетъ изторгнута силою, не можетъ тогда почитаться дѣйствительною, говоритъ: „клятва есть дѣло совѣстное: коль же скоро „ты не клялся своею совѣстію (ex animi „sententia), то не можетъ сіе почесться „за вѣроломство.“ Но онъ не касается самаго труднаго вопроса, можетъ ли честный человѣкъ, угрожаемъ будучи какою нибудь опасностію, клясться въ томъ, чего онъ не

и стужа лишаютъ человѣка разсудка. По нашимъ законамъ (Французскимъ) ежели человѣкъ умирая съ голоду, унесетъ хлѣбъ у хлѣбника, не будетъ какъ воръ наказанъ: однакоже надобно замѣтить, что я говорю здѣсь только о семъ положеніи, и изъятіе сіе не можетъ быть опасно; ибо состояніе сіе не таково, чтобы оно могло доводить до преступленій.

почитаетъ себя обязаннымъ исполнить изъ уваженія къ долгу своему? Не вхожу и я въ такое разсужденіе, разрѣшеніе коего зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыя столько могутъ перемѣнять обязанности, что нѣтъ почти возможности опредѣлить на сей случай общаго закона.

Разсужденій его *о старости и о дружествѣ*, заключающихъ по свойству своему менѣе отвлеченій, нежели прочія его сочиненія, имѣемъ мы многіе и разные переводы, и они столько извѣстны почти всѣмъ читателямъ, что я за излишнее почитаю касаться здѣсь оныхъ разсмотрѣніемъ или дѣлать изъ нихъ выписки; и оба сіи сочиненія давно уже единогласно одобрены, а особливо разсужденіе *о старости*, сверхъ всякаго ожиданія, много плѣнило собою, о которомъ отзывались, что чтеніе его возбуждаетъ охоту состарѣться. Ежели разсужденіе *о дружествѣ* не имѣло такого же успѣха, то причиною того можетъ статься было противное ожиданіе: ибо никто не любитъ старости, хотя и желаютъ оной достигнуть, такимъ же образомъ свойственно всякому тщеславиться дружбою, равно какъ и жаловаться на рѣдкость друзей; и всякъ щитая себя другомъ, твердитъ сіи извѣстныя слова: *ахъ, друзья мои! нѣтъ больше друзей.* Но въ разсужденіи Цицерона мы имѣемъ удостовѣреніе, что онъ и самъ былъ другомъ, и имѣлъ у себя друга, доказательствомъ того и другаго служатъ его письма къ Аттику, ко-

тому онъ посвятилъ и книгу свою о дружествѣ; напротивъ того Лелій начерталъ свойства и правила дружбы, который свидѣтельствуетъ, что Сципіонъ самымъ гнуснымъ злохуленіемъ для дружества почиталъ сіи слова, сказанныя однимъ изъ древнихъ: *должно такъ любить, какъ будто бы никогда надобно было возненавидѣть.* Слова сіи безъ сумнѣнія васъ раздражаютъ, равно какъ и меня, и я можетъ быть не отказался бы отъ удовольствія ополчиться здѣсь негодованіемъ своимъ противъ нихъ, ежели бы не было мнѣ извѣстно, что на сей случай сочинены изрядные стихи, которые всегда бываютъ лучше прозы, ежели сочинены хорошо, хотя сочинитель сихъ стиховъ (*), отличившійся совсѣмъ въ другомъ родѣ, весьма мало въ жизни своей упражнялся въ стихотворствѣ.

(*) Г. Гальяръ, ученый и просвѣщенный историкъ и искусный писатель, который полезными и многотрудными своими изслѣдованіями привелъ въ наибольшую ясность нарочитую часть нашей исторіи. Онъ былъ мнѣ сотоварищъ въ Академіи Французской, и весьма рано сдѣлался извѣстенъ въ числѣ ученыхъ мужей, коихъ уваженіе и снисхожденіе служили мнѣ поощреніемъ въ трудахъ моей юности, и былъ весьма достоинъ прославлять дружбу, коею чрезъ цѣлыя 30 лѣтъ почтенъ былъ отъ добродѣтельнаго и нещастнаго Малгерба. Хотя совершенное уединеніе, въ которомъ онъ жилъ во время революціи, удалило его, но не изгладило изъ памяти моей, и я съ великимъ

Ахъ! пусть навсегда изчезнутъ сіи страшныя
слова мудреца,
Сіи слова, наводящія ужасъ сердцу и ужасъ любви:
Помысли, что дрѣвъ твой можетъ нѣковда излѣ-
нить тебѣ.
Ахъ, пусть онъ измѣнитъ мнѣ! но почто сердце
мое напередъ виниmъ его?
Почто горестное и унылое воображеніе
Во тмѣ будущей неизвѣстности ищетъ сумни-
тѣльнаго преступленія?
Если онъ престанетъ любить меня, то сколько
самъ будетъ нещастенъ!
Ежели откроетъ онъ тайны наши; то я о немъ
паче сожалѣть долженъ:
Дружба моя была непритворная: чегожъ мнѣ
бояться?
Пусть онъ откроетъ тайны моего сердца:
Тайны сіи суть любовь, дружба и печаль,
Печаль, что вижу къ себѣ его невѣрность и измѣну,
И что онъ такъже скоро забылъ свои клятвы,
какъ я забываю свою обиду.

Мы еще будемъ имѣть случай говорить о Цицеронѣ, когда сравнивать его будемъ въ философіи съ Сенекою, который предлежитъ теперь нашему разсужденію.

удовольствіемъ пользуюся симъ случаемъ, чтобы прежнему своему, теперь осмидесятилѣтнему сотоварищу, котораго можетъ быть я никогда не увижу, посвятить сей знакъ памяти и благодарности.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сенека.

Около пятнадцати или шестнадцати лѣтъ тому назадъ начался сильный споръ о Сенекѣ, который, правду сказать, не былъ столько шуменъ во Франціи и Европѣ, какъ прѣніе произшедшее въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи о Гомерѣ: а впрочемъ Сенека и не былъ въ такомъ уваженіи, чтобы могъ на свою сторону привлечь столько же читателей, сколько имѣлъ, Гомеръ, да и самый споръ о древнихъ и новѣйшихъ писателяхъ, къ которому Гомеръ подалъ случай, касался только до вкуса, хотя и примѣшивались къ тому, какъ-то обыкновенно бываетъ, не только колкости, удобно раждающіяся отъ пропивныхъ мнѣній, но и грубость, каковая бываетъ свойственна ученому педантству, чему подвержена была, какъ вы видѣли, и ученая Дасьеръ: однакоже сіи взаимныя противоборствія касались только одной словесности и ума, напротивъ того прѣніе о Сенекѣ было совсѣмъ другаго рода; оно относилось большею частію лично къ сему философу, и представляло родъ нѣкоего тяжебнаго дѣла, такъ что можетъ быть ни въ какомъ другомъ случаѣ не доходило до такихъ наглостей, обидъ и обуянія, какія показалъ Дидеротъ противъ нѣкоторыхъ журналистовъ, кои дѣлая свои замѣчанія на переводъ

сочиненій Сенеки (*), осмѣлились коснуться его поступковъ, усумниться въ его добродѣтели и нѣсколько помрачить оную. Къ щастію публика почти не принимала участія въ семъ дѣлѣ, походившемъ на сумятоху, каковую произвели защитники Сенекины, и весьма мало обращала вниманія на злословіе, разточаемое ими противъ своихъ соперниковъ, изъ коихъ нѣкоторые въ самомъ дѣлѣ были уже не въ весьма хорошемъ замѣчаніи, но на сей разъ, по существу вещей, имѣли на своей сторонѣ справедливость, хотя въ томъ не всегда наблюдали хорошій выборъ и невсегда употребляли надлежащія доказательства; они даже противъ своего обыкновенія соблюли скромность и безпристрастіе вѣроятно въ томъ предположеніи, что никто не могъ столько возненавидѣть Сенеку, сколько одинъ Дидеротъ способенъ былъ пристраститься къ нему. Слѣдовательно пря сія не была ни продолжительна, ни многозначуща; и хотя сочиненіе Дидеротово, не смотря на его обширность и недостатки, привлекло къ себѣ читателей по причинѣ нѣкоторыхъ сатирическихъ мѣстъ, непосредственно направленныхъ на различныя власти; однакоже оно останется самымъ страннымъ памятникомъ нетерпимости, во все чуждой философіи тѣхъ, кои присвояютъ себѣ исключительно наименованіе *философовъ*; къ

(*) Сочиненіе Лагранжа вышедшее послѣ его смерти.

томужѣ оно имѣетъ еще другое особливое качество, свойственное сочинителю, то есть заключаетъ въ противуположности, едва во всемъ прочемъ понятной, и чрезмѣрныя похвалы, разточаемыя имъ философіи и дарованіямъ Сенеки, и вкупѣ укоризны и порицанія, которыя онъ ему дѣлаетъ; а сіе самое составляетъ уже существенное противорѣчіе. Разсмотрѣніе сей Дидеротовой книги, которою я вскорѣ намѣренъ заняться съ тѣмъ, чтобы опровергнуть его заблужденія и лжеумствованія и вкупѣ показать его признаніе, послужитъ сильнѣйшимъ подкрѣпленіемъ моихъ мыслей, которыя неоднократно въ занятіяхъ нашихъ я имѣлъ случай сообщать вамъ мимоходомъ о сочиненіяхъ Сенеки, а теперь по приличію мѣста представлю вамъ оныя въ связи и съ доказательствами.

Слѣдуя порядку, удержанному переводчикомъ его Лагранжемъ, первое сочиненіе его составляютъ письма къ Луцилію, числомъ 124, кои всѣ касаются частію различныхъ, а частію однихъ и тѣхъ же предметовъ нравоученія. Ежели объ нихъ судить такъ, какъ мыслитъ сочинитель, то есть щитать ихъ за простую переписку съ учеником и другомъ (ибо Луцилій по видимому заключалъ въ себѣ то и другое); то первое противъ ихъ порицаніе можно сдѣлать въ томъ, что они нимало непохожи на то, въ какомъ видѣ желаетъ онъ ихъ предста-

вить. „Ты недоволенъ тѣмъ (*) (пишетъ „онъ къ Луцилію), что письма мои не такъ „тщательно обработаны; но кто въ обык„новенныхъ разговорахъ будетъ думать о „чистотѣ слога, ежели только не за„хочетъ говорить принужденно? Я же„лаю, чтобы письма мои *походили на раз„говоръ въ бесѣдѣ или во время прогулки; „были бы просты и понятны, и чтобы „въ нихъ нимало не было примѣтно ни „украшенія, ни труда на нихъ употреб„леннаго.*“ Въ самой вещи письма сіи къ Луцилію столь же мало походятъ на бесѣду, сколько и на слогъ приличествующій письмамъ, и малымъ чѣмъ разнствуютъ отъ нынѣшнихъ нравоучительныхъ рѣчей, небольшихъ Стоическихъ отрывковъ, или небольшихъ разсужденій о какомъ либо философскомъ и ученомъ предметѣ; часто

(*) Во всей статьѣ сей заимствовался я переводомъ Лагранжа не по тому, чтобы онъ былъ возможно лучшій, чего о немъ сказать не можно; однакоже онъ вообще хорошъ. Рѣшился же я показать Сенеку въ переводѣ и отступить отъ обыкновенія самому переводить для того, чтобы не стали винить меня въ томъ, что я исказилъ его, дабы чрезъ то подать поводъ къ его порицанію. И такъ для избѣжанія сей укоризны и всякой другой непріятности, имѣя дѣло съ пристрастными людьми, за лучшее я призналъ средство вездѣ заимствоваться такимъ переводомъ, который одобренъ, пересмотрѣнъ и дополненъ превозносителями Сенеки

даже нѣтъ въ нихъ ничего такого, что показывало бы, что они *письма*, кромѣ заглавія, означающаго ихъ собраніе; образъ рѣчи въ нихъ походитъ на рѣчь философа, преподающаго публично или въ школѣ наставленія, а слогъ подобенъ слогу оратора, часто впадающаго въ напыщеніе, простирающееся иногда до глупости (*).

Издатель послѣдняго выхода трудовъ Лагранжа хотя человѣкъ ученый, но на коего впрочемъ не льзя положиться въ такомъ

(*) Вотъ, какимъ образомъ можно раздѣлить разныя сочиненія, то есть на писателей красноречивыхъ, которые употребляютъ всегда слогъ приличный содержанію; на витіевъ, которые тщатся все возвысить и украсить; и на ораторовъ надутыхъ, которые жаромъ своимъ никого не трогаютъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ такъ называемые великіе геніи и образцовые писатели, каковы у насъ были Боссюеты, Монтескюи и проч. Ко второму отдѣленію относятся тѣ, которые имѣли болѣе дарованій, нежели ума и вкуса, каковы были: Томасъ, Рейналь, Дидеротъ и послѣ ихъ многіе другіе. Послѣднее и самое многочисленное отдѣленіе составляютъ плохіе или самые посредственныя сочинители въ стихахъ и въ прозѣ, наиболѣе отличающіеся надутостію, высокопарностію, пустословіемъ и безтолковостію. Сіе послѣднее качество имѣютъ почти всѣ новѣйшія произведенія, начиная съ половины настоящаго вѣка, откуда можно щитать порчу ума и вкуса, безпрерывно съ того времени понынѣ съ приращеніемъ продолжающуюся.

дѣлѣ, въ которомъ онъ по участію своему объявилъ себя совершеннымъ почитателемъ Сенеки и ученикомъ Дидерота, хотѣлъ въ пользу себѣ обратить сію укоризну Луцилія, заключающую въ себѣ какъ бы нѣкое противоположеніе тому, въ чемъ обыкновенно порицаютъ Сенеку, то есть кажется, что онъ винитъ его въ маломъ только тщаніи, между тѣмъ какъ всегда Сенекѣ въ порокъ ставили принужденіе въ слогѣ: но издатель по мнѣнію моему устранился отъ предлежащаго вопроса, послѣдуя въ томъ Дидероту, то есть подобно ему полагаетъ, что сужденія столь часто возобновлявшіяся въ разсужденіи слога и вкуса Сенеки должны относиться *къ Латинскому его языку*; но я охотнѣе повѣрю, что сіе произошло отъ ошибки; потому что въ случаѣ пристрастія можно ошибаться и безъ намѣренія. Впрочемъ во всемъ томъ, что Дидеротъ приводитъ изъ такъ называемыхъ имъ *хулителей* Сенеки, о которыхъ мнѣ извѣстно только по симъ его ссылкамъ, не болѣе между множествомъ другихъ сужденій находится одной строки о *Латинскомъ языкѣ*, гдѣ сказано только, что Сенека писалъ уже *нечистымъ языкомъ Латинскимъ*, и такъ какъ сіи слова отмѣчены особыми знаками, то изъ сего заключить должно, что они заимствованы отъ инуда. Поелику же Дидеротъ опровергаетъ всѣхъ вообще вдругъ по большой части безъ всякаго означенія, и какъ ни попало, не заботясь ни о порядкѣ, ни о точности; то я признаюся, что съ трудомъ

повѣрю, чтобы кто могъ употребить столь несообразное выраженіе и слить послѣднее время (*) Римской словесности, когда жилъ Сенека, съ сею гораздо позднѣйшею эпохою, которая названа *среднимъ вѣкомъ*, составлявшимъ дѣйствительно вѣкъ упадшаго уже *Латинскаго языка.* Какъ бы то ни было, но Дидеротъ и его издатель искусно воспользовались симъ справедливо или ложно приводимымъ мѣстомъ, чтобы приписать сію ошибку всѣмъ критикамъ Сенеки, хотя въ самой вещи и было ими только сказано сіе одно, что *Латинской языкъ* въ его время не былъ уже вообще столько чистъ, какъ во времена Августовы, въ чемъ согласны и всѣ филологи и искусные критики; кпому же сіе нимало не принадлежитъ и до вопроса. Такимъ образомъ они не упустили безъ всякой нужды повторить все то, что ни было въ наши времена говорено о совершенной для насъ невозможности судить о слогѣ Латинскихъ писателей, и я за излишнее почитаю повторять здѣсь слышанное уже вами въ предшедшихъ нашихъ занятіяхъ (**) о томъ, что принадлежитъ до силы сего утвержденія, гдѣ нногда и показалъ я, до какой степени должно оное простираться, и

(*) Смотри выше въ послѣднемъ прибавленіи, что сказано о разныхъ вѣкахъ Римской словесности.

(**) Смотри часть I. Главу III *о сравненіи Французскаго языка съ древними языками.*

сколь несмысленно или злонамѣренно разпространить оное хотѣли. Но здѣсь дѣло идетъ не о *Латинскомъ языкѣ*, о чемъ надлежало бы судить Квинтиліану, такъ какъ грамматику, но и онъ о семъ ничего не упоминаетъ: но впрочемъ мы во всякое время судить можемъ о слогѣ Сенеки, то есть о оборотѣ, какой онъ даетъ своимъ мыслямъ, о выраженіяхъ его и о выборѣ фигуръ, имъ употребляемыхъ, такъ что каждый просвѣщенный человѣкъ можетъ теперь даже примѣтить все, что у него находится принужденнаго, напянутаго, неосновательнаго, темнаго, запутаннаго и неестественнаго, и хотя сіе вездѣ и во всякомъ случаѣ за порокъ почитается, но у Сенеки болѣе или менѣе почти на каждой страницѣ то встрѣчается, и я не помню, чтобы когда либо въ жизни моей зналъ ученаго человѣка, которой бы въ томъ сомнѣвался. Хотя же Дидеротъ и его издатель возражаютъ, что мнѣніе сіе по сіе время не было еще подкрѣплено никакимъ доказательствомъ по всей вѣроятности для того, что еще не касалось почти до него никакого спора; но поелику судить о семъ собственно намъ предоставлено; то я въ удовольствіе ихъ и приведу здѣсь, естьли то надобно, такое множество примѣровъ, что вмѣсто доказательствъ скука послужитъ сильнѣйшимъ въ томъ убѣжденіемъ.

Но прежде должно отдать справедливость тому, что заключается у Сенеки хорошаго въ нравственныхъ и прочихъ его сочиненіяхъ, и я не имѣю надобности увѣрять

здѣсь, что я столько же къ сему сочинителю безпристрастенъ, какъ и ко всѣмъ древнимъ, о которыхъ говорить имѣлъ случай: вы въ концѣ сей статьи усмотрите, по чему хвалители Сенекины, которыхъ я опровергаю, не могутъ соблюсти подобнаго хладнокровія, и какимъ образомъ споръ о Сенекѣ былъ только предлогомъ и случаемъ совершенно личной ссоры и дѣломъ для нихъ, а не для меня пристрастнымъ.

Хотя нѣтъ почти такой страницы у Сенеки, на которой бы не находилось болѣе или менѣе грубыхъ погрѣшностей, а съ другой стороны всякая почти страница представляетъ такъ же что нибудь и глубокомысленнаго въ разсужденіи мысли, или оборота рѣчи: нравоученіе у него является нерѣдко въ благородномъ и величественномъ образѣ, каково оно долженствовало быть у Стоиковъ, въ которомъ тщится онъ внушить презрѣніе къ жизни и смерти, возвести человѣка выше чувственныхъ и тлѣнныхъ вещей, и добродѣтель превыше всего ставитъ, какъ-то видѣли уже мы у Сократа, Платона, Плутарха и у Цицерона въ различныхъ цвѣтахъ и оттѣнкахъ. Поученіе Сенекино (ибо не льзя сего назвать иначе, когда другіе разсуждаютъ, а онъ кажется поучающимъ) имѣетъ правда нѣкоторую силу, которой не достаетъ у другихъ: я говорю нѣкоторую силу; потому что ежели почитается превосходною и прямою силою та, которая болѣе имѣетъ вліянія и болѣе оказываетъ дѣйствія надъ нашимъ сердцемъ, то сила Сенекина навѣрно

не такова: пламень его изходитъ изъ головы, и поражаетъ только голову, не трогая сердца: его можно собственно назвать риторомъ Портика; напротивъ того нравственнаго витіи мѣсто между древними, какъ мнитъ осмѣливаюсь я по примѣру другихъ многихъ, долженъ занимать Цицеронъ, творецъ *Тускуланскихъ вопросовъ*, разсужденія *о должностяхъ и о существѣ боговъ;* и когда я буду сравнивать сихъ двухъ Латинскихъ сочинителей нравственныхъ твореній, то вы усмотрите въ иныхъ мѣстахъ одно и тоже основаніе въ правилахъ и въ предметѣ, но великую разность въ употребленіи доказательствъ и въ образѣ изложенія оныхъ; увидите вы, что послѣдователь Академіи болѣе имѣетъ истиннаго дѣйствія, нежели Стоикъ, потому что средства его существеннѣе; онъ больше пріобрѣтаетъ, поелику менѣе требуетъ; мудрецъ его есть человѣкъ, а Сенекинъ химера: сверхъ же сего можете вы еще примѣтить изъ всѣхъ сихъ различій естественное отношеніе между человѣкомъ и вещами, чѣмъ все прочее разрѣшается. Ученіе Стоиковъ и Сенеки сходствовали другъ съ другомъ; въ томъ и другомъ видѣнъ одинъ духъ, тоже разпространеніе, тоже напряженіе и излишество: объ одномъ можно сказать: кто хочетъ многаго, тотъ ничего не получаетъ; а о другомъ: кто слишкомъ доказать силится, тотъ ничего не докажетъ: въ выраженіяхъ у Сенеки, такъ какъ и въ правилахъ у Зинона, усматривается суровость, хвастливость и надменность, то есть каковъ по-

длинникъ, таковожъ и его изъяснение: но средства сiи несильны къ убѣжденiю людей, и хотя они возносятъ мысли, но досаждаютъ разсудку и не трогаютъ сердце. Приведемъ однако же нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя содержатъ въ себѣ возвышение безъ сухости и важность безъ излишняго напыщенiя.

„Такъ Луцилiй, нѣкiй священный духъ „присутствуетъ въ душахъ нашихъ: онъ „наблюдаетъ наши пороки, назираетъ наши „добрыя дѣла, и поступаетъ съ нами такъ „же, какъ мы съ нимъ поступаемъ. Нѣтъ „добраго человѣка, въ которомъ бы не „обиталъ Богъ: безъ его помощи какой „смертный вознесся бы выше щастiя? Отъ „него раждаются въ насъ великiя и твердыя „намѣренiя. Не вѣдаю какой, но обитаетъ нѣ„кiй Богъ въ сердцѣ каждаго добродѣтель„наго человѣка. Когда взору твоему пред„ставляется лѣсъ, изобилующiй старыми де„ревьями, коихъ верхи досязаютъ до небесъ, „и вѣтьви густотою своею скрываютъ не„бо отъ глазъ твоихъ; то сiя безмѣрная „высота, сiе глубокое молчанiе, сiя тѣнь, „непрерывно вдаль простирающаяся (*), то-

---

(*) У Лагранжа вмѣсто au loin prolongées et continueés, сказано: qui de loin forment continuité, т. е. *которыя издали составляютъ протяженiе*; но сiе со всѣмъ отнимаетъ красоту у сего мѣста. *Прилѣчанiе Лагарпа.*

„ликое множество признаковъ не вѣщаютъ ли „тебѣ о присутствіи нѣкоего Бога? Когда „надъ пещерою находящеюся въ скалѣ возно„сится высокая гора; то сія гора, неизмѣри„мая пустота, изрытая не руками человѣче„скими, а природою, не объемлетъ ли душу „твою священнымъ ужасомъ? Благоговѣютъ „къ истокамъ рѣкъ большихъ, воздвигаютъ „жертвенники внезапному изліянію рѣки „подземной, чтятъ источники теплыхъ „водъ цѣлительныхъ, содѣлались священными „нѣкоторыя озера по своей глубинѣ и мрач„ности, а ты не исполняешся удивленія (*), „встрѣчая человѣка неустрашимаго въ о„пасности, непричастнаго суетныхъ при„хотей, щастливаго въ превратности и „спокойнаго посреди бурей! Ты не вѣщаешь,

---

(*) У Лагранжа вмѣсто ne serait-pas penetrée, переведено ne serait-elle pas? т. е. *не исполняется ли* и проч. что совсѣмъ перемѣняетъ и изкажаетъ смыслъ. Переводчикъ не примѣтилъ, что въ предыдущихъ выраженіяхъ о чудесахъ природы вопрошенія имѣютъ равную силу съ утвержденіемъ; но здѣсь нѣтъ сего; потому что сочинитель отъ истинны, не подлежащей сумнѣнію переходитъ къ другой истинѣ, какъ къ слѣдствію ея, въ которой ему убѣдить хочется. Ежели бы Луцилій такъ же, какъ и онъ, въ томъ былъ удостовѣренъ, тогда бы сочинитель не имѣлъ нужды объяснять того. Есть много и другихъ погрѣшностей въ семъ переводѣ; но переводчикъ умеръ, оставя ихъ неисправленными. *Примѣчан. Лавара.*

„что въ немъ обрѣтается нѣчто столь ве-
„ликое и столь возвышенное, не могущее
„подобиться сему бренному тѣлу, которымъ
„оно облекается! Здѣсь ощущается ясно бо-
„жественный духъ: сія превосходная и то-
„лико къ добру разположенная душа, гну-
„шающаяся тлѣнныхъ благъ, яко недостой-
„ныхъ ея, презирающая наши желанія и
„наши страхи, несомнѣнно движется нѣ-
„кимъ божественнымъ мановеніемъ; а безъ
„помощи сего божества не могло бы стоять
„сіе изящное зданіе! Какъ лучи солнца касая-
„ся земли, не отдѣляются отъ свѣтлаго ша-
„ра, отъ коего они изходятъ, такъ чистая
„душа великаго человѣка, низліянная свыше,
„чтобы взору нашему ближе божество пред-
„ставить, обитаетъ съ нами, не уклоняясь
„отъ мѣста своего начала: она не отдѣляет-
„ся отъ него, созерцаетъ его, стремится
„къ нему, и яко существо изящное мгно-
„венно низходитъ на землю: въ чемъ же пре-
„изящное? въ томъ, что сіяетъ только
„собственнымъ блескомъ. Колико безумно
„есть хвалить въ человѣкѣ то, что ему
„чуждо; удивляться въ немъ тому, что
„мгновенно можетъ перейти къ другому!
„Золотая узда не придаетъ коню достоин-
„ства. Левъ съ заплетенною гривою, укро-
„щенный человѣкомъ и допускающій (*) гла-

(*) Лагранжъ вмѣсто au point de souffrir, весьма неприлично употребилъ: au point d'endurer, т. е. *до того, что терпитъ* и проч. что бы-

„дить и украшать себя, и левъ неизто-
„щенный неволею представляются въ раз-
„личныхъ видахъ на позорищѣ: послѣдній
„изъ нихъ по природѣ своей кипя яростію,
„вздымая величественно гриву, и гордяся
„ужасомъ, вселяемымъ собою, подобенъ
„ли сему разслабленному и унылому въ золо-
„томъ уборѣ четвероногому? Должно гор-
„диться только своими достоинствами! Ко-
„гда лозы виноградnаго дерева полны грозъ-
„довъ, когда даже подпоры гнутся подъ ихъ
„тяжестію; тогда удивляются ему и пред-
„почитаютъ его виноградному дереву, ежели
„бы оно имѣло и листья и плоды зо-
„лотые. По чему же? по тому, что главное
„достоинство виноградnаго дерева состоитъ
„въ его плодородіи. Такъ и въ человѣкѣ
„хвали только то, что ему принадлежитъ:
„имѣетъ ли онъ у себя пригожихъ невольъ-
„никовъ, великолѣпныя зданія, обильныя
„жатвы, большіе доходы; все сіе не въ немъ,
„но въ округѣ его находится. Щади похвалы
„свои для такихъ благъ, которыхъ ни по-
„хитить, ни даровать не можно, и которыя
„собственно принадлежатъ человѣку, како-

ваетъ только въ случаѣ непріятности, здѣсь же говорится только о томъ, что онъ допускаетъ. Слово souffrir заключаетъ въ себѣ то и другое значеніе; и такъ пріученный левъ сноситъ (souffre) ласки, ничего не терпя или не отражая отъ того (n'en souffre); но напротивъ того онъ принимаетъ ихъ оныя съ удовольствіемъ, такъ какъ и песъ. *Примѣчан. Лагарпа.*

„вы суть душа и мудрость въ ней оби-
„тающая.“

Я отважился сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ переводѣ, котораго пересмотрѣть не имѣлъ времени сочинитель; однакожъ сіе мое намѣреніе не можетъ, кажется, быть отнесено въ худую сторону; по той же самой причинѣ я выпустилъ двѣ или три строки изъ подлинника, чтобы не изказить сего отрывка и не уменьшить вашего удовольствія. Сенека говоритъ о мудрецѣ своемъ, что *онъ зритъ людей подъ собою, а боговъ на одномъ ряду съ собою:* первая половина сего выраженія высокомѣрна, а другая напыщена смѣшнымъ образомъ. На иномъ же мѣстѣ говоритъ: *онъ не для того оставляетъ небо, чтобы сойти съ онаго.* Сіе неясное и двусмысленное выраженіе произошло отъ ошибки переводчика, а надлежало бы сказать: „мудрецъ не для того „остявилъ небо, чтобы сойти съ онаго;“ что ясно доказывается сравненіемъ съ солнечными лучами, которое кажется мнѣ превосходнымъ, да и все сіе мѣсто наполнено сильныхъ и высокихъ мыслей. Я не вхожу въ разсмотрѣніе того, въ разговорахъ ли, или въ письмахъ употребляемому слогу сіе приличествуетъ, не только такъ же и словъ сочинителя, а имѣю въ виду содержаніе, которое совершенно есть витійственное. Ежели бы сочиненію сему дано было названіе *философическихъ писемъ*, тогда бы и сказать противъ того было нѣчего; по тому что такимъ письмамъ всякой слогъ приличенъ:

письма же Сенекины суть философическія, хотя и не такъ названы; но какое до того дѣло? И такъ сужденіе свое я не буду основывать на сей подлинной или мнимой приличности, а принимаю за хорошее все то, что дѣйствительно само по себѣ хорошо; но у Сенеки не найдется можетъ быть и трехъ такихъ мѣстъ, которыя бы стоили того, и хотя сочинено имъ сіе уже въ старости, и содержитъ высокія мысли, однакожъ не льзя было вамъ не примѣтить въ немъ несообразностей и того напыщенія, которое свойственно юношеству. Величественныя зрѣлища въ природѣ доказываютъ бытіе Божіе, но чествованіе озеръ и источниковъ относится къ суевѣрію; слѣдовательно чтобы дойти до истинны, не должно начинать съ заблужденія, и сіе было бы простительно только стихотворцу, въ которомъ по причинѣ хорошихъ стиховъ все кажется пристойнымъ; но отнюдь неприлично философу. Четыре сравненія, одно за другимъ такъ близко слѣдующія, составляютъ излишество, между тѣмъ какъ не достаетъ трехъ или четырехъ строкъ, которыя были бы нужны для объясненія отношеній между ими: ибо левъ дикой ли, или укрощенный самъ по себѣ совсѣмъ не можетъ быть изображеніемъ мудраго мужа: впрочемъ самая мысль справедлива, но для сего не надлежало оставлять оную безъ объясненія. Послѣднее сравненіе виноградная дерева содержитъ подобную же погрѣшность: надлежало сперва

положительнѣе изъяснить истинну, что всякая вещь изящна только по красотѣ ей свойственной; такъ равно и виноградное дерево съ золотыми плодами и листьями не есть прекрасное виноградное дерево, но изящное произведеніе искуства. Сія опредѣлительность и правильность въ разположеніи мыслей есть необходимо нужна, особливо въ предметахъ философическихъ, и сочинитель избѣгнулъ бы возраженія, представляющагося само собою, когда онъ говоря о плодовитомъ виноградномъ деревѣ, вдругъ и рѣшительно заключаетъ, что *его предпочитаютъ золотому виноградному дереву*; на сіе можно сказать ему, что это не превда; ибо за золотое виноградное дерево можно приобрѣсти тысячу десятинъ плодородныхъ виноградныхъ лозъ въ лучшемъ мѣстѣ.

Вотъ, сколько находится ошибокъ, не смотря на то, что я показалъ вамъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ Сенекѣ! И такъ я увѣренъ, что Луцилій, дѣлая ему свое замѣчаніе, *что письма его не съ довольнымъ тщаны раченіемъ*, не то разумѣлъ, что онъ писалъ ихъ нечистою Латинью, какъ-то весьма неосновательно думали, и не льзя сего сказать о Сенекѣ, какъ о такомъ писателѣ, который почитался изъ отличнѣйшихъ своего времени, но то, что онъ мало употреблялъ тщанія, которое во всякомъ случаѣ требуется, не изключая даже *писемъ*, коль скоро содержаніе ихъ касается до предметовъ важныхъ, то есть, что Сенека нимало не радѣлъ о связи, чистотѣ, ясности мыслей

и выраженій, и другъ его въ общихъ словахъ заключилъ свое сужденіе. Впрочемъ древніе и новѣйшіе читатели вникнули и убѣдилися въ справедливости сего, и они въ томъ правы, или по крайней мѣрѣ не притворялися какъ бы не понимающими того по примѣру объявившихъ себя защитниками Сенеки.

И такъ отрывокъ сей вообще есть не иное что, какъ великолѣпное разпространеніе ритора, въ которомъ просіяваютъ дарованія, а иногда и необыкновенныя замашки. Таковыя сочиненія и множество острыхъ разбросанныхъ изрѣченій и мыслей, коими Сенека изобилуетъ, обыкновенно болѣе приносятъ удовольствія, когда читаются отрывками, нежели сряду, особливо въ философскихъ матеріяхъ и чрезъ сравненіе съ такимъ писателемъ, каковъ былъ Цицеронъ, который за правило себѣ поставилъ наблюдать приличіе въ каждомъ предметѣ, союзъ въ мысляхъ и разнообразіе въ слогѣ. Здѣсь сужденію нашему не предлежитъ болѣе родъ витійственный, гдѣ я увѣренъ былъ въ томъ, что коль скоро разкрою книгу, то и возбудитъ въ васъ удивленіе всякое такое мѣсто, коего силу и прелесть каждый тотчасъ почувствовать можетъ; здѣсь же напротивъ того требуется дѣйствіе разсудка: но впрочемъ довольно быть предварену, чтобы тѣмъ удобнѣе можно было примѣтить существенное преимущество усовершившагося писателя, который единственно тщится о достоинствѣ, свойственномъ каждому предмету, и въ

томъ всегда успѣваетъ. Отрывокъ, который я предложить намѣренъ, имѣетъ великое сходство съ Сенекинымъ, поелику Цицеронъ имѣетъ также, какъ и Сенека, въ предметѣ своемъ то, чтобы доказать, что душа наша заключаетъ въ себѣ божественное начало; но онъ разсуждаетъ объ ней со стороны познаній и изобрѣтеній; въ доказательствахъ его соединяются, по мнѣнію моему, философія съ краснорѣчіемъ, не вредя другъ другу, и въ приличныхъ одно къ другому отношеніяхъ.

„Какая же находится въ насъ сила, ко„торая изслѣдываетъ сокровенное, изобрѣ„таетъ и изыскиваетъ? Можете ли вы „повѣрить, чтобы она сотворена была изъ „бренія, и есть не иное что, какъ вещество „смертное и тлѣнное? Что вы мыслите „о томъ, кто первый далъ каждой вещи „наименованіе, что Пиѳагоръ почитаетъ „дѣломъ великой мудрости? кто соеди„нилъ разсѣянныхъ людей, и научилъ ихъ „жить въ обществѣ? кто небольшимъ „числомъ буквъ означилъ различныя въ го„лосѣ измѣненія (*), которыя должны бы „быть неизчислимы? кто примѣтилъ те„ченіе и возвратъ звѣздъ и ихъ предназна„ченіе? Всѣ они были несомнѣнно великіе „люди; велики равномѣрно были и тѣ;

(*) Цицеронъ справедливо называетъ изобрѣтеніе буквъ однимъ изъ чудесъ ума человѣческаго.

„которые изобрѣли земледѣліе, одежду,
„обиталища орудія для работъ нуж-
„ныя, и средства служащія къ оборонѣ отъ
„дикихъ звѣрей. Сею-то стезею образуясь
„человѣкъ, дошелъ отъ искуствъ необходи-
„мо нужныхъ до искуствъ приносящихъ удо-
„вольствіе и къ вышшимъ наукамъ; достигъ
„даже до искуства восхищать слухъ нашъ
„согласованіемъ, подборомъ и разнообразіемъ
„звуковъ, а зрѣніе научилося наблюдать
„звѣзды, которыя называются неподвиж-
„ными, такъ и тѣ, которыя извѣстны подъ
„именемъ блудящихъ, въ самомъ же суще-
„ствѣ нимало не блудятъ. Но человѣкъ,
„который умѣлъ измѣрить правильное ихъ
„обращеніе, явилъ тѣмъ, что умъ его долженъ
„быть такого же существа, каково есть су-
„щество зиждителя сотворившаго его.

„И когда Архимедъ въ кругахъ сферы за-
„ключилъ солнце, луну и звѣзды, не тоже ли
„самое онъ сдѣлалъ, что и верховный худож-
„никъ у Тимея Платонова, который разполо-
„жилъ тѣла небесныя въ единообразномъ все-
„гда обращеніи по соразмѣрности ускорен-
„наго однихъ и медленнаго другихъ теченія?
„А когда порядокъ сей не могъ существо-
„вать въ мірѣ безъ Бога, то и Архимедъ не
„могъ бы подражать тому въ своей иску-
„ственной сферѣ, ежели бы не былъ одаренъ
„умомъ отъ Бога. Сія способность произ-
„водящая толико и столь великія дѣла не-
„сомнѣнно есть божественная. Что же ска-
„зать о памяти, которая все сохраняетъ въ

„себѣ, и о разумѣ, который все изобрѣтаетъ? „Я даже утверждать дерзаю, что и въ са„момъ Богѣ нѣтъ ничего превосходнѣе сея „силы. Не думаете ли вы, что блаженство „божества составляютъ нектаръ и амвро„сія, подносимыя Гебеею на Олимпѣ? Нѣтъ: „это вымыслъ Омира, который преносилъ „на небо, что свойственно человѣку; а мнѣ „казалось бы лучше отнести то къ человѣку, „что свойственно небожителямъ. Чтожъ „составляютъ истинно божественное свой„ство? дѣйствіе, умъ, мысль и память: „сіи суть качества, душѣ принадлежащія: „слѣдовательно она есть божественна; и ко„гда бы я смѣлъ употребить стихотворче„ское выраженіе, какъ Еврипидъ, я бы ска„залъ, что душа есть нѣкое божество.“

Признаюся, что я всегда сей родъ философическихъ разсужденій и такія произведенія буду предпочитать Сенекинымъ: и такъ оставимъ безъ разсмотрѣнія конецъ сего сочиненія, гдѣ оно превышаетъ сравненіе, не имѣетъ ниединаго не остатка, и вкусъ разточилъ и прилично употребилъ украшенія, изобрѣтенныя воображеніемъ: хотя оно не такъ обширно; однакожъ какое множество содержитъ въ себѣ вещей въ разсужденіи сочиненія Сенеки, у коего одна мысль повторяется и является въ разныхъ сравненіяхъ больше или менѣе неосновательныхъ; напротивъ того у Цицерона нѣтъ оборота рѣчи, гдѣ бы новая мысль не относилась къ предыдущему выраженію, и

новое доказательство не подкрѣпляло его предложенія, а сей постепенный ходъ мыслей, чего не достаетъ у Сенеки, составляетъ еще новое достоинство, которое также и въ краснорѣчіи къ числу отличій относится.

Теперь хотите ли вы посмотрѣть, какъ Сенека съ самимъ собою согласуется, и имѣть понятіе о его логикѣ и метафизикѣ? *Письмо*, которое я приведу здѣсь, докажетъ вамъ, сколько онъ и въ семъ родѣ имѣлъ недостатковъ. Ежели то, что вы слышали отъ него о семъ божествѣ, въ насъ обитающемъ, есть не риторическій опытъ, заключающій мысли Платоновы; то полагать надобно, что сочинитель и самъ не понималъ того, что писалъ; и хотя онъ вникнулъ въ нравоученіе, которое всякому удобопонятно, но не былъ свѣдущъ даже въ началахъ философіи.

Вамъ извѣстно, что слѣдуя правиламъ Зинона, онъ признавалъ *благомъ* въ собственномъ значеніи сего слова только добродѣтель. Луцилій вопрошаетъ его, можно ли *благомъ* почитать тѣло? Онъ отвѣчаетъ на сіе: (но я долженъ предварить васъ, что выписка сія покажется вамъ нѣсколько длинна; ибо ничто не можетъ столько наскучить, какъ нелѣпое умствованіе; однако же должно послушать въ связи, какъ философъ нашъ разсуждаетъ, чтобы можно было познать цѣну его діалектики и похвалы его превозносителей: это стоитъ того, чтобы посвятить на сіе нѣсколько минутъ.)

„Безъ сомнѣнія *благо* заключается въ „тѣлѣ, для того, что оно дѣйствуетъ (*), „а то, что дѣйствуетъ, есть тѣлесно. „*Благо* дѣйствуетъ на душу, и даетъ сему „образованіе; слѣдовательно оно такъ ска- „зать есть форма ея; дѣйствія же сіи свой- „ственны только тѣлу. Впрочемъ не есть „ли тѣлесно всякое благо, къ тому от- „носящееся? а слѣдовательно и всякое благо „къ душѣ относящееся также есть тѣлесно; „поелику душа сама по себѣ есть существо „тѣлесное.... Я не думаю, чтобы ты су- „мнѣвался въ томъ, что и страсти суть „тѣла, напримѣръ гнѣвъ, любовь, печаль. „Ежели же ты сумнѣваешся въ семъ, то „предспавь себѣ, до какой степени отъ „нихъ измѣняется лице, морщится чело, „обнаруживаются черты, выступаетъ крас- „ка, и обращается кровь къ сердцу. Не „думаешь ли ты, что безтѣлесная причина „можетъ изображать сіи тѣлесные призна-

---

(*) Всякъ имѣющій хотя малое познаніе въ метафизикѣ, примѣтитъ здѣсь нелѣпость, которою доказывается другая нелѣпость. *Дѣйствіе* само по себѣ есть непринужденное движеніе, въ которомъ предполагается воля дѣлать что либо, и сіе дѣйствіе принадлежитъ собственно умствующей способности, и не можетъ присвоено быпь вещеспву, не имѣющему способности ни мыслить, ни хотѣть, коего движеніе во всѣхъ случаяхъ бываетъ только механическое. По сему самому Платонъ постигнувъ сіе, присвоилъ міру *душу*; поелику едина душа дѣйствуетъ.

Примѣч. Лагарп.

„ки? А ежели страсти суть тѣлесны, то „таковы же должны быть и скорби душев- „ныя, каковы суть скупость, жестокость „и вообще всѣ закоренѣлые и неизлѣчимые „пороки. И такъ тоже самое можно ска- „зать о развращеніи и о всѣхъ его порож- „деніяхъ, какъ-то о злонравіи, зависти и „гордости: слѣдовательно и всякое *благо* „есть такого же свойства, во первыхъ по „тому, что противно всякому злу, и во „вторыхъ для того, что извнѣ являетъ тѣ „же признаки. Не видишь ли ты, какой „огонь придаетъ очамъ бодрость, какъ вни- „мательны взоры у благоразумія, какую „скромность и тихость имѣетъ почтеніе, „съ какимъ спокойствомъ взираетъ радость, „какую суровость являетъ строгость, и ка- „кая непринужденность у веселія? А изъ сего „слѣдуетъ, что всѣ сіи добродѣтели суть „тѣла, когда производятъ такую перемѣну „въ цвѣтѣ и положеніи тѣлъ, и имѣютъ „надъ ними столь неограниченную власть. „И такъ каждая изъ добродѣтелей, о коихъ „я упомянулъ, и всѣ дѣйствія чрезъ нихъ „совершаемыя составляютъ *благо*, и не мо- „гли бы въ тѣлахъ дѣлать перемѣны безъ „прикосновенія; поелику же все то, что „можетъ прикасаться, какъ говоритъ, Лукре- „цій, есть тѣло; то и добродѣтели сіи суть „тѣла. Простремся далѣе: что имѣетъ си- „лу стремить, нудить, удерживать и по- „велѣвать, есть тѣлесно; а страхъ не удер- „живаетъ ли? не нудитъ ли отважность? „не придаетъ ли бодрости и стремленія

„мужество? не почитается ли скромность „уздою воздерживающею насъ? не возхи„щаетъ ли радость, и печаль не удручаетъ „ли? Словомъ мы дѣйствуемъ единственно „по внушеніямъ развращенія или добродѣте„ли: что же повѣлеваетъ тѣлу, есть также „тѣло: *благо* тѣла есть тѣлесно, такъ какъ „и благо человѣка есть *благо* тѣла: слѣдова„тельно *благо* есть тѣлесно.“

Нелѣпица сія еще смѣшнѣе становится отъ ея разсказа, свойственнаго школьнымъ учителямъ, и я не нахожу, чѣмъ бы можно было извинить такое сборище сумасбродства. Хотя же Дидеротъ упоминаетъ о семъ письмѣ въ общемъ своемъ сужденіи; но онъ только ограничился показаніемъ его содержанія, *что добродѣтели суть тѣлесны*, и присовокупилъ къ тому, что *о словахъ спорить безполезно:* но когда бы нашелъ онъ что нибудь подобное у Цицерона, тогда чего бы не сказалъ онъ? И такъ что намъ сказать о такомъ философѣ, которой разсужденіе, *что душа есть тѣлесна*, почитаетъ только *пустымъ о словахъ преніемъ?* Но это одну еще составляетъ изъ странностей, которыми сія непонятная статья наполнена. Можетъ быть скажутъ, что Сенека послѣдовалъ только въ семъ случаѣ ученію Стоиковъ. Правда хотя онъ въ письмахъ своихъ защищаетъ многія ихъ весьма странныя правила, но при томъ и признаётся, что онъ не во всемъ слѣдовалъ мнѣніямъ своей секты, и держася своихъ мыслей, не можетъ быть согласенъ

въ томъ, что другимъ сказано; да и самъ Дидеротъ выдаетъ его за сущаго самоумствователя (eclectïque.) Не въ одномъ мѣстѣ Сенека съ презрѣніемъ отвергая нѣкоторыя умствованія Стоиковъ, допускаетъ съ своей стороны такія, которыя сами по себѣ совершенно противны здравому смыслу, какъ на примѣръ, *что всѣ проступки и всѣ добродѣтели суть одинаковы.* Слѣдовательно не льзя къ сектѣ его отнести всѣ тѣ глупости, которыя онъ здѣсь отъ себя излагаетъ, (это очень прилично назвать глупостію, да и совмѣстно ли съ разсудкомъ скромничать въ словахъ, когда дѣла столько отвратительны). И такъ нелѣпости сіи ему принадлежатъ; онъ за нихъ и отвѣчать долженъ. Но какъ человѣку, читавшему Платона, Аристотеля, Цицерона и многихъ другихъ философовъ о невещественности души, можно простить то, что онъ не вникнулъ въ силу ихъ доводовъ и въ силу внутренняго убѣжденія, пріемлемаго даже въ философіи за доказательство, и наконецъ въ силу врожденнаго всѣмъ людямъ впечатлѣнія, которое, какъ Цицеронъ весьма хорошо говоритъ, въ семъ случаѣ почитается *за законъ естественный* (*)? Вы уже

(*) Consensus omnium lex naturae putanda est. Цицеронъ сдѣлалъ сіе положеніе въ разсужденіи боговѣрія, безсмертія души и познаній всеобщаго нравоученія, то есть такихъ истинъ, въ которыхъ всѣ люди природою внутренне убѣждены; потому что они всѣмъ людямъ нужны. Матеріалисты и безбожники затруд-

слышали, какъ судитъ о семъ Платонъ, и также Цицеронъ изъясняяся, тоже самое утверждаетъ. Аристотель хотя судитъ о семъ предметѣ отвлеченнѣе, однакоже отнюдь не льзя его подозрѣвать въ томъ что онъ придерживался матеріализма: ибо признавъ четыре общія начала, которыя суть не иное что, какъ наши четыре стихіи, и слѣдовательно всѣ состоятъ изъ вещества, онъ именно утверждаетъ, что человѣческая душа не имѣетъ съ ними ничего общаго, но есть особое существо, коего свойство состоитъ въ непринужденномъ и безпрерывномъ

няясь сколько непреоборимостію, столькожъ и существенностію сего положенія, не упустили сказать въ возраженіе, что физика древнихъ вообще наполнена различными несообразностями. Но они чрезъ сіе средство хотѣли только устранишься отъ предлежащаго вопроса, чѣмъ однакожъ невѣждъ только можно привести въ заблужденіе. Для рода человѣческаго весьма то маловажно, солнце или земля находится въ средоточіи нашей планешной системы, и вообще всѣ вопросы сего рода маловажны для общественнаго благоустройства. Что же касается до обязанностей и до предназначенія человѣка, то совсѣмъ другая въ томъ заключается важность: и такъ нельзя сравнивать вещи столь различныя между собою, не преступивъ правила въ разсужденіи сходства понятій, на которомъ вся логика основывается, и сіе составляетъ грубое лжемудрствованіе, доказывающее не иное что, какъ невозможность отвѣдствовать.

Прим: Лагарпа.

движеніи, что онъ называетъ *энтелехіа* (*). Даже Пиѳагоръ, держася совсѣмъ другаго отвлеченія въ таинственномъ своемъ ученіи о числахъ, говоритъ, что душа въ насъ есть тоже, что гармонія въ мусикійскомъ орудіи и ясное изображеніе звуковъ, мѣры и движенія. Но здѣсь ненужно входить въ разсмотрѣніе самыхъ опредѣленій, а довольно сказать, что изъ всего того нѣтъ ничего такого, что означало бы вещественность, изъ чего имѣемъ мы право заключить, что всѣ даже самые знаменитѣйшіе философы чувствовали, что духъ и вещество, душа и тѣло суть два по необходимости разнородныя существа, и Сенека жившій несравненно позже ихъ не имѣлъ даже столько осмотрительности, чтобы воспользоваться симъ повсюду распространеннымъ свѣтомъ, и потому занимаетъ онъ мѣсто гораздо нижшее послѣ нихъ.

Хвалители Сенекины тщетно противуполагать бы намъ стали въ пользу его нѣкоторыхъ физиковъ и нѣкоторыхъ ученыхъ людей нынѣшняго времени, которые были дѣйствительно, или только почитались матеріалистами: ихъ услуги, которыя можетъ быть они оказали въ наукахъ, совсѣмъ не относятся къ тому, какое они имѣли мнѣніе о семъ предметѣ, и нимало не оправдываютъ Сенеку; и для того онъ не можетъ раздѣ-

(*) Въ разсужденіи знаменованія сего слова философы несогласны: оно по мнѣнію ихъ значитъ существенный образецъ, составляющій вещество въ своемъ родѣ, который движетъ его къ цѣли приличной его составленію.

лять сѣ нимини дарованій ихъ, ни славы, бывъ только участникомъ въ заблужденіи, и никогда и ни къ чему не споспѣшествовавшемъ. Между сочиненіями о матеріализмѣ или безбожіи, возникшими въ наше время, едва ли находится одно такое сочиненіе, которое бы доставило похвалу своему сочинителю, или отличіе между учеными; ежели же книги сего рода и были читаемы, и искали ихъ, то по тому только, что они были дерзки и были запрещены, а не для того, чтобы хороши были, такъ что нѣтъ ниодной изъ нихъ, которая бы имѣла творцемъ какого нибудь славнаго въ наукахъ мужа, какъ-то великаго геометра, великаго физика, великаго астронома, или великаго химика и проч. Что же касается до Сенеки, то онъ не имѣлъ ниодного изъ сихъ достоинствъ, и даже ничего такого, въ чемъ бы хотя нѣсколько къ тому приближился, и писалъ только о нравоученіи, (изключая его *вопросы естественные*, о чемъ вскорѣ за симъ будетъ упомянуто). Но поелику первыя основанія нравоученія у него относятся до метафизики и логики, то по симъ двумъ отношеніямъ не неприлично коснуться нѣсколько разсмотрѣніемъ того, по крайней мѣрѣ столько же, сколько у него о семъ сказано; впрочемъ науки сіи у него очень немного занимаютъ мѣста, и желательнобы, какъ уже вы видѣли тому причину, чтобы они еще были сокращеннѣе.

Я совершенно понимаю Сократа, Платона и Цицерона, когда говорятъ они, что

душа человѣческая, изтекшая отъ Божества и сотворенная съ тѣмъ, дабы съ нимъ соединиться, должна единственнымъ своимъ благомъ и единственною цѣлію своею почитать истинну и добродѣтель, коихъ начало и образецъ обрѣтается въ самомъ Богѣ, а первыя о нихъ понятія содержатся въ нашемъ разумѣ: тутъ я усматриваю связь въ мысляхъ, намѣреніе и цѣль. Но когда Сенека, сказавъ мнѣ, что *душа есть тѣло, что добродѣтели суть тѣла, и верховное благо есть также тѣло*, разпространяется въ томъ, чтобы повторить мнѣ многоразличнымъ образомъ, что надлежитъ единственно уважать *честность, добродѣтель и верховное благо*, и имѣть совершенное презрѣніе къ *тѣлу*, почитать его за ничто, не заботиться даже, чтобы оно имѣло хлѣбъ и воду, *которыя столь же мало для него нужны, какъ и все прочее* (это его слова); то признаюся, что я не могу даже помыслить, по нему такъ мало долженъ я обращать вниманія къ своему *тѣлу* и столь много уважать *добродѣтель*, когда и она такъ же есть *тѣло*; а въ семъ случаѣ *честность, добродѣтель, верховное благо, вещество, тѣло, чувства* составляютъ все одно и тоже, и тогда равномѣрно все подлежитъ раздѣленію частей, а слѣдовательно и смерти, и Сенекѣ безъ сомнѣнія извѣстно было общепринятое всѣми мнѣніе, даже древними, что все тѣлесное есть тлѣнно и смертно. Для чего же мнѣ болѣе пещися о душѣ моей, нежели о мо-

емъ тѣлѣ, когда они одного свойства? и что тогда значитъ *честность и добродѣтель*, которыхъ тѣло мое конечно не знаетъ, ниже понимаетъ, а напротивъ того очень извѣстно ему ощущеніе удовольствія и боли?

Но положимъ, что сія смѣсь несообразностей имѣетъ свое начало отъ Портика, который дѣйствительно съ Зиноном ъ утверждалъ, что душа имѣетъ свойство огня, anima est ignis; однакожъ всѣ доводы и доказательства Сенекины о тѣлесностидуши принадлежатъ ему собственно, и составляютъ произведеніе совершеннаго безсмыслія. Какой философъ, особливо послѣ Аристотеля, могъ ошибаться до того, чтобы почитать *добродѣтели* существами, но тѣлесными, но безтѣлесными, которыя суть ни то, ни другое? За четыреста лѣтъ еще Аристотель различилъ *существа* и *изивѣтія*, *подлежащее* и его *свойства*; хотя же онъ и призавалъ *качества* и *отвлеченія*, но по крайней мѣрѣ въ заключеніяхъ, такъ какъ существа воображательныя или умственныя, не смѣшивалъ никогда съ существами дѣйствительными. Какой же это умствователь, который вопрошая у себя, суть ли тѣла *благо* и *добродѣтель*, отвѣчаетъ самъ же: точно такъ? Но какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ равно противны здравому смыслу, и доказываютъ въ такой степени невѣжество, которое не можетъ быть простительно для Сенеки, такъ же какъ хотятъ извинить и нелѣпую его физику малыми успѣхами, каковые наука сія имѣла;

о которой и упоминать здѣсь не нужно: но человѣкъ, написавшій двѣ предыдущія страницы, весьма далеко отсталъ въ метафизикѣ и логикѣ его времени, такъ что послѣдній ученикъ былъ бы въ состояніи оспорить по категоріямъ Аристотеля, что *бѣлизна* снѣга и *запахъ* розы не суть тѣла, такъ же точно какъ *благо* и *добродѣтель* не суть ни существа какія либо, ни *тѣла* въ *душѣ* нашей, хотя бы она была и *тѣлесна*: ученикъ, говорю, держася школьнаго языка своего, отличилъ бы понятіе *совокупленное* (concret) отъ понятія *отвлеченнаго*, и его всякъ бы понялъ и тогда, ежели бы онъ сказалъ, что добродѣтель есть не иное что, какъ существо добродѣтельное, умомъ созерцаемое подъ видомъ качества, именуемаго добродѣтель; что не существуетъ такого *тѣла* или *души*, которыя назывались бы *добродѣтель*, *честность*, *благо*, равно нѣтъ и такого существа, которое бы называлось *бѣлизна* и *запахъ*: даже ненужно было бы искать сего въ сочиненіяхъ у Аристотеля: ибо вся почти сія теорія содержится въ сочиненіяхъ у Цицерона. Напротивъ того теорія, которая изъ храбрости дѣлаетъ *тѣло*, потому что она движетъ (какъ будто бы метафора можетъ замѣнять собственное выраженіе), все сіе длинное сцѣпленіе ребяческихъ лжеумствованій, гдѣ на каждой строкѣ представляется неприличное употребленіе словъ и незнаніе вещей, принадлежитъ собственно Сенекѣ, и мнѣ у древнихъ ничего подобнаго чинить не случалось.

Не смотря однакоже на сіе, издатель Лагранжа и Дидерота говоритъ: что „Се„нека одинъ обильнѣе въ познаніяхъ и со„браженіяхъ и глубокомысленнѣе, нежели „Платонъ и Цицеронъ въ совокупности, еже„ли разобрать ихъ; что у него на пяти или „шести страницахъ болѣе находится су„щественной остроты, нежели на сѣ страни„цахъ у сихъ сочинителей.„ Всякъ въ томъ согласится, что похвала сія не малозначуща; но она не иное что есть, какъ извлеченіе изъ Дидеротова толкованія, котораго для опроверженія и буду я приводить, гдѣ только нужда того потребуетъ; а теперь могу показать подлинную цѣну, то есть ничтожность сихъ главныхъ, сколько напыщенныхъ, стольже и произвольныхъ гипербол, которыхъ ни издатель, ни самъ Дидеротъ не подкрѣпили никакимъ доказательствомъ; но я съ своей стороны не почитаю себя въ правѣ опредѣлять что либо рѣшительно, какъ они, и не превыкши ничего утверждать безъ доказательствъ, буду на самыхъ дѣлахъ основывать свое сужденіе.

Платонъ разсуждая о всѣхъ частяхъ философіи, включилъ въ оную даже политику и законодательство, которыя хотя и могутъ входить въ составъ метафизики и нравоученія чрезъ распространеніе заключеній; но они имѣютъ такъ же союзъ и съ физикою въ томъ, что должны необходимо руководствоваться опытностію, и слѣдовательно суть науки опытныя. Однакожъ сіе непрепятствовало ему посвятить въ раз-

сужденіяхъ своихъ о *республикѣ* основательныя и полезныя замѣчанія и обнаружитъ столько *познаній*, что Ѳиваяне и Аркадскіе жители просили начертать имъ законы по примѣру того, какъ учредилъ оные Ликургъ для Лакедемонянъ и Залевкъ для Локрійцевъ Платонъ отвѣчалъ имъ на сіе, что они слишкомъ щастливы, что почитаютъ нужною перемѣну въ правленіи своемъ, и слишкомъ богаты, а потому и не можно сдѣлать у нихъ уравненіе въ имуществѣ. Платону по видимому неизвѣстна была сія тайна, что самое изящное произведеніе философіи и политики состоитъ въ томъ, чтобы пожертвовать цѣлымъ народомъ для вселенной и цѣлымъ племенемъ для потомства; и сіе доказываетъ единственно то, что онъ не досягалъ только до нашего *высокоумія*, а не то, чтобы онъ не стяжалъ славнаго имени политика и законодателя; напротивъ того Сенека нисколько не писалъ о сихъ предметахъ, слѣдовательно и не былъ въ нихъ превосходнѣе Платона ни познаніями, ни соображеніемъ и ниже глубокомысліемъ. Превосходнѣе ли онъ Платона такъ же и въ метафизикѣ? но въ сочиненіяхъ его весьма мало содержится метафизическаго, а ежели что и есть; то являетъ совершенное его въ ней невѣжество. Или превзошелъ онъ Платона въ общей физикѣ? Правда въ физикѣ Платоновой находится много несообразнаго, но тотъ же издатель и въ томъ же мѣстѣ говоритъ не безъ основанія, что тѣ изъ древнихъ, которые хотя и ошибались, но обратили

на себя любопытство изобрѣтеніемъ остроумныхъ и высокихъ истинъ; не заслуживаютъ презрѣнія, а напротивъ того весьма достойны благодарности отъ послѣдующихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ за то, что предохранили ихъ отъ многихъ заблужденій: впрочемъ не льзя отъ физики Платоновой совсѣмъ отнять достоинства, и отличившіеся въ сихъ предметахъ люди, чего я не смѣю себѣ присвоить, увѣряютъ, что Платонъ имѣлъ въ математикѣ по тогдашнему времени весьма превосходныя познанія, судя по нѣкоторымъ очень удачнымъ мыслямъ, и между прочимъ о тяготѣніи, которое притягиваетъ небесныя тѣла къ средоточію, между тѣмъ, какъ круговое движеніе отъ онаго удаляетъ (*): мысль сія конечно весьма далека отъ тяготѣнія изчисленнаго Невтономъ, однакоже она основательна, обширна, и столько понравилась Цицерону, что онъ помѣстилъ ее въ своихъ сочиненіяхъ. Въ метафизикѣ же Платонъ имѣлъ сколь великія, столь же и новыя понятія, изъ коихъ я нѣкоторую только часть означилъ, держася въ томъ общепринятаго мнѣнія: но одинъ изъ ученыхъ и весьма отличнѣйшихъ профессоровъ философіи въ Германіи, гдѣ она давно уже водворилась,

---

(*) Тоже, что послѣ названо силою центростремительною и силою центробѣжательною, и сіе означено такъ же у Платона, и повторено въ Тускуланскихъ вопросахъ.

а именно Г. Тидеманъ (*), коему мы одолжены самымъ лучшимъ изполкованіемъ, каковыя понынѣ имѣемъ о всѣхъ твореніяхъ Платона, принялъ на себя трудъ показать всѣ важнѣйшія познанія въ метафизикѣ, которыя Платонъ постигъ первый, и новѣйшими приняты и больше изслѣдованы; и почитавъ оныхъ довольно великое число, отдаетъ ему полную справедливость, не какъ пристрастный толкователь, но съ разборчивостію искуснаго въ сихъ предметахъ судіи, весьма хорошо объясняя, въ чемъ Платонъ ошибался.

Изъ сочиненій его извѣстна намъ философія Пивагорова, которою онъ болѣе самъ руководствовался, а съ нашей стороны она не обращаетъ никакого на себя вниманія; однакожъ яко предметъ любопытный входитъ она со многими другими въ статью познаній, которыхъ въ Сенекѣ весьма мало или совсѣмъ слѣдовъ не находится: словомъ сказать, я на сторонѣ его вижу только его *вопросы естественные*, о которыхъ, по малоизвѣстности ихъ какъ у древнихъ, такъ и у новѣйшихъ писателей, можетъ быть не льзя бы и воображать было, чтобы они

(**) Смотри послѣднее изданіе Платона, напечатанное въ Цвейбрикенъ 12 том. въ 8 долю 1781 года, изъ коихъ въ послѣднемъ содержится сокращеніе Платоновой философіи, писанное на Аглинскомъ языкѣ, и оставляетъ изящное произведеніе Г. Гидмана, которой былъ еще живъ, когда книга сія выходила.

могли имѣть мѣсто на ряду съ прочими извѣстными его сочиненіями: почему въ особливомъ предувѣдомленіи, помѣщенномъ въ началѣ оныхъ, издателю разсудилось сею сокровенною драгоцѣнностію возвеличить славу Сенеки, для чего стоило ему только прибѣгнуть къ обыкновенному его средству, то есть вмѣсто доказательства употребить неимовѣрную гиперболу, какъ совершенно дознанную истинну. И такъ въ ономъ предувѣдомленіи Сенека, яко естествоиспытатель, поставленъ (кажется въ первый разъ) наряду съ Аристотелемъ и Плиніемъ. Но вамъ извѣстно, какое Бюффонъ изъявилъ уваженіе къ *разсужденію о животныхъ*, и сія похвала оправданная одобреніемъ древнихъ пріобрѣтаетъ новую силу со стороны столь знающаго судіи: словомъ твореніе Плиніево, уже столь давно славившееся, даже въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, было столь богатымъ, любопытнымъ и украшеннымъ собраніемъ, и столь драгоцѣннымъ хранилищемъ древнихъ открытій во многихъ и разныхъ нукахъ, что почти не имѣло нужды въ свидѣтельствѣ Бюффона, когда бы не послужило то къ собственной его чести, что онъ отдалъ справедливость толико знаменитому въ древности писателю въ естественной исторіи. Напротивъ того *вопросы* Сенекины доказываютъ только то, что онъ имѣлъ познаніе о томъ, что въ его время было извѣстно о физикѣ, что самое можно сказать о Плутархѣ и Цицеронѣ, хотя имъ сіе

никогда не вмѣнялось въ особливое достоинсіпво. Но поставить Сенеку съ *вопросами* его на ряду съ Плиніемъ и Аристотелемъ, это такого роду смѣлость, или лучше сказать безразсудность, которая ежели не кажется теперь странною то по тому единственно, что и прежде сего много случалось подобнаго; но мнѣ оная представляется въ такомъ же видѣ, какъ ежели бы кто, указывая на самаго малорослаго человѣка, стоящаго между двумя великанами, сказалъ, это три великана!

Издателю недовольно показалось выказать Сенеку, но желая освятить имя его, онъ разсудилъ помѣстить его между великими именами; и для сего призываетъ въ помощь Бакона и Лукреція. Но какъ зашелъ тутъ Лукрецій, который занимать долженъ мѣсто между стихотворцами? Издатель возвѣщаетъ намъ, что *не всякъ можетъ ошибаться, какъ Аристотель, Плиній, Лукрецій и Сенека*; и сіе касается до физики! Я очень согласенъ съ нимъ въ разсужденіи первыхъ двухъ; въ разсужденіи же третьяго развѣ только въ такомъ разумѣ что *не всякъ способенъ* иногда весьма изящное стихотвореніе соединять съ философіею, всегда больше или менше плохою; но въ Лукреціи не находится собственной его философіи, и я не вижу даже, какія бы новѣйшимъ *оставалось изобрѣтать заблужденія* послѣ Эпикура и Лукреція; потому что доселѣ еще тѣже самые употребляются всѣ доводы и у безбожниковъ нынѣшняго времени,

Что жъ принадлежитъ до Бакона, то на поприщѣ философіи повсюду я усматриваю ходъ сего наблюдательнаго и проницательнаго генія, и примѣчаю, что въ искусные физики съ благоговѣніемъ чтятъ слѣды сіи, озаривше оставленную стезю, по которой опытность ведетъ къ истинѣ, и сколь я ни малосвѣдущъ, но въ сочиненіяхъ его нахожу множество сильныхъ, образцовыхъ и глубокихъ мыслей; о Сенекѣ же во всю жизнь мою не слыхалъ я, чтобы онъ оказалъ услуги въ физикѣ, и вѣроятно не незатрудило бы сіе издателя, ежели бы мы потребовали отъ него доказательства тому.

Отзываются о Цицеронѣ, который предполагалъ только, такъ сказать, перелить Греческую философію въ Римлянамъ, что онъ не *глубокомысленнѣе* Фонтенеля, который занимался изслѣдованіемъ только трудовъ Академіи наукъ; но ежели сей даръ изслѣдованія при обширности знаній и по причинѣ пріятности слога прославилъ Фонтенеля, не прославивъ Цицерона, хотя онъ равную въ томъ оказалъ услугу; то причина того очевидна, то есть, Цицеронъ столь превосходенъ въ краснорѣчіи, что мы видимъ почти въ немъ только оратора, который помрачаетъ собою философа, и столько разсыпаетъ свѣта, что все прочее въ тѣни остается. И такъ вмѣсто того, что говоритъ издатель о Сенекѣ, то есть *ежели бы мы имѣли отъ него только и одни вопросы, то и тогда бы онъ былъ въ числѣ отличныхъ людей своего вѣка*,

гораздо приличнѣе сказать о философическихъ твореніяхъ Цицерона, что ежели бы онъ не больше кто сочинилъ, какъ только *Тускуланскіе вопросы* и *разсужденія о должностяхъ*, *о существѣ боговъ* и проч. то отнюдь не былъ бы тотъ обыкновеннымъ человѣкомъ, но занималъ бы отличное мѣсто между философами и писателями древними. Но что касается до *вопросовъ* Сенекиныхъ, то немногіе, какъ я увѣренъ, согласны будутъ съ издателемъ, и достоинство сего произведенія конечно не состоитъ въ существѣ содержанія, въ чемъ и самъ онъ со мною согласенъ, и я не укоряю по примѣру его очинителя въ томъ, что въ физикѣ его находится *много ложнаго* и даже *смѣшнаго*, такъ что два ученыхъ мужа, справедливую славу заслужившіе (*) и принявшіе на себя трудъ сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія на переводъ Лагранжа, не признали даже нужнымъ показать въ нѣ погрѣшности Сенекины, но въ полезныхъ своихъ замѣчаніяхъ выставили оныя собственными словами его. У него нигдѣ не видно того, чтобы онъ хотя слегка постигъ, или такъ сказать предусмотрѣлъ истинну, исключая развѣ только предсказаніе его о томъ, что нѣкогда извѣстно будетъ существо кометъ. Но мнѣ кажется не [illegible] предрѣчьсіе, сколько объяснитъ всякое другое явленіе, и вѣроятно, что ни-

---

(*) Дарсетъ и Демаретъ.

малымъ то не послужило руководствомъ Невшону къ открытію намъ, какого существа суть кометы.

Вопросы сіи еще менѣе *отличаются* со стороны слога, который столько же надутъ и столько же напыщенъ, какъ и вездѣ индѣ, иногда же между прочимъ попадается и хорошее. Ежели кто хочетъ видѣть примѣры рѣдкой и любопытной нелѣпицы, то стóитъ только прочитать его увѣщаніе, „дабы мы не страшились грома и землетрясенія.„ Какое безуміе, „какое забвеніе бренности человѣческой „страшиться смерти тогда, когда громъ „гремитъ! Развѣ жизнь твоя зависитъ отъ „громоваго удара? Развѣ ты удостовѣренъ, „что не лишишся оной, когда не поразятъ „тебя перуны грома? Развѣ не угрожаютъ „тебѣ оною ни мечъ, ни паденіе камней, „ни болѣзнь? Повѣрь мнѣ, громовый ударъ „есть самая разительная, но не величайшая „опасность. Развѣ ты будешь болѣе не„щасливъ, когда смерть скоропостижно„стію своею лишитъ тебя чувствованія „ея?„ По сіе мѣсто нѣтъ ничего умнаго, исключая сію послѣднюю мысль, которая весьма обыкновенна, но ни во что ставитъ настоящую опасность по тому единственно, что есть еще много другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ опасностей, сіе принадлежитъ къ обыкновенной логикѣ сочинителя: слѣдующее же за симъ совершенно смѣшно, и я готовъ въ томъ спорить: „развѣ ты будешь очень нещастливъ, ког-

„да твоя смерть будетъ очищена (*), и „когда даже погибая, ты останешся не без„полезенъ свѣту, и предвѣщешь ему нѣ„кое важное событіе?„ Должно быть весьма упорну, чтобы не убѣдиться такимъ утѣшеніемъ, и быть весьма недовѣрчиву, чтобы не быть — сколькоже суевѣрну, какъ и философъ Сенека, который отъ всего сердца почитаетъ громовый ударъ за нѣкое предзнаменованіе (**). „Какоежъ неща„стіе быть убиту громомъ?... Развѣ тебѣ „кажется лучше умереть отъ страха, „нежели отъ грома? Вооружи себя паче „бодростію противъ прещеній неба, и еже„ли ты увидишь міръ отвсюду въ пламе„ни, то вообрази, что ты не столь „много значишь (***), что долженъ погиб„нуть отъ столь страшныхъ перуновъ; „или ежели ты мыслишь, что тебя ради „мятется небо, возстаютъ бури, скопляются и спираются облака, блистаютъ и раз-

---

(*) Поелику на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ударилъ громъ, дѣлались очищенія, то переводчику надлежало объяснить сіе въ переводѣ, во избѣжаніе двоесмыслія въ словѣ expіe.

(**) Дидеротъ такъ же тому не не довѣряетъ: ибо онъ не шутя говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ слѣдующее: *для чего же и не такъ?* и показываетъ причины, которыя тому представлены быть могутъ.

(***) Слѣдовательно коровы и лошади, которыхъ столь часто громъ на полѣ убиваетъ, суть весьма важныя существа. *Прилѣт. Лагарп.*

„ражаются молніи, то развѣ не обрѣтаешь „утѣшенія въ томъ, что смерть твоя не „недостойна сего возмущенія?„ Нѣтъ силъ противу тоять сему, и какъ все это убѣдительно!... И я спрошу, не уже ли смѣшнѣе и забавнѣе Мольеровъ Гро-Рене, толкующій философію *товарища своего Аристотеля*? Престепенные наши соперники конечно вознегодуютъ на то, что Сенеку щитаютъ за балагура; но они поопасутся объявить, по чему я это говорю, и показать то мѣсто на которомъ я утверждаюсь, будучи очень увѣрены, что читатель тогда уже не въ состояніи будетъ удержаться отъ смѣха. Сей способъ *утѣшенія* кажется ему столь силенъ (разумѣется Сенекѣ, а не читателю), что онъ къ нему же прибѣгаетъ, когда говоритъ о землетрясеніи, истощивъ тутъ все искусство своей риторики; и чтобы еще посмѣяться, надобно хотя слегка еще коснуться разсмотрѣніемъ сего отрывка: ибо самъ Сенека не позволяетъ намъ примѣромъ своимъ изчерпать у него все смѣшное. „Сіи великія потрясенія отнюдь не возмущая насъ болѣе обыкновенной смерти, должны паче поселять въ насъ нѣкое кичение, и поелику необходимо надлежитъ оставить жизнь, и нѣкогда возвратить душу; *то несравненно „славнѣе погибнуть отъ великаго причина.„* Какъ никому не пришло на мысль прочитать сію главу изъ Сенеки на развалинахъ поглощеннаго Лиссабона съ тѣмъ, чтобы *поселить нѣкое кичение* въ остаткѣ жите-

лей, которые будучи весьма плохіе *философы*, смутились отъ сего произшествія? Причиною тому то, что Сенеку еще мало читали, а теперь какъ онъ переведенъ и изъясненъ, то надобно надѣяться, что въ подобномъ случаѣ не будетъ сіе упущено. „Ибо наконецъ должно умереть, гдѣ и ког„да бы то ни было.„ (На сіе отвѣчать нѣчего). „Не всели равно для меня, засыплютъ ли „меня землею, или она сама на меня об„рушится?... Она повергаетъ меня въ ужа„сную пропасть; такъ что жъ? развѣ на по„верхности ея смерть пріятнѣе? Какую „имѣю я причину сѣтовать, когда природа „хочетъ погребсти меня въ мѣстѣ славномъ „по какому нибудь чудному произшествію, „когда она покрываетъ меня частію самой „себя?„ (Какъ сѣтовать? это было бы уже непостоянство, когда извѣстно намъ, что симъ гордиться должно). „Великое есть „утѣшеніе, умирая знать, что самая земля „не не смертна.„ (Въ самомъ дѣлѣ великое! и кто дерзнетъ въ томъ усумниться?) „Мо„гу-ли я страшиться погибнуть, когда зем„ля сама со мною погибаетъ, когда сей „шаръ, который заставляетъ меня содро„гаться, самъ содрогается; и собствен„нымъ своимъ только разрушеніемъ мо„жетъ мнѣ причинить разрушеніе?... Над„лежитъ умереть: смерть есть законъ „природы: смерть есть дань и долгъ смер„тныхъ: смерть врачуетъ всѣ скорби; „и проч.„

Это уже слишкомъ убѣдительно, и вамъ извѣстно, что одинъ изъ нашихъ сочинителей, подражая Сенекѣ, такъ удачно выразилъ:

Mourir n'est rien: c'est notre dernéire heure. m e.

Умереть ничего не значитъ: это наша послѣдняя година.

Изъ сихъ послѣднихъ изображенїй о смерти вы усматриваете, что когда Сенека повторяетъ свою мысль, то по увѣренію Дидерота *всегда наблюдаетъ въ томъ нѣжныя оттѣнки, и на каждой строкѣ пѣвня разборчиваго человѣка, приводитъ въ отчаяніе переводчика.* Наконецъ видите вы и то, что Дидеротъ признаваясь въ томъ, что въ Сенекѣ находятся *острыя мысли*, не безъ основанія судитъ, что гдѣ слогъ долженъ возвышаться въ предметахъ рѣчи, тамъ никогда оныя не имѣютъ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы отважился сказать, что *шаро содрогается, когда меня заставляетъ содрогаться*, такъ же *земля сама на меня рушится вмѣсто того, чтобы засыпали меня оною*, или что она *смертна*, когда *я умираю*, и проч. суть остроты и слова совсѣмъ не къ стати употребленныя; послѣ же всего того о чемъ дѣло идетъ? о землетрясенїи и концѣ міра.

Но ежели одни только *злословы* могутъ находишь затрудненія въ разсужденїи *прелестей сего слога*; то въ сихъ самыхъ *вопросахъ* есть такое мѣсто, которое издатель не усумнился сравнить *со самыми*

изящными ораторскими возбужденіями у *Цицерона*, присовокупивъ къ тому, что *безчисленное множество такихъ мѣстъ* находится въ Сенекѣ. Но поелику не настоитъ нужды въ такомъ множествѣ примѣровъ для сравненія того и другаго, а дѣло состоитъ въ томъ, что Сенека столь же великій ораторъ, какъ Цицеронъ, по крайней мѣрѣ *по ораторскимъ возбужденіямъ*, что столь же извѣстно *всѣмъ разборчивымъ людямъ*, какъ и *прелести его слога*; для сего разсмотримъ отрывокъ, который касается до смерти Калисѳена.

„Сіе вѣчнымъ будетъ пятномъ Александ„ру, котораго ни его храбрость, ни его воин„скіе подвиги не изгладятъ. Ежели скажутъ, „что онъ поразилъ многія тысячи Персовъ, „то возразятъ, отъ него погибъ Калисѳенъ. „Ежели скажутъ, что онъ низложилъ Дарія, „обладателя могущественнаго государства, „то возразятъ, но онъ убилъ Калисѳена. „Ежели скажутъ, что онъ покорилъ все до „океана, самый океанъ покрылъ новыми „флотами, и владѣнія свои простеръ отъ „неизвѣстнаго уголка Ѳракіи до предѣловъ „востока; то возразятъ, но онъ умертвилъ „Калисѳена. Хотя бы онъ помрачилъ славу „всѣхъ даже предшествовавшихъ ему ца„рей и героевъ, но и тогда все то было „бы менѣе содѣяннаго имъ преступленія „убійствомъ Калисѳена (*).„

(*) Переводчикъ невиненъ въ томъ, что слово grand поставлено здѣсь неприлично въ двухъ противоположныхъ значеніяхъ, а въ под-

Фигура повторенїя *но онъ убилъ* и проч. сильна и поразительна, и она только дѣлаетъ сїе мѣсто витійственнымъ: что же касается до существа дѣла и до подробностей въ изображенiи; то оныя наполнены напряженій и лживости, чѣмъ Сенека вездѣ изобилуетъ даже до того, что при внимательномъ разсужденiи не можетъ сіе имѣть дѣйствія, не терпится въ истинномъ краснорѣчіи, и не позволяется употреблять грубую и язвительную ложь для соразмѣренїя съ фигурою противоположности. Александръ не *убилъ Дарія* (въ подлинникѣ сказано *occidit*), и не *погубилъ* его (*fait périr*, какъ перевелъ Лагранжъ для смягченія выраженїя), и нельзя даже предполагать, чтобы онъ сдѣлалъ сіе, ежели приведемъ себѣ на память, какъ онъ поступилъ съ Поромъ, какъ проливалъ слезы о смерти Дарія, и съ какою строгостію отмстилъ за оную (*), такъ же какія Дарій имѣлъ мысли о великодушїи Александра, что онъ хотѣлъ

линникѣ еще хуже сказано: nihil tam magnum, quam caedes Callisthenis т. е. *нѣтъ ничего столь великаго, какъ убіиство Калисѳена.* Но для краткости сказать не то, что должно, означаетъ неумѣніе изъясняться. Необходимо нужно было бы различить два рода *великости*, то есть, великость подвиговъ и великость преступленія, что Лагранжемъ несовершенно исполнено. *Примѣч. Лагарпа.*

(*) Бессъ казненъ по его приказанію.

наказать смертію предателей его. Сенека повсюду обнаруживаетъ злобную ненависть противъ сего государя, но ненависть и злоба могутъ ли оправдать ложь и злорѣчіе? Весьма неприлично философамъ до того прилѣпляться къ витійственной фигурѣ противуположенія, чтобы упустить изъ виду, сколько оною нарушается истина. Ежели бы соперники подали поводъ къ подобной укоризнѣ, тогда какими бы личностями осыпаны они были отъ защитниковъ, посягающихъ съ такимъ оскорбленіемъ на такія мнѣнія, коихъ несправедливость ничѣмъ отъ нихъ не доказана? Впрочемъ ежели смерть Калисѳена принять за самое величайшее преступленіе, то почемужъ она болѣе ненавистна, нежели умерщвленіе Клита, который былъ другъ Александру и спасъ жизнь его? и ежели извинительно убивство, для чегожъ смерть его болѣе ненавистна, нежели смерть Парменіона, столь же невиннаго старца, какъ и Калисѳенъ, и оказавшаго великія услуги Александру? Неясноли изъ сего видно, что убійство философа почитается тягчайшимъ преступленіемъ? Но мнѣ кажется, что нѣтъ на сіе положительнаго правила, и мы въ своемъ нравоученіи имѣемъ иной размѣръ для опредѣленія преступленій, и я согласенъ лучше упустить изъ виду несносную гордость Калисѳена, въ которой его укоряютъ бытописатели: коль же скоро касается дѣло чьей либо смерти, тогда я отнюдь не стараюсь оправдывать убійцу.

И такъ даже въ семъ самомъ мѣстѣ много по нещастїю находится напыщенія, отъ котораго не могъ сочинитель воздержаться, не смотря на то, что удобно бы было безъ того обойтися. И вотъ, что хотятъ представить для сравненія съ тѣмъ, что у Цицерона находит я изящнѣйшаго!

Не льзя кажется спорить объ изящномъ вкусѣ у сего послѣдняго въ разговорахъ его и философическихъ разсужденіяхъ, которыя хотя не столько извѣстны и вообще менѣе пріобрѣли славы предъ прочими его отличными произведеніями въ витійствѣ какъ по причинѣ предметовъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ, такъ и по тому, что большая часть изъ нихъ не входитъ въ классическое ученіе; однакожъ при всемъ томъ едва ли кто изъ ученыхъ людей не читалъ оныхъ по нѣскольку разъ, нѣкоторыя же изъ нихъ, на примѣръ разсужденіе о *старости* и *дружествѣ* извѣстны даже тѣмъ, которые весьма мало занимаются чтеніемъ; то есть которыхъ называютъ свѣтскими людьми; напротивъ того едвали кто читалъ или будетъ читать *вопросы* Сенекины, изключая развѣ очень небольшое число людей, которые хотятъ имѣть обо всѣхъ наукахъ понятіе.

Послѣ сего столь строгаго и безпристрастнаго изслѣдованія трудно кажется понять, какимъ образомъ издатель могъ найти несравненное превосходство въ Сенекѣ предъ Платономъ и Цицерономъ *во познаніяхъ, во соображеніи* и *глубокихъ мы-*

слѣхъ, когда у него не находится ниодной *философской мысли*, (я говорю ниодной мысли, и пусть кто покажетъ хотя въ одномъ мѣстѣ оную), Платонъ же напротивъ того изобилуетъ оными; когда Сенека не имѣлъ даже поверхностнаго понятія о многихъ предметахъ, въ которыхъ Платонъ и Цицеронъ показали многоразличныя и ясныя познанія, кои не могутъ быть присвоены Сенекѣ, но развѣ не скрываются ли оныя въ рукописи какой, которой еще не находится въ печати. Теперь остается коснуться *глубокихъ мыслей*, которыя не содержатся ли въ нравоученіи у него, гдѣ онъ могъ быть *глубокомыслен*: ибо въ самомъ дѣлѣ онъ есть не иное что, какъ нравственный писатель, такъ что даже хвалители его не утверждаютъ, чтобы онъ былъ *глубокомыслен* въ физикѣ, а только *отличен* въ оной; слѣдовательно и остается судить о немъ со стороны только нравоученія его, такъ какъ объ умствователѣ или какъ о писателѣ. Вотъ все, что такое былъ Сенека, и соперники наши не могутъ укорить насъ въ томъ, что мы не вполнѣ изслѣдовали сіе, или вопросъ оставили не совсѣмъ разрѣшеннымъ: далѣе же за симъ остается намъ коснуться похвалы разточаемой ими сему писателю въ предосужденіе Цицерону, о которомъ не думаю я, чтобы онъ потерпѣлъ что нибудь отъ сего.

Глубокія мысли въ нравоученіи состоятъ въ двухъ вещахъ, то есть въ общихъ видахъ, которыми сколько возможно лучше

опредѣляются истинныя основанія обязанностей и добродѣтелей, и въ особенныхъ признакахъ изображающихъ наилучше недостатки и пороки. Первое изъ сихъ достоинствъ, по мнѣнію моему, имѣетъ Цицеронъ, чему я представилъ уже убѣдительный доводъ, говоря о той основательной мысли, въ которую онъ совершенно вникнулъ, что все благоустройство общежительнаго и нравственнаго міра должно зависѣть отъ наблюденія обязанностей каждаго ко всѣмъ для самой пользы всѣхъ и каждаго; такъ что нѣтъ даже почти слѣдовъ сей въ самомъ дѣлѣ *глубокомысленной* теоріи, кромѣ Цицерона; Сенекѣ же оная и въ голову не приходила, изъ чего слѣдуетъ, что издатель изъ презрѣнія своего къ Цицерону или не читалъ его совсѣмъ по выходѣ изъ училища (какъ-то по его словамъ случается), или во все не обращалъ на сіе своего вниманія, когда похваляетъ новѣйшихъ писателей, и предпочтительно одного Гельвеція, что онъ въ добродѣтели усмотрѣлъ сообразность съ общею пользою; но и здѣсь видны двѣ ошибки, во первыхъ ежели что и есть истиннаго въ томъ, что сказалъ Гельвецій о семъ предметѣ, то заимствовано имъ сіе изъ Цицерона; поелику все разсужденіе Цицероново о должностяхъ воздвигнуто на семъ основаніи; къ тому же еще (по нещастію) Гельвецій воспользовавшись сею мыслію, изказилъ оную до того, что у него относится то ко всѣмъ порокамъ, что у

Цицерона служитъ положеніемъ для всѣхъ добродѣтелей, да и не льзя было не быть сему, когда Французской мудрователь заимствовавъ изъ Латинской философіи одно положеніе, отвергнулъ другое положеніе, котораго оно было только слѣдствіемъ; но первое положеніе, какъ извѣстно вамъ, составляетъ сообразность положительныхъ законовъ въ нравоученіи съ понятіями о правѣ естественномъ, которыя собственно означаютъ законъ божественный, начертанный въ сердцахъ нашихъ, и составляютъ то, что называется совѣсть: сего мнѣнія были Сократъ, Платонъ и Цицеронъ. Но поелику нравоучителей сихъ не почитаютъ въ числѣ *глубокомысленныхъ*, то издатель Сенеки и Дидерота воздаетъ честь Гельвецію за иное совершенно открытіе, состоящее въ томъ, что всѣ наши обязанности и добродѣтели должны произтекать отъ *физической чувствительности*, изъ чего понять вы можете, что слѣдуя сею стезею, Гельвецій не могъ болѣе встрѣтиться ни съ Цицерономъ, ни съ Платономъ и Сократомъ, и ни съ однимъ нравоучителемъ всѣхъ вѣковъ. *Глубокомысліе* сего рода относится къ весьма недавнему времени, и по тому еще болѣе кажется удивительнымъ издателю, являющему къ сей системѣ Гельвеція такое же благоговѣніе и вѣру, какую геометръ имѣетъ къ вычисленіямъ Невтона. Но не позволяетъ здѣсь мѣсто войти въ разсмотрѣніе его ученія, а относится оно къ послѣдней части сего кру-

га, содержащей философію осмагонадесять столѣтія (*).

Другаго рода *глубокомысліе* поставляется въ изображеніи пороковъ, и въ семъ то смыслѣ хорошіе комическіе писатели такъ же почитаются нравоучителями, и Мольеръ изъ всѣхъ комическихъ стихотворцевъ есть самый *глубокомысленный*: равнымъ образомъ и Ѳеофрастъ могъ бы имѣть сіе качество, каковое требовалось по роду его сочиненія; но древніе отличали въ немъ наиболѣе чистоту Аттическаго вкуса и пріятность въ выборѣ словъ, хотя книга его *о душевныхъ свойствахъ* содержитъ черты остроумной истинны какъ въ правилахъ, такъ и въ изображе-

---

(*) Изслѣдованіе сіе хотя издано въ свѣтъ послѣ особливо подъ заглавіемъ *возраженіе на книгу о разумѣ*, однакожъ оно приобщилося и къ сему кругу, гдѣ оно составляетъ важную статью. Сообщники и даже друзья Гельвеціевы хранили въ разсужденіи сего *возраженія глубокое молчаніе*, и они еще благоразумнѣе бы поступили, ежели бы по совершенному недостатку доказательствъ не разпочали злословія. Впрочемъ одинъ изъ философовъ, весьма извѣстный въ экономіи и неизобличенный въ безбожіи (Г. Дюпонъ де Немуръ) поступилъ гораздо безпристрастнѣе, обвинивъ, что *разсматриватель Гвльвеція почти вездѣ судитъ основательно, но тщ имѣетъ слабость, что лос ловитъ философію*, изъ чего видно, какая зу мѣется *философія*. Прим. Лагарпа.

ніяхъ; однакоже онъ долженъ въ семъ уступить преимущественно новѣйшимъ писателямъ, каковъ былъ Ла Рошефукольдъ, у коего мысли часто встрѣчаются весьма тонкія, и иногда *глубокія* наблюденія, особливо же Лабрюеръ почитается въ семъ родѣ первымъ, какъ наблюдатель и какъ живописецъ равно *глубокомысленный*: ибо его взоръ далеко проникаетъ, а кисть вѣрно изображаетъ все, что взору его ни представляется.

Глубокомысліе сего рода ни въ Цицеронѣ, ни въ Сенекѣ не находится, по крайней мѣрѣ я того въ нихъ не усматриваю; впрочемъ естественнѣе могло бы оно быть у послѣдняго, который повсюду говоритъ его голосомъ, и даже не измѣняетъ онаго, никогда въ своихъ разсужденіяхъ, а особливо въ своихъ *письмахъ*, гдѣ всякой слогъ допускается. Можетъ статься въ возраженіе тому представятъ его мнѣнія, изрѣченія и правила, но прежде всего надлежитъ показать разность между понятіемъ и мыслями: ибо они суть двѣ вещи различныя между собою. Мысль можетъ быть изящна, сильна и тонка, но она обращается на одинъ предметъ; напротивъ того изящное, высокое и *глубокое* понятіе есть совокупленіе многихъ другихъ мыслей, на пр: когда Цицеронъ говоритъ Кесарю: „ничто столько не возвышаетъ твоего ща„сшія, какъ возможность спасать жизнь „множества людей, и ничто не дѣлаетъ „душу твою столь великою, какъ разполо„женіе ея къ тому„ то онъ въ сихъ не-

многихъ словахъ весьма благородно заключаетъ самое вѣрное, самое обширное и правоучительное опредѣленіе могущества и благости. Вотъ понятіе и притомъ высокое понятіе Такъ же когда и Сенека говоритъ: „сколько такихъ людей, у коихъ „не доставало больше дружбы, нежели друзей„ то онъ остроумно превращаетъ справедливое мнѣніе, которое тоже выражаетъ, что и слѣдующее извѣстное правило: ежели любимъ быть хочешь, то самъ люби. si vis amari, ama. Теперь, чтобы узнать достоинство Сенеки, наиболѣе прославляемаго за его правила, отъ другихъ отличающіяся, которыя самъ онъ выдаетъ за существенныя въ нравоученіи, то я за лучшее признаю средство занять васъ разсмотрѣніемъ пѣхъ только изъ нихъ, которыхъ выборъ сдѣланъ самимъ Дидеротомъ; тогда удобнѣе вы судить можете о ихъ достоинствѣ, и легче для васъ будетъ опредѣлить цѣну неслыханной похвалы, воздаваемой его философіи.

„Часть жизни нашей проходитъ въ „худыхъ дѣлахъ, большая часть въ бездѣй„ствіи, вся же почти жизнь не въ томъ, „что дѣлать бы надлежало.„ Сенека самъ не зналъ, до какой степени сіе справедливо; но у него хорошо то сказано, что сказать было нетрудно.

„Гдѣ такой человѣкъ, которой бы „зналъ цѣнить время, щитать дни и по„мнить, что онъ въ каждое мгновеніе уми„раетъ?„

„Не въ состояніи будучи прочитать „всѣхъ книгъ, которыя пріобрѣсти можешь, „старайся пріобрѣсть ихъ столько, сколь„ко прочитать можешь „

„Читаютъ для того, чтобы сдѣлаться „разумнымъ: но ежели бы читали для того, „чтобы сдѣлаться лучшими, тогда бы въ „скоромъ времени сдѣлались еще разумнѣе.„

„Кто желаетъ только удовлетворить „голодъ, жажду и естественныя потреб„ности, тотъ не имѣетъ причины губить „напрасно время у дверей вельможъ, и сно„сить ни ихъ презрительныхъ взглядовъ, „ни ихъ ѣдкой учтивости.„

„Говоря о дарахъ щастія, говори такъ „же и о сѣтяхъ его.„

„Ничто столько не вредитъ добрыхъ „нравовъ, какъ посѣщеніе зрѣлищъ.„

„Добродѣтель теряетъ у того свою „цѣну, кто жизнь цѣнитъ дороже ея.„

„Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ старикъ, „который жить начинаетъ.„ Сіе не такъ обыкновенно, и Дидеротъ правильно на сіе замѣчаетъ, что несравненно больше такихъ стариковъ, которые не живши умираютъ. Но по сіе мѣсто знаетели вы что нибудь *обыкновеннѣе* всѣхъ сихъ мнѣній? Они справедливы: вотъ все ихъ достоинство. Но имѣютъ ли они ту силу въ смыслѣ и выраженіи, которою вы поражались, слушая приводимыя мною мнѣнія изъ Плутарха? Однако разсмотримъ еще нѣсколько оныхъ, которыя выбраны тѣмъ же почитателемъ Сенеки.

„Зло не такъ еще велико, когда оно „есть послѣднее изъ золъ: той утраты дол„жно менѣе бояться, которая не влечетъ за „собою разкаянія.„ Сіе отъ слова до слова находится у Цицерона о смерти, тотъ же предметъ составляющей.

„Гнѣвъ есть кратковременное обуяніе.„ Сіе отъ слова до слова есть у Горація: *ira furor brevis est.*

„Самый могуще-ственный человѣкъ „столько же долженъ бояться зла, сколько „въ силахъ причинить онаго.„

„Стезя наставленія медленна, напро„тивъ того стезя-примѣра короче и надеж„нѣе.„

„Одно и тоже слово можетъ сказать „мудрецъ и глупой.„ Сему какъ и всему предыдущему я вѣрю; но что во всемъ томъ находится глубокомысленнаго?

„Лубомудріе составляетъ истинное „благородство: никто не жилъ для славы „другаго.„ Здѣсь весьма неясно сказано то, что уже столь много, азъ и лучше было повторяемо, особливо у Саллустія, (смотри рѣчь Маріеву):„ Многіе добрые граждане жили и хотѣли жить *для славы* своего отечества, и всѣ они для того только уважали *славу*, чтобы оная отразилась на ихъ потомство.„ Что касается до любомудрія, то оно здѣсь поставлено, какъ думать надобно, сословомъ добродѣтели, что не всегда бываетъ справедливо.

Слѣдующія мнѣнія кажутся мнѣ лучше предыдущихъ.

„Странникъ много находитъ содержа-
„телей гостинницъ, но друзей мало.„
„Не дѣлай ничего такого, о чемъ бы
„можно было знать врагу твоему.„
„Боже, одари меня мудростію, и я от-
„кажусь отъ всего прочаго.„
„Управленіе республики преданной гра-
„бителямъ есть недостойно мудраго му-
„жа.„
„Слабыя души находятъ въ великихъ
„дѣлахъ тотъ недостаткъ, который въ
„нихъ самихъ кроется.„
„Всему прочему посвящаютъ время и
„старанія: одною добродѣтелью занимают-
„ся тогда только, когда нѣтъ другаго
„дѣла.„
„Ежели нужда заставляетъ тебя взвѣ-
„сить услугу и обиду, то отъ тяжести
„одной отнявъ, прибавь къ тяжести дру-
„гой, и ты будешь только справедливъ (*).„

(*) Я осмѣлился сократить сіе мнѣніе, которое по существу своему весьма хорошо, чтобы показать, что Сенека гоняется часто за краткостію, не заботясь о ясности, и разпространяетъ рѣчь свою безъ нужды, а въ такомъ случаѣ нѣтъ въ немъ ни краткости, ни точности. Дидеротъ перевелъ сіе мѣсто держася подлинника: „ежели тебѣ, будучи судьею въ своемъ дѣлѣ, надобно будетъ взвѣсить услугу съ обидою, то *благоразуміе* требуетъ прибавить вѣсу къ услугамъ, оказаннымъ тебѣ, и убавить онаго отъ обиды причиненной тебѣ.„ Какое многословіе въ семъ выраженіи!

„Въ сердцѣ благодарномъ благодѣяніе „приноситъ приращѐніе „

„Добродѣтель шествуетъ между ща„стіемъ и нещастіемъ, и на то и на другое „взираетъ съ презрѣніемъ.„

Безъ всякаго разбору сливаютъ острыя изрѣченія съ острыми выраженіями и мысли съ тѣмъ, что составляетъ оборотъ въ рѣчи, и потому издатель почитаетъ Сенеку *самымъ глубокимъ и самымъ правоучительнымъ между всѣми древними писателями*; но какъ бы то ни было, онъ въ семъ далеко уступаетъ Цицерону, и особливо Плутарху. *Важность* въ глубокихъ сочиненіяхъ состоитъ въ основательности доводовъ и въ достоинствѣ слога, приноровленнаго къ свойственному для того предмету; а сего-то и не достаетъ у Сенеки: ибо позволительно сказать то о сочинителѣ, что такого-то качества не достаетъ у него, коль скоро оное весьма рѣдко является, а противное ему повсюду встрѣчается, и я могъ бы да-

---

Дидеротъ говоритъ, что *всегда желательно будетъ, чтобы Цицеронъ былъ короче, а Сенека пространнѣе*: но ни то, ни другое несправедливо, и отнюдь нежелательно, чтобы пространнѣе былъ Сенека, коего многословіе столь часто бываетъ безполезно; и такъ же пусть изыскаетъ кто сократить какое либо мнѣніе изъ философическихъ твореній Цицерона такимъ же образомъ, какъ здѣсь сокращено мнѣніе Сенекино.

же доказать сїе множествомъ разнаго рода примѣровъ, естьли бы только захотѣлъ сдѣлать сіе, что доводы его вмѣсто того, чтобы быть основательными, по большей части суть нелѣпы и даже смѣшны; вмѣсто *обилія въ мысляхъ*, присвояемаго ему равномѣрно издателемъ, онъ только изобилуетъ въ выраженіяхъ превращенныхъ въ видъ апофегмъ, дабы повторить одну и туже вещь безъ всякой оттѣнки и не наблюдая постепенности; въ слогѣ же его, нимало не имѣющемъ приличной важности, видны напротивъ того одни напяжки и игра ума, которыя хотя могутъ иногда ослѣпить на короткое время непримѣчательнаго человѣка, но неосновательность ихъ при внимательномъ чтеніи скоро дѣлается примѣтною. Для сего приведу я въ примѣръ по крайней мѣрѣ одинъ изъ предметовъ, къ которому онъ столь часто обращался, такъ что совсѣмъ, кажется, хотѣлъ изтощить его, то есть о презрѣніи боли и смерти; и вы увидите у него и здѣсь тоже, что говоритъ о томъ, что не должно страшиться грома и землетрясенія. Я не могу съ вами здѣсь прочитать всего Сенеку, но когда одно и тоже качество столь часто замѣчается въ важныхъ сочиненіяхъ, и даже въ цѣлыхъ отрывкахъ, чего никогда не льзя найти въ искусномъ писателѣ, ежели сіе качество, говорю, является во множествѣ приведенныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе пространныхъ, при томъ же приведены такія мѣста, которыя самими защитниками выставлены были за

чудесныя (что во всей сей статьѣ поставилъ я себѣ за правило); тогда утвердительно можно сказать, что сіе качество есть въ сочинителѣ; и ежели въ сужденіи семъ не соблюдено безпристрастіе, то пусть соперники наши покажутъ намъ способъ быть безпристрастнѣе.

Дидеротъ вопіетъ намъ голосомъ вдохновеннаго: „малодушный человѣкъ, ежели „двѣ великія мечты, боль и смерть, тебя „устрашаютъ, читай Сенеку„. Но я слѣдуя мнѣнію своему, лучше соглашуся читать Гускуланскіе вопросы, въ коихъ разсуждается о семъ же предметѣ, и изъ коихъ Сенекою замствовано все то, что находится умнаго въ семъ его нравоученіи: у Цицерона нѣтъ никакихъ натяжекъ; его причины извлечены изъ здраваго смысла и изъ безпристрастной цѣны человѣческихъ дѣлъ. Онъ не дѣлаетъ принужденія природѣ вмѣненіемъ ей въ гнусность того, ежели она отрѣваетъ то, что ей противно, но единственно тщится поддержать ее соотвѣтственными силамъ ея разсужденіями, и противопоставляетъ неминуемымъ напастямъ бодрость, каковую въ человѣкѣ поселять должно благородство души его, и сіе мужественное терпѣніе, которое не иное что есть, какъ благоразумное покорствованіе судьбѣ и единственное средство противъ того, чего изцѣлить не льзя; единое облегченіе въ томъ, чего избѣжать не можно; наконецъ главнѣйшее онъ употребляетъ средство сравненія, которое по тому здѣсь прилично

что нѣтъ лучшаго способа судить о какомъ либо злѣ, какъ сравнивая оное съ бо́льшимъ зломъ, и заставляетъ чувствовать, колико болѣе страшиться должно порока и стыда, оскверняющихъ и терзающихъ душу, нежели боль и смерть. „Я не утверждаю, гово„ритъ онъ, что боль не есть зло, а утверж„даю, что она не есть величайшее изъ золъ; „и ежели бы она не была зло, то гдѣ была „бы бодрость къ перенесенію ея? Я говорю, „что сіе зло преодолѣвается терпѣніемъ, а „естьли у тебя не достаетъ терпѣнія, то „гдѣ же философія? Какая намъ отъ нея „польза, и зачѣмъ намъ ею хвалиться и „тщеславиться? Но боль меня мучитъ. — „Хотя бы кинжалъ на тебя обращенъ былъ, „и чтожъ отъ того бы послѣдовало? Ежели „ты беззащитенъ, то пораженъ будешь уда„ромъ; но ты отразишь его, ежели будешь „вооруженъ щитомъ Ахилловымъ, небесною „бронею; да ты и имѣешь его въ себѣ: сей „щитъ не иное что есть, какъ бодрость; а „ежели не достаетъ въ тебѣ оной, то от„кажись отъ достоинства человѣка.... Не „убѣдишься ли ты, что никакое зло не мо„жетъ сравниться со стыдомъ и безславі„емъ? и есть ли что постыднѣе для чело„вѣка, какъ быть порабощену боли или „страху? Когда не будетъ онъ умѣть про„тивоборствовать имъ, то какимъ же обра„зомъ можетъ предпочитать всему прочему „долгъ и добродѣтель?

Вотъ, какъ Цицеронъ приступаетъ къ дѣлу, и вотъ, какъ говоритъ человѣкъ чело-

вѣку. Теперь послушаемъ Сенеку: „Трудно, „говоришь ты, довести душу до того, что„бы она презирала смерть. Но развѣ ты „не видишь, для какихъ маловажныхъ при„чинъ каждый день презираютъ ее? Лю„бовникъ удавленіемъ лишаетъ себя жизни „у дверей своей любовницы; невольникъ низ„вергается съ верху кровли, чтобы изба„виться отъ бѣшенства господина своего; „бѣглый пронзаетъ грудь себѣ, чтобы не по„пасться опять въ оковы. Развѣ ты сумнѣ„ваешься, что бодрость не въ состояніи про„извести тоже, что производитъ крайній „страхъ? . . Къ чему служатъ сіи бичи съ „узлами на концахъ, сіи пыпочныя и сіи „орудія казни? Какъ! все это для одной „только боли? но она есть ничто, или ско„ро минется. Къ чему сіи мечи, сіи пла„менники и сіи изшязатели, которые во„кругъ меня ужасаютъ? Какъ! все это для „одной только смерти? но мой невольникъ „ни во что вчера вмѣнилъ ее.“

Вотъ, чему Дидеротъ удивляется, и намъ велитъ удивляться! Но какой разумный человѣкъ можетъ обмануться симъ хвастливымъ велерѣчіемъ? Все въ мысляхъ его ложно, и всѣ обороты у него слабы. Что̀жъ въ предметѣ имѣетъ Сенека? „Внушаетъ мнѣ твердость, бодрость, рѣшительность: но онъ представляетъ мнѣ примѣры отчаянія, которые, по его же собственному мнѣнію, не отъ инаго чего происходятъ, какъ отъ крайняго страха. Какое грубое противорѣчіе! Когда Цицеронъ говоритъ мнѣ: „будь чело-

вѣкъ, и доказываетъ, что должно онымъ быть; то не могу ему отвѣчать, что я не человѣкъ; а Сенекѣ скажу: я ни невольникъ, ни бѣглый, ниже сумасшедшій. Онъ у меня вопрошаетъ, *развѣ бодрость не произведетъ того же, что производитъ сильный страхъ?* Это походитъ на тоже, ежели бы онъ спросилъ: развѣ я не могу сдѣлать того въ полномъ умѣ и будучи здоровъ, что бываетъ въ горячкѣ? Бодрость есть сила спокойная, отъ чего она и почитается рѣдкою; она-то есть подлинно добродѣтель, отъ сего самаго у Римлянъ добродѣтель и бодрость выражаемы были однимъ словомъ. Сила, которая нудитъ *лишать себя жизни удавленіемъ, низвергаться стремглавъ, закалаться*, есть неистовство, сумасшествіе, происходящее, какъ самъ ты согласишься, отъ слѣпаго и необузданнаго движенія, отъ сильнаго страха или безумія, или есть сила. бѣснующагося, которыи ввергается въ огонь отъ боязни воды: слѣдовательно одна изъ сихъ силъ по необходимости составляетъ благо, а другая зло; одна есть добродѣтель, а другая болѣзнь; одна составляетъ честь человѣческой природы, а другая слабость ея; наконецъ одна свойственна только мудрому, а другая всѣмъ безумнымъ: но философъ нашъ равное изъ той и другой силы выводитъ заключеніе: нравоучитель *важный* и *глубокомысленный* наравнѣ ставитъ то, что дѣлается въ сумасшествіи, и что предписываетъ онъ дѣлать, соображаясь съ разсудкомъ и нѣкоторымъ образомъ по правилу

благоразумія, какъ будто отъ двухъ столь различныхъ причинъ должно послѣдовать тоже самое дѣйствіе! Отчаянный любовникъ, избитый невольникъ, бѣглецъ изъ оковъ ушедшій выставлены образцами подражанія, служанъ наставниками въ геройствѣ, и собесѣдуютъ съ Сенекою о философіи! и ни онъ не чувствуетъ, сколь сіе смѣшно, ни удивляющіеся ему не примѣчаютъ того! Обороты въ выраженіяхъ стоятъ подлинно мыслей, напр: *какъ! не болѣ, какъ сіе? это ничто. Для одной только боли? для одной только смерти?* . . . И такъ составляетъ ли какой трудъ сіе сплетеніе словъ, которое правильнѣе можно назвать философскою чепухою? (ибо образъ рѣчи въ немъ до того смѣшонъ, что позволительно будетъ употребить сіе простое выраженіе). Такая риторика простительна быть можетъ только ученикамъ и обманщикамъ, а въ состарѣвшемся философѣ, въ опытномъ писателѣ она заслуживаетъ презрѣніе, и можетъ возродить весьма справедливое сумнѣніе въ существѣ и основательности правилъ его, когда въ слогѣ у него находится почти непрестанное и столь примѣтное принужденіе.

Издатель судя о Платонѣ какъ о *стихотворцѣ* и *витіи*, хотя онъ не былъ ни то, ни другое (ибо тотъ не есть еще *стихотворецъ*, ни *витія*, кто писалъ въ прозѣ съ такимъ же воображеніемъ и краснорѣчіемъ, какое приличествуетъ слогу философскому), безъ дальнихъ околичностей лишаетъ его достоинства философа; но имени-

тость издателя отнюдь еще не такова, чтобы можно было ожидать какого либо дѣйствія отъ сего противомыслія его, о которомъ можете вы судить по тому, что уже вы слышали о семъ въ нашихъ разсужденіяхъ, и по общепринятому мнѣнію, называемому отъ него *славы и уважения*, *сохранившимся* по его признанію *неизмѣнно до нашихъ временъ*. Для меня сіе лестно, и я благодарю его за сіе признаніе; но онъ съ своей стороны льстится, что *въ такомъ вѣкѣ, каковъ нашъ, который столько же отличается просвѣщеніемъ, сколько и вкусомъ, Платонъ и Цицеронъ по необходимости должны потерять свою цѣну, яко философы*, изъ чего явствуетъ, что тогда Сенека долженствуетъ воспользоваться сею выгодою. Но всякому позволено судить о будущемъ; и хотя въ пользу Платона и Цицерона гласятъ двѣ тысячи лѣтъ, для одного нѣсколько болѣе, а для другаго менѣе; однакоже ничего не препятствуетъ, чтобы чрезъ двѣ тысячи лѣтъ еще не возсталъ кто либо противъ *предразсудка, воспитанія и слѣпаго уваженія*, ссылаясь на дальнѣйшее впрель свидѣтельство, подобно тому кофейнаго дома витіи Боенденю, который посреди многочисленнаго сборища оставаясь одинъ при своемъ мнѣніи, хладнокровно сказалъ: *здѣсь не достанетъ десяти тысячъ человѣкъ, которые, можетъ статься, были бы согласны съ моимъ мнѣніемъ.*

Извѣстно, что мнѣнія о предметахъ наукъ, которыя всегда могутъ приходить въ

лучшее совершенство, подвержены перемѣнѣ сѣ вѣками; но мы не видали ещѣ, чтобы относительно такихъ мужей, каковъ былъ Платонъ и Цицеронъ, одинъ вѣкъ ниспровергалъ семъ прочимъ вѣкамъ, чему не находится еще примѣровъ, хотя міръ довольно уже древенъ, такъ, чтобы могъ показать намъ оные. Впрочемъ давно уже то извѣстно, чего должно держаться въ выборѣ, то есть что заимствовать и что отметать надлежитъ въ философіи Аристотеля, Платона, Цицерона, равно какъ и въ философіи Картезія и Лейбница; но мужи сіи остались на мѣстахъ своихъ, и вѣроятно навсегда удержатъ оныя: частное противорѣчіе во всѣ времена существовало; но оно не ослабляетъ общаго мнѣнія; и естьли кто надѣется переиначить мнѣнія въ потомствѣ, то долженъ по крайней мѣрѣ начать сѣ пріобрѣтенія уваженія отъ своихъ современниковъ. Хотя довольно, кажется, останавливались мы сужденіемъ своимъ на Сенекѣ и его поборникахъ; однакожъ нужно до конца довести оное не столько для того, чтобы убѣдить двоихъ или троихъ соперниковъ, которыхъ убѣдить не возможно, сколько для того, чтобы поддержать и защитить истинну, которую опровергать прочіе не имѣютъ причины.

Сей самый Платонъ, столько презираемый какъ философъ и какъ нравоучитель, приводитъ здѣсь мнѣ на мысль Федона по причинѣ противообразія между имъ и вкусомъ Сенеки. Какая же разность и какое несходство! Что Сенека доказать еще силится, то

здѣсь видно на самомъ дѣлѣ. Сократъ долженъ умереть чрезъ нѣсколько часовъ, и онъ говоритъ о презрѣніи смерти; сыщите же въ семъ разглагольствіи и въ апологіи Сократа что нибудь похожее на нелѣпое напыщеніе Сенеки, содержащееся частію въ приведенныхъ мною и частію въ весьма многихъ другихъ подобныхъ симъ мѣстахъ. Тутъ видно, что душа окрашова не возмущена, потому что рѣчь его проста, и понятѣнно, что онъ удостовѣренъ въ томъ; поелику нѣтъ у него ни принужденія, ни напряженія: его мысли связны и чувствованія превыспренни; первымъ обстоятельствомъ доказывается спокойствіе духа, а послѣднимъ величіе души; но сіе истинное величіе, основанное на правилахъ и навыкѣ, не имѣетъ нужды ни въ какомъ усиліи; поелику душа его уже давно на все приготовилась и на все рѣшилась: слѣдовательно я весьма понимаю, почему Федонъ чрезъ столь долгое время почитается предметомъ единогласнаго удивленія. Вотъ, что должно читать у древнихъ, дабы увидѣть, каковымъ быть можетъ человѣкъ, когда борется съ смертію, подкрѣпляемый единственно своею собственною силою. Но Сенека!... пусть говорятъ, что хотятъ, а я читая его, всегда представляю себѣ, что нахожуся въ школѣ; мнѣ кажется всегда онъ однимъ изъ тѣхъ древнихъ мудрователей и тѣхъ древнихъ витій, которые тщились только удивлять своихъ слушателей: это качество, принадлежавшее Сенекѣ отцу, перешло и къ Сенекѣ сыну.

(*) Съ естественнымъ, легкимъ и во всемъ приличнымъ ходомъ Платона и Цицерона сравните вы ходъ Сенеки: онъ подобенъ человѣку на ходуляхъ: съ перваго взгляду кажется высокъ, но разсмотрите пристальнѣе, и вы увидите, что онъ туда и сюда спотыкается; понелику вышина его поддѣлана; всѣ движенія принужденны и непріятны, и онъ часто падаетъ. Когда онъ говоритъ мнѣ о смерти, то великое употребляетъ напряженіе въ выраженіи о презрѣніи ея: какимъ же образомъ онъ можетъ во мнѣ поселить твердость, когда самъ не имѣетъ ея? Невѣроятно, чтобы онъ столько же презиралъ смерть, сколь много говоритъ о ней, чего не льзя сказать о Цицеронѣ, который весьма къ стати разсуждая о семъ предметѣ нравоученія въ первой книгѣ Тускуланскихъ вопросовъ, почти уже нигдѣ индѣ о томъ не упоминаетъ; напротивъ того Сенека твердитъ о томъ непрестанно, вездѣ, при всякомъ случаѣ и всегда на одинъ ладъ; въ слогѣ у него всегда одни и тѣже возбужденія, тѣже тонкости, самохвальство и неприличное словъ употребленіе: онъ, кажется, ищетъ случая вступить въ прю съ смертію, и презирая ее какъ непріятеля, вызываетъ ее къ бою издали, и ратуетъ безъ цѣли. Поборники его возопіютъ: какъ! раз-

---

(*) Зри у Квинтиліана статью о томъ, что онъ говоритъ о сихъ витіяхъ и о вредныхъ слѣдствіяхъ ученія, которымъ въ школахъ ихъ юношество разумъ свой развращало. Томъ III.

вѣ онъ не умѣлъ умереть? Мы увидимъ сіе въ скоромъ времени, а теперь разсмотримъ далѣе, какъ онъ умѣлъ сочинять.

Не моя въ томъ вина, ежели вы ничего не могли найти особенно достойнаго примѣчанія въ мнѣніяхъ, которыя принялъ на себя трудъ извлечь самъ Г. Дидеротъ. Но я приведу еще одно мнѣніе изъ его выбора: „Слава за добродѣтелію слѣдуетъ, „какъ тѣнь за тѣломъ.“ Дидеротъ вопрошаетъ, не изящна ли мысль сія? Я съ нимъ согласенъ въ томъ, но ему бы надлежало присовокупить къ тому, что она отъ слова до слова взята изъ Цицерона. Сіе самое побуждаетъ меня привесть здѣсь нѣсколько мнѣній изъ сего послѣдняго:

„Можетъ ли что изъ человѣческихъ дѣлъ „великаго быть для того, кто имѣетъ по„нятіе о безконечности?

„Все, что за собою влечетъ гибель въ „послѣдствіи, есть порочно въ своемъ на„чалѣ.„

„Кто ищетъ мѣры въ порокѣ, тотъ „подобенъ человѣку, который низринувшись „съ Левкадскаго утеса, хочетъ удержаться „на воздухѣ.„

„Природа не столь несправедлива, что„бы надѣливъ тѣло столь многими предо„хранительными средствами, для души ни „одного не пріуготовила: она даже болѣе „ее облагодѣтельствовала, потому что сред„ства служащія для тѣла находятся внѣ „онаго, а служащія для души въ ней самой „обрѣтаются.“

Я смѣю быть иного мнѣнія, что сіи истинны болѣе обдуманы, имѣютъ общинѣйшій смыслъ, и лучше выражены, нежели Сенекины. Теперь разсмотримъ мнѣнія Сенекины, содержащія въ себѣ погрѣшности или со стороны лживости ихъ и сумнѣнія, или со стороны противорѣчія и проч. коихъ находится такое множество, что есть изъ чего извлечь оныя: но сперва должно начать съ тѣхъ, кои побудили сказать Дидерота: „Нещастливъ тотъ, кто не углу„бится размышленіемъ при которомъ ни„будь изъ мнѣній, приведенныхъ мною безъ „всякаго выбору, и сколько оныхъ могъ я „замѣтить при чтеніи философа.“ Но да не устрашаетъ васъ толико грозное проклятіе Дидерота, у коего и множества другихъ такого же рода писателей оно составляетъ обыкновенное выраженіе, и чаще всего встрѣчается, такъ что я не знаю, что было бы съ свѣтомъ, ежели бы всѣ тѣ могли чувствовать слѣдствія отъ того, которыхъ они со всѣми обрядами въ собственномъ или образномъ смыслѣ предали проклятію. Впрочемъ мы не имѣемъ здѣсь причины *углубляться въ размышленіе*, находясь въ толь любезномъ обществѣ, да и не нужно много *размышлять* о томъ, что предлежитъ нашему только изслѣдованію.

„Тиранъ велитъ тебя вести. . . Куда жъ? „куда ты самъ идешь.“ Сенека разумѣетъ на смерть: ибо мы продолжаемъ еще ею заниматься. Но сіе совершенно ложно по двумъ отношеніямъ. Я *иду* къ смерти, это

правда; но не на казнь. *Я иду* и могу еще долго итти къ смерти, которая можетъ быть еще очень далеко отстоитъ отъ меня; но тиранъ велитъ меня вести на казнь предлежащую глазамъ моимъ. Кто хочетъ увѣрить меня, что это значитъ одно и тоже, тотъ не научаетъ и не придаетъ мнѣ бодрости, но издѣвается надо мною, и почитаетъ меня легкомысленнымъ, отнюдь не укрѣпляя духа во мнѣ. Непростительно для философа не знать двухъ равно извѣстныхъ истинъ, изъ коихъ первая состоитъ въ томъ, что нѣтъ ничего оскорбительнѣе для человѣческой природы, какъ близкій переходъ отъ долговременной и полной жизни къ насильственной и поносной смерти; другая, что въ сей ужасной необходимости смерть менѣе страшна, нежели безславіе, чему доказательствомъ служитъ множество такихъ людей, которые предали себя жестокой смерти единственно для того, чтобы отъ палача избавиться; а ты хладнокровно говоришь мнѣ, что я *иду* къ смерти. Ты говоришь сущую ложь, которая не можетъ служить ни убѣжденіемъ, ни совѣтомъ и ниже утѣшеніемъ, но паче есть поруганіе, здѣсь же показываетъ она поруганіе надъ нещастіемъ. Отъ философа требуется знать человѣческую природу, въ которой, колико возможно, онъ долженъ искать цѣленія противъ немощей, каковыя ей свойственны, и дѣйствительно въ разумъ и добродѣтели обрѣтается прямый способъ противъ всѣхъ напастей и даже противъ сей, ко-

тобая столь близко мнѣ угрожаетъ; а ты не знаешь того; ибо говоришь не какъ, какъ человѣкъ, или философъ, но какъ риторъ, помышляющій только о сплетеніи словъ: говори симъ языкомъ въ своемъ училищѣ; а я возшлю гласъ мой къ Богу, который созерцаетъ невинность и преступленіе.

Вотъ, что сказать можно Сенекѣ въ ожиданіи отвѣта отъ поклонниковъ философіи его.

„Тягостно жить по необходимости, но „нѣтъ въ томъ необходимости жить та„кимъ образомъ.“

Здѣсь *необходимость* не иное что значитъ можетъ, какъ предопредѣленіе, *fatum*, которое Сенека по примѣру Стоиковъ признавалъ вкупѣ съ провидѣніемъ, ни мало не заботясь о согласованіи ихъ; но положеніе сіе въ выраженіяхъ своихъ заключаетъ противорѣчіе: ибо принявъ за одно съ судьбою, которая есть тоже самое, что *нужда* или *необходимость*, равномѣрно есть все такъ же *необходимо*, и слѣдовательно надлежитъ *жить въ сей необходимости*, сколько она того востребуетъ. Но отложивъ даже сію метафизическую строгость, которую Сенека мало наблюдалъ, мы видимъ, что онъ въ семъ мнѣніи своемъ только научаетъ насъ умереть, когда жить болѣе не захочется. Однакожъ сіе не есть какая либо чудесная тайна, но одинъ изъ корней философіи Сенеки, великаго проповѣдника самоубійства. Сократъ и Платонъ, съ которыми, такъ какъ языческими философами, пристойно Сенеку

только сравнивать, не были сего мнѣнія. Впрочемъ о семъ вопросѣ, который до насъ не касается, столько уже спорили, что не у мѣста бы здѣсь было разсуждать о томъ, а замѣчу только для *размышленія* тѣхъ, которые размышляютъ, что въ правилахъ метафизики и нравоученія не можетъ существовать такой мѣры располагать бытіемъ своимъ такъ, чтобы оная могла быть общею и для человѣка добродѣтельнаго и для беззаконника.

„Кто отнимаетъ у Катона кинжалъ его, „тотъ завидуетъ безсмертію его.“

Любимая страсть къ самоубійству не слишкомъ ли далеко увлекла Сенеку? Какъ! развѣ Катонъ не могъ сдѣлаться безсмертнымъ по одной своей жизни? развѣ онъ не достигъ бы сего, ежели бы не умертвилъ себя? Справедливо тоже самое сказано объ Оттонѣ, потому что онъ во всю свою жизнь оказалъ твердость только въ то время, какъ умертвилъ себя. Но Катонъ сколько ни могъ быть доволенъ своею смертію, не думаю я однакожъ, чтобы онъ менѣе былъ доволенъ своею жизнію, дабы въ семъ случаѣ быть довольнымъ Сенекою.

„Что такое будетъ жизнь мудраго му„жа, заключеннаго въ темницу, или остав„леннаго въ необитаемой странѣ? Она то„же, что жизнь Юпитера при разрушеніи „міровъ.“ По сему случаю Дидеротъ возклицаетъ: „подобныя мысли раждаются толь„ко въ человѣкѣ одаренномъ рѣдкимъ умомъ.“ Я же на сіе скажу, что *подобныя мысли*

раждаются только въ головѣ глупой, и что подобныя нелѣпицы бываютъ *нердко*. Горацій мужъ *рѣдкихъ достоинствъ*, по крайней мѣрѣ со стороны ума, говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ своихъ, приводимыхъ въ примѣръ высокаго, изображая въ оныхъ непоколебимую твердость праведнаго мужа:

Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinæ.

Le ciel tonne, la mer gronde:
Sur lui les débris du monde
Tomberont sans l'effrayer.

Ежели бы и міръ потрясшись обрушился;
То и сіе не устрашитъ его.

Вотъ высокая мысль, которой не можетъ быть выше, и она не простираетця за предѣлы разума, то есть не перестаетъ быть высокою. Сенека весьма былъ способенъ къ подобнымъ превращеніямъ, и тоже самое заключается въ его выраженіи; но его *Юпитеръ* совершенно исказилъ оное. Здравый разсудокъ вопрошаетъ, въ чемъ *Юпитеровы мысли* могутъ сходствовать съ мыслями мудраго мужа *при разрушеніи міра*? Но умъ Сенекинъ чрезвычайно пристрастился къ сему сравненію мудреца съ Юпитеромъ, и это есть одна изъ любимыхъ его мыслей, какъ напримѣръ: „Различіе между праведнымъ человѣкомъ и Богомъ со-

„стоитъ только въ продолженіи времени: „онъ есть его ученикъ и его соперникъ.“ А индѣ Сенека не довольствуется и симъ равенствомъ, да и въ самомъ дѣлѣ не была ли бы для него потеря остановиться на столь прекрасномъ пути? „Небольшое число лѣтъ „составляетъ для мужа мудраго столько „же, сколько вѣчность для боговъ. Онъ даже „имѣетъ сугубое достоинство: ибо богамъ „мудрость принадлежитъ по существу ихъ; „а не усиліями достигаютъ оной.“ Но не забудьте вы, что онъ недавно просилъ боговъ о низпосланіи мудрости, за что и не преминулъ Дидеротъ укорить его. Однакожъ по крайней мѣрѣ по егожъ признанію боги немало способствовали въ мудрости человѣческой: слѣдовательно не весьма прилично мудрецу ставить себя *соперникомъ* и даже превыше благодѣтельнаго божества, въ чемъ заключается нѣкоторый родъ неблагодарности и нечестія. Но я не хочу снова отягощать разсудокъ опроверженіемъ сихъ высокомѣрныхъ нелѣпостей; потому что Сенека уже довольно причинилъ скуки разсказами своими объ оныхъ, а держуся заключенія своего, которое составляетъ предметъ мой, и тѣмъ очевиднѣе становится, то есть, что почитающіе сей слогъ толико *важнымъ* и толико *нравоучительнымъ* судятъ о томъ также, какъ писалъ Сенека, и это по мнѣнію моему есть единственное средство сказать имъ правду безъ огорченія ихъ: ибо нѣтъ ничего такого, чтобы для нихъ не было почтенно, коль скоро то имѣетъ какое

либо отношеніе къ Сенекѣ; но я ничего не нахожу несообразнѣе съ важностію приличествующею нравоученію, какъ сіе самохвальство, похожее на смѣхотворство, и нѣтъ ничего для философа непристойнѣе, какъ говорить о богахъ подобно тому, какъ разсуждалъ капитанъ Матаморъ въ древней комедіи о царяхъ и императорахъ. Высокое ложное, которое непозволительно даже стихотворцамъ, не можетъ быть терпимо въ философіи; а высокое въ Сенекѣ подобно льду, издали блестящему, но отъ коего чувствуешь холодъ, коль скоро къ нему прикоснешься, и который превращается въ нечистую воду, когда растаетъ.

„Любовь походитъ на дружбу: она такъ „сказать есть глупость ея.“

Сенека ни о той ни о другой не имѣетъ понятія; потому что любовь и дружба суть двѣ вещи столь же различныя, какъ чувствованіе и страсть, и я не знаю, что у него значитъ *глупость дружбы*, когда глупость въ семъ случаѣ не есть ни *дружба* ни *любовь*. Не должно дѣлать уподобленія между такими вещами, которыя никогда не могутъ сходствовать между собою.

Я обѣщался показать вамъ нѣкоторые его отрывки въ обширнѣйшемъ видѣ, изъ коихъ привожу здѣсь одинъ, заключающій въ себѣ мысли мудреца о дружествѣ, который извлеченъ мною, а не Дидеротомъ.

„Мудрый мужъ ни въ чемъ не имѣетъ „недостатка, но онъ имѣетъ нужды; на„противъ того глупый не имѣетъ нужды,

„не умѣя дѣлать никакого употребленія, „но онъ во всемъ имѣетъ недостатокъ. „Мудрецъ имѣетъ нужду въ рукахъ, глазахъ и „во множествѣ другихъ вещей, необходимыхъ „для повсядневнаго употребленія, но онъ ни „въ чемъ недостатка не имѣетъ. Недоста„токъ предполагаетъ принужденіе, но муд„рому оное неизвѣстно. Вотъ, въ какомъ „смыслѣ нужны ему друзья, хотя онъ „умѣетъ быть довольнымъ и самъ собою, „и желаетъ имѣть ихъ, сколько можно бо„лѣе, но не для того, чтобы онъ постав„лялъ въ томъ щастїе; ибо онъ можетъ „щастливымъ быть и безъ друзей, и вер„ховное благо ни въ чемъ извнѣ не заим„ствуется; но обрѣтая въ душѣ своей всѣ „средства, онъ живетъ только самъ собою, „и поработилъ бы себя щастію, ежели бы „*прилѣпился* къ внѣшнимъ предметамъ. „Словомъ мудрый мужъ подобно Богу за„ключаетъ себя въ душѣ своей, и живетъ „въ оной самъ съ собою. Когда можетъ раз„полагать обстоятельствами, то доволенъ „будучи самъ собою, онъ поемлетъ за себя „жену; будучи доволенъ собою, раждаетъ „дѣтей, и будучи доволенъ собою, лучше „рѣшится не жить, нежели жить въ оди„начествѣ.„

Повѣрю я, что Дидеротъ, издатель и поборники могутъ только удивительнымъ образомъ понимать сію сугубую чепуху, и имъ только извѣстно, какъ можно *имѣть нужды*, не *имѣя ни въ чемъ недостатка*, хотя *нужда* дѣйствительно предполагаетъ

недостатокъ чего либо нужнаго; да сему инако и быть не можно, а наипаче знаютъ они, какимъ образомъ тотъ, *кто самъ собою доволенъ, лучше согласится не жить, нежели* проводить жизнь *въ одиначествѣ*: ибо чѣмъ непоняшнѣе для насъ сіе послѣднее выраженіе, тѣмъ безъ сумнѣнія болѣе потребенъ *особый даръ и философія*, дабы понять то, *погружаясь въ размышленіи*. Издатель говоритъ, что „Сенека множество истинъ „собираетъ въ одну купу, но *въ такомъ* иногда „*порядкѣ и съ такою точностію*, что они „будучи болѣе сближены, тѣмъ ощутите„льнѣе и очевиднѣе отъ того становятся. Слово *иногда*, правду сказать, показываетъ довольно значущее ограниченіе въ разсужденіи шести книгъ, и можетъ статься сіе мѣсто не заключается ли такъ же въ словѣ *иногда*. Но по мнѣнію моему нужно еще посмотрѣть *на порядокъ* и *точность* въ Сенекѣ, и тогда можетъ быть я скорѣе подумаю, что и сіи мысли не лучше соображены Сенекиныхъ; что *помѣщеніе въ одну куп*у не всегда предполагаетъ *порядокъ*, и изъ всѣхъ возможныхъ родовъ слога наиболѣе не достаетъ *точности* въ слогѣ Сенекиномъ. Но на сей разъ я не имѣю силы судить строго: Сенекинъ мудрецъ отнимаетъ у меня охоту: въ самомъ дѣлѣ мудрецъ сей, который *будучи самъ собою доволенъ, лучше хочетъ, нежели будетъ жить во одиначествѣ, беретъ за себя жену и раждаетъ дѣтей по обстоятельствамъ*, приводитъ мнѣ на память Д. Яфе-

ша, который весь измокши, и почти нагой и окостенѣвшій отъ холоду, такимъ образомъ философствуя, говоритъ (*):

Въ удовольствіе ваше я стану ближе къ огню.

Всѣ согласны въ томъ, что никто не говорилъ о старости лучше Цицерона, никто не умѣлъ лучше показать ея вознагражденія и ея наслажденій въ разсужденіи того, чего она лишается; но онъ не употребилъ ниодной изъ тѣхъ причинъ, которыя представлены Сенекою въ семъ небольшомъ *собраніи истинъ*, дабы возбудить въ насъ *любовь къ старости*, сказавъ: „Возлюбимъ старость и повергнемся въ объятія ея: въ „ней обрѣтаются услажденія для того, кто „умѣетъ ими пользоваться.„ Вы, можетъ быть, спросите, въ чемъ состоятъ оныя услажденія? Отвѣтъ у него готовъ: онъ не заставляетъ насъ долго дожидаться: „Плоды драгоцѣннѣе бываютъ послѣ поры „своей, такъ какъ и дни дѣтства пріятнѣе „кажутся, когда они оканчиваются. При„страстные къ напиткамъ находятъ ве„личайшую сладость въ послѣднихъ глот„кахъ вина, совершающихъ послѣднюю „степень ихъ упоенія. Все то, что въ удо„вольствіи бываетъ *самаго пріятнѣйша„го*, сберегается къ *концу* онаго.

Но сіе не составляетъ мыслей, а развѣ

(*) Pour vous faire plaisir, j'approcherai du feu.

только уподобленія; и такъ же есть ли какое сходство между старостію и *послѣднимъ степенемъ упоенія*, между старостію, которою жизнь оканчивается, и между юношествомъ, которымъ *оканчивается дѣтскій возрастъ*, а особливо между старостію и *сладкимъ концемъ удовольствія*? Не поражаетъ ли васъ такая точность въ отношеніяхъ, ихъ *глубокомысліе, правоученіе и важность*? Они такъ *важны*, что вы конечно уволите меня отъ подробнаго ихъ разсмотрѣнія. Сенека присовокупляетъ далѣе: „Я „даже мню, что на краю могилы можно вку„шать удовольствія, или по крайней мѣрѣ они „замѣняются тѣмъ, что уже болѣе ненужны.„ Это справедливо, но мало приноситъ утѣшенія, а лучше было бы, подобно Цицерону, изчислить истинныя удовольствія, доставляемыя старостію, и заставить любить оныя. Но не въ семъ одномъ случаѣ Сенека, будучи плодовитъ въ безполезномъ и ложномъ, не говоритъ почти ничего о нужномъ и истинномъ; наконецъ онъ прибавляетъ: „Ка„кое благополучіе для того, кто утишилъ „страсти, и зритъ ихъ вдали позади себя! Вотъ по крайней мѣрѣ одна справедливая мысль, но и та заимствована изъ Цицерона, и есть одна изъ такихъ, которою Сенека наилучше возпользовался, далѣе же сего остерегся сказать; однакожъ изписалъ двѣ страницы, чтобы объяснить сей стихъ Горацiевъ.

Omnem crede diem tibi diluxisse supremum.

Каждый день пропай для себя послѣднимъ.

Нѣсколько другихъ его писемъ составляютъ такъ же не иное что, какъ изполкованіе писемъ Гораціевыхъ, и между прочимъ о путешествіяхъ, въ коихъ проза философа, правду сказать, не стоитъ стиховъ поэта.

„Ты можешь исправить зло другимъ „зломъ, т. е. страхъ надеждою.„

Сіеже самое правило онъ и на другомъ мѣстѣ повторяетъ, гдѣ надежда почитается *зломъ*, чѣмъ самымъ природа какъ бы во лжи изобличается. Можетъ быть такъ умствовали Стоики; но сіе противно разуму.

Онъ совѣтуя, какъ и всѣ нравоучители, не простирать заботливости о тѣлѣ до порабощенія своего оному, говоритъ сходно съ общимъ мнѣніемъ: „Ты не будешь знать „цѣны добродѣтели, когда дороже цѣнить станешь тѣло.„ Но умъ Сенекинъ не упустилъ и тутъ случая изказить разумъ другихъ. „Мы будемъ пещися о тѣлѣ, про„должаетъ онъ; однакожъ не опречемся „ввергнуть оное въ пламень по первому ма„новенію ума, чести и долга.„ Безумолк„ный и неисправимый пустословъ! кто не скажетъ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ *ввергаться во пламень по манованію ума, чести и долга?* Но когда бы отъ него потребовали примѣровъ, то открылось бы, что отъ безумнаго отчаянія осажденные ввергались въ пламень, такъ же чувствованіе природы и любви, доведенное до изступленія опасностію любимыхъ предметовъ, *заставляло ввергаться* въ оный для

спасенія ихъ; но во всѣхъ сихъ случаяхъ не дѣйствовало *намѣреніе ни цѣли, ни чести, ни долга*, но нѣкое движеніе предшествующее размышленію.

„Мудрый мужъ во всякомъ случаѣ смо„тритъ на начало, а не на конецъ„. Но Лафонтенъ, почитающійся отголоскомъ всѣхъ мудрецовъ свѣта, сказалъ (*):

Во всякомъ дѣлѣ должно смотрѣть на конецъ.

И такъ не взирая на Сенеку, я остаюсь одного мнѣнія съ Лафонтеномъ и цѣлымъ свѣтомъ. Ежели Сенека разумѣлъ, что мудрый мужъ смотритъ во всемъ на сущность, а не на послѣдствіе дѣла, то для чегожъ бы ему не сказать такимъ образомъ, тогда бы сказанное имъ составляло весьма обыкновенную истинну, которая нимало не противорѣчитъ стиху Лафонтенову; потому что долгъ честнаго человѣка есть имѣть въ предметѣ сущность дѣла и конецъ; и по крайней мѣрѣ тогда выразилъ бы онъ мысль свою.

Въ разсужденіи попеченія о сохраненіи здоровья и въ разсужденіи движенія, способствующаго тѣлесному дородству, онъ почитаетъ *неблагопристойнымъ для ученаго человѣка дѣлать движенія руками*: но мнѣ случалось видѣть людей ученыхъ и преученыхъ, которые въ 40 и 50 лѣтъ отъ роду играли въ мячъ и шаромъ безъ *всякой неблагопристойности*. Онъ присовокупляетъ: „Хотя бы ты сдѣлался такъ „ученъ, сколько желаешь того, и хотя бы

(*) En tout chose il faut conſidérer la fin.

„ты въ плечахъ былъ широкъ до безмѣрно-
„сти, но никогда не сравнишься съ воломъ
„ни въ огромности, ни въ тяжести.„ Я въ
томъ совершенно согласенъ, но увѣренъ
такъ же, что никто и никогда сего не домо-
лался, кромѣ лягушки, описанной въ баснѣ.

„Я похваляю слѣдующее Эпикурово прави-
„ло: повѣрь мнѣ, что самая простая постеля
„и рубище придаютъ рѣчи сугубое величіе.„
По чему же? по тому, что простая посте-
ля здоровѣе перины и пуховика: пусть
такъ: равно какъ простая и скромная одеж-
да прилична честному человѣку, ежели чинъ
его не предписываетъ ему имѣть лучшую
одежду. Но когда рубище есть слѣдствіе
бѣдности, то оно возбуждаетъ единствен-
но состраданіе; ежели же оно есть плодъ
Циническаго ученія, то я такъ же, какъ
Сократъ скажу Антисѳену: *сквозь дыры
плаща твоего выглядываетъ твоя гордость.*
Но то справедливо, что слова въ иныхъ об-
стоятельствахъ могутъ *придать величіе
простой постелѣ и рубищу*, которыя сами
по себѣ онаго не имѣютъ.

„Предохранимъ сердца наши наипаче
„отъ весьма обыкновенной страсти къ сме-
„рти.„ Сіе показываетъ, что самъ Сенека
не почиталъ сію страсть весьма обыкновен-
ною, когда при всякомъ случаѣ совѣтуетъ
намъ презирать смерть, и когда въ семъ толь-
ко одномъ мѣстѣ предостерегаетъ насъ отъ
страсти къ оной: правду сказать онъ при-
бавилъ къ тому слово *наипаче*, которое
дѣлаетъ собою еще болѣе странности, не-

жели *страсть къ смерти*; включенная имъ въ первую статью между всѣми страстями, которыхъ остерегаться должно. Неизвѣстно мнѣ, говорятъ ли такимъ образомъ о *страсти къ смерти* даже въ Англїи, гдѣ существуетъ свойственная тамошнему климату болѣзнь, состоящая въ отвращенїи къ жизни, а въ Римѣ *сплинъ* не былъ извѣстенъ.

„Что можетъ содѣлать тебя равнымъ „божеству? деньги ли? но Богъ ничего не „имѣетъ. Тога ли претекста (*)? но Богъ „нагъ. Слава ли, или великолѣпїе и без„предѣльная знатность? но Богъ никому „неизвѣстенъ. Или сїя толпа невольниковъ, „носящихъ твои носилки? но Богъ самъ „носитъ цѣлый мірь.„

Признаться надобно, что здѣсь и во всѣхъ такого рода *истиннахъ* Сенека ничего не заимствовалъ ни у Сократа, ни у Платона, ниже у Цицерона, или у кого либо другаго; ибо всѣ сїи философы говорили основательно, что едина добродѣтель можетъ насъ приближить къ божеству; но оставалось Сенекѣ открыть таковые способы убѣжденія, дабы вразумить насъ, что нѣтъ другаго средства быть *равнымъ Богу*. Богъ все сотворилъ, все ему принадлежитъ, онъ

(*) Верхняя длинная одежда, обложенная съ низу багряною широкою нашивкою; которую носили Римскіе Консулы и другіе первостепенные чиновники.

раздѣляетъ всемъ: и что же онъ *ничего не имѣетъ? Онъ тѣло?* слѣдовательно у него есть *тѣло*, которое по видимому Сенека видѣлъ. *Онъ никому неизвѣстенъ?* но скорѣе можно повѣрить, что слава его такъ велика, что даже наши безбожники не могли лишить его оной. Но ежели сочинитель разумѣлъ, что существо Божіе *неизвѣстно*, то слова его заключаютъ въ себѣ нелѣпое двумысліе и противурѣчіе; потому что здѣсь рѣчь идетъ о *славѣ* и *знаменитости*. Но весьма удачно придумалъ онъ отвратить насъ отъ *носилокъ и носильщиковъ* (*), утвердившись на томъ, что самъ Богъ носитъ міръ. Здѣсь къ стати можно припомнить сказанное Дидеротомъ о томъ, что Сенека и его высокое, суть *рѣдкаго достоинства*!

(*) Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ Кавалеръ де Моденъ, остроумный и единственный въ своемъ родѣ человѣкъ, сочинилъ до ста стансовъ противъ употребленія носилокъ, которые случилось ему читать въ Версаліи въ одномъ собраніи, гдѣ находился такъ же и Аббатъ де Боамонъ проповѣдникъ Королевскій, долженствовавшій въ тотъ самый день говорить проповѣдь, коему приходятъ сказать, что время итти въ церковь, и что пришли уже его *носильщики*. Онъ извиняется предъ Кавалеромъ обстоятельствомъ, лишающимъ его удовольствія выслушать остальные стихи. *Честный отецъ, еще выслушайте одинъ куплетъ, и я не удержу васъ болѣе:*

„Ни дѣти, ни лишенные разсудка не „страшатся смерти. Какой же стыдъ, „когда здравый умъ не можетъ внушить „намъ той твердости, которую придаетъ „отсутствіе ума?„ Здѣсь опять встрѣчается тажде нелѣпость, которая выше показана, и Сенека такъ къ ней прилѣпился, что въ другой разъ подобное же выводитъ доказательство отъ несмысленныхъ скотовъ: столько то *онъ плодовитъ во истинахъ и во соображеніяхъ!*

Ежели бы сверхъ чаянія между нравоученіемъ его и поведеніемъ, равно какъ между его правилами краснорѣчія и ихъ употребленіемъ въ слогѣ его были какія либо отношенія, что заключеніе было бы для него обидно: но извѣстно, что одно не слѣдуетъ изъ другаго, то мнѣ пришло на мысль одно письмо его, въ которомъ онъ *о приличномъ философу краснорѣчіи* говоритъ такъ, что изъ того вы можете себѣ почерпнуть наставленіе, и гдѣ возстаетъ онъ противъ безразсуднаго порыва къ пустословію въ сочиненіи и изложеніи мыслей.

Какое странное зрѣлище!
Іисусъ несетъ на мѣсто казни
Крестъ, на которомъ прольется кровь его:
Преемники Златоустовъ
Носятся тѣми же самыми человѣками,
Для которыхъ Спаситель нашъ приноситъ
себя въ жертву. —

Г. Касалеръ, я васъ понимаю: Пусть отпустятъ моихъ насильщиковъ: я пѣшкомъ пойду. прим. Лаг.

„Какъ! ты долженъ разогнать мой страхъ,
„обуздать мои желанія, побѣдить мои пред-
„убѣжденія, отвратить меня отъ роскоши
„и скупости, и ты надѣешся успѣть въ
„томъ, такъ сказать, *на бѣгу*...? Что́жъ
„можно подумать о душѣ, когда *рѣчь сбив-*
„*чива, безпорядочна и ничѣмъ не управляет-*
„*ся*?... *Подъ сею громадою словъ примати-*
„*ваю я только великую пустоту, много шу-*
„*му, и нѣтъ никакого дѣйствія*... Философъ
„не долженъ допускать, чтобы текли слова
„его, но долженъ *соображать оныя и на-*
„*блюдать* въ томъ мѣру... Онъ можетъ воз-
„вышаться, однакожъ не унижая достоин-
„ства званія своего, *которое теряется отъ*
„*сихъ насильственныхъ оборотовъ и отъ*
„*сей безпѣрной пылкости, и проч.*„

Здѣсь нѣтъ нидного почти слова, ко-торое бы не говорило противъ слога во всѣхъ сочиненіяхъ Сенеки, который опу-стилъ только прибавить сіи слова: по-слѣдуйте мнѣ, дабы возобновить тѣмъ ба-сню о ракѣ, въ коей онъ учитъ, какъ дол-жно передомъ ходить. Отрывокъ сей слу-житъ совершеннымъ разрѣшеніемъ изслѣ-дованія, каковое уже сдѣлано, и далѣе мож-но сдѣлать всѣмъ сочиненіямъ сего писа-теля, который самъ же намъ доставилъ къ тому способъ. Какоежъ можно изъ того сдѣлать заключеніе? не то ли, что онъ по меньшей мѣрѣ зналъ очень хорошо, какъ должно поступать въ томъ, хотя и не исполнилъ сего? что имѣлъ здравый и просвѣщенный вкусъ, хотя слогъ его и не-

пріятелъ? отнюдь нѣтъ. Всякъ можетъ имѣть познанія и показывать оныя въ общей критикѣ, не пріобрѣтая отъ того дальнѣйшей способности къ ихъ употребленію не только въ сочиненіи, но даже въ сужденіи. Истинный вкусъ, равно какъ и истинный даръ познаются только изъ опыта. Надобно вникнуть въ предметы, когда хотимъ разсуждать объ нихъ въ писателѣ, или дѣлать имъ критическій разборъ, и тогда только можно усмотрѣть, способны ли мы исполнить сіе. Всего чаще случается намъ видѣть умы съ ложными понятіями, которые учатъ правильности, и надутыхъ сочинителей, которые хулятъ слогъ высокопарный. Подобно имъ и Сенека, совѣтуя наблюдать *мѣру въ словахъ и держать слогъ какъ бы въ уздѣ*, отъ всего сердца вѣрилъ, что ни одинъ сочинитель отъ сего не былъ изъятъ болѣе его. Дюбеллоа, выдавая себя великимъ почитателемъ Расина, даже обязался открыть намъ тайны красотъ въ его слогѣ, въ разсужденіи чего отзывалися, что въ семъ заключалась нѣкоторая сочинительская совѣсть: но надобно убѣдиться въ томъ: я же скорѣе повѣрю, что есть нѣкая скрытая совѣсть, которая весьма тихо и рѣдко говоритъ, и которую самолюбіе скоро заставляетъ молчать подобно такъ же, какъ страсть заглушаетъ угрызенія совѣсти въ злодѣѣ. Но совѣсть худыхъ писателей обыкновенно тревожится и раздражается въ той же степени мнѣніемъ, какое объ нихъ имѣетъ публика,

такъ что они не могутъ отъ себя скрыть сего, не взирая на всѣ усилія ихъ; потому что всеобщій гласъ всегда доходитъ до нихъ или нѣсколько ранѣе, или нѣсколько позже, и вотъ, чѣмъ наносятся тайные удары ихъ самолюбію. Тотъ же самый Дюбеллоа послѣ блистательныхъ успѣховъ умеръ почти отъ огорченія, будучи столько же увѣренъ въ томъ, что публика неиначе его почитала, какъ весьма плохимъ стихотворцемъ и весьма посредственнымъ трагическимъ сочинителемъ, какъ и въ томъ, что тажъ самая публика была предубѣждена противъ его: напротивъ того Сенека отъ публики не могъ испытать подобнаго ему холоднаго равнодушія и даже презрительнаго молчанія, послѣдовавшаго за легкомысленнымъ предубѣжденіемъ; но былъ въ свое время самымъ любимымъ писателемъ, заблужденіе же кончилось съ его жизнію; и уже Квинтиліанъ поставилъ его на свойственномъ ему мѣстѣ, хотя много еще пощадилъ его; при возстановленіи же наукъ въ Европѣ общее мнѣніе измѣнило его между сочинителями второй степени, хотя и тогда еще онъ нѣсколько былъ уважаемъ, но болѣе какъ нравоучитель, нежели какъ сочинитель; впрочемъ уваженію сему цѣна опредѣлена будетъ прежде, нежели окончана будетъ статья сія, долженствующая уже весити насъ далѣе.

Сенека пишетъ къ Луцилію: „Ежели „бы твой другъ зналъ, что такое есть *че-*„*стный человѣкъ*, что онъ бы не только

„не могъ надѣяться, но даже бы отчаевал„ся когда либо содѣлаться таковымъ.„ Когда бы Стоики говорили такимъ образомъ о своемъ мудрецѣ, который, можно сказать имъ, не могъ дѣйствительно существовать, но только въ ихъ *мечтаніи*, тогда бы большой бѣды и не было; потому что никто бы не повѣрилъ сему: но дѣлать изъ *честнаго человѣка феникса*, *который*, по словамъ сочинителя; *можетъ являться не болѣе, какъ единожды въ теченіе пяти сотъ лѣтъ*, сіе доказываетъ довольно нелѣпую философію; и ежели бы не изтекло сіе совершенно неимовѣрное положеніе, какъ и множество другихъ, стольже странныхъ мнѣній, изъ того же пера; то бы долженствовало оно послужить къ уклоненію отъ обязанности быть *честнымъ человѣкомъ*, извиненіемъ для того, кто не есть честный человѣкъ, приведеніемъ въ уныніе, кто хотѣлъ бы онымъ быть, и обидою для того, кто уже есть честный человѣкъ.

„Чистая совѣсть ищетъ свидѣтелей, а „нечистая даже въ пустынѣ не можетъ „быть спокойна.„ „Лучше было бы сказать: чистая совѣсть не боится свидѣтелей, и не имѣетъ нужды въ нихъ; а злодѣй даже наединѣ оныхъ страшится.

„Ты стыдишься учиться добродѣтели: „развѣ для столь важнаго *искуства* низко „имѣть *учителя*? Не ужели ты надѣешся, „что случай прольетъ ее дождемъ въ твою „душу?„

Софистъ могъ бы выдавать себя *защитителя добродѣтели*, и назвать ее искуствомъ съ тѣмъ, чтобы за наставленія свои получить плату или снискать похвалу: философу же надлежало бы знать, что теоретическое нравоученіе можетъ назваться *искуствомъ*, напротивъ того практическому нравоученію или *добродѣтели* не можетъ быть присвоено сіе названіе, и ученіе, равно какъ и упражненіе въ оной, составляетъ предметъ касающійся до Бога и совѣсти. *Но случай, дождемъ проливающій добродѣтель*, есть не иное что, какъ нелѣпица, каковыхъ у него находится великое множество, а сіе самое подаетъ мнѣ поводъ предварить, что я не намѣренъ болѣе останавливаться на погрѣшностяхъ противъ слога, хотя они весьма многочисленны, но гораздо маловажнѣе, нежели погрѣшности противъ смысла.

„Поучаясь добродѣтели, мы отвыкаемъ „отъ порока.„ Очень хорошо: но зачѣмъ же было прибавить? „Отъ добродѣтели не льзя отвыкнуть.„ Онъ нея легче можно отвыкнуть, нежели отъ порока: это есть такая истинна, которая опытомъ доказана.

„Фило офія требуетъ единственно по„чтенія.„ Слѣдовательно Богъ снисходительнѣе философіи и не столь любочестивъ, когда требуетъ только, чтобы его любили.

„Нѣтъ причины желать старости., но „она такъ же не заслуживаетъ, чтобы и опвергали ее.„ Сіе сказано довольно остроумно и свойственно Сенекѣ, когда онъ не выходитъ

своихъ предѣловъ; но онъ прибавилъ къ тому: „Впрочемъ не рѣшено еще, должно ли „отказаться отъ послѣднихъ лѣтъ старости и предварить ее смертію, не дожидаясь ея.„ *Не рѣшено еще!* однакожъ я сего надѣюсь: какое же намъ тѣмъ окажешь одолженіе! *Подлинно*, говаривалъ Вольтеръ, когда былъ въ веселомъ духѣ, *философы забавные люди!* Удивительно, по чему комедія такъ мало воспользовалась столь плодовитымъ предметомъ (*), для котораго не достало бы всего Мольера.

„До старости я помышлялъ только о „томъ, какъ бы лучше пожить: теперь помышляю, какъ бы лучше умереть, то есть „съ спокойнымъ духомъ.„ Здѣсь есть здравый смыслъ, котораго я не оставляю безъ замѣчанія, когда встрѣчается.„ Нужду чувствуютъ только не покорствующіе, но съ „покорностію оная прекращается.„ Еще лучше сказано, равно какъ и слѣдующее мѣсто о потерѣ нашихъ друзей. „Поспѣшимъ насладиться друзьями своими; потому что неизвѣстно намъ, долго ли еще можемъ пользоваться ими. Когда разсудимъ, сколь часто мы ихъ оставляемъ, „предпріемля долговременныя путешествія,

---

(*) Сочиненіе Г. Палиссота подъ названіемъ, *философы*, наполнено остроты, вкуса и пріятности, но оно несравненно бы болѣе получило комическаго украшенія, ежели бы еще позже было написано. *Примѣч. Лекарта.*

„сколько времени проводимъ въ одномъ съ „ними мѣстѣ, не видя ихъ; то убѣдимся, „что не столько ихъ лишаемся смертію „сколько по другимъ обстоятельствамъ. „Но что сказать о тѣхъ безумцахъ, кото„рые не брегутъ о друзьяхъ своихъ и кру„шатся о потерѣ ихъ?„ Они любятъ дру„зей, которыхъ уже лишились; остаются „безутѣшны въ печали по тому, что опаса„ются, дабы въ любви ихъ не усумнилися; „но они уже весьма не въ пору стараются доказать любовь свою.„ Вотъ, что должно разсматривать и замѣчать въ нравоучителѣ. Для чегожъ Дидеротъ не приводитъ совсѣмъ подобныхъ мѣстъ, которыхъ у Сенеки мало встрѣчается? Однакожъ между прочимъ есть у него цѣлое письмо о томъ; какъ должно поступать съ слугами, которое, за небольшимъ изъ него изъятіемъ, почитается за наилучшее изъ всего собранія; но Дидеротъ и о немъ ничего не упоминаетъ, и я охотно бы его выписалъ, ежели бы не показалось мнѣ довольно, слѣдуя справедливости, замѣтить только о немъ въ сей статьѣ, въ коей не могу я достигнуть предположенной цѣли, ежели не распространюся нѣсколько болѣе, нежели бы сколько было желательно. Для чего, говорю, Дидеротъ не представляетъ намъ ничего подобнаго въ семъ родѣ? Не для того ли, что есть люди (и между ими женщины), которые не шутя забрали себѣ въ голову, что умъ не можетъ быть согласенъ со здравымъ разсудкомъ: это правда,.... ежели говорить о ихъ разумѣ.

„Несомнѣннымъ знакомъ несовершенства, „служитъ то, ежели есть способъ къ прира- „щенію онаго.„ Я согласенъ; но вмѣсто того, чтобъ изъ сего заключить, что мы будучи несовершенны, должны стараться о *приращеніи* того, что въ насъ находится добраго, то есть мудрости и добродѣтели, Сенека дѣлаетъ заключеніе, что добродѣтель и мудрость, составляя *верховное благо, не подлежатъ въ насъ ни приращенію, ни умаленію; что всѣ добродѣтели совершенны; потому что всѣ божественны*, и проч. Не знаю, можетъ ли кто хуже судить Стоиковъ, и какъ такіе *важные* мужи не понимали, что въ существѣ несовершенномъ всѣ качества суть несовершенны, слѣдовательно мудрость, совершенная въ Богѣ, можетъ ли быть такова же въ человѣкѣ? А такимъ образомъ могли бы они сказать, что и понятіе наше безпредѣльно; потому что оно изтекаетъ отъ понятія Божія, которое не имѣетъ предѣловъ. Но намъ все въ удѣлъ дано въ нужной соразмѣрности съ нашею природою, и самъ Богъ не могъ даровать совершенства, которое только въ немъ самомъ обрѣтается. *Это бредни Зиноновы*, скажутъ намъ. Я это знаю, но на что жъ было Сенекѣ дѣлать изъ нихъ столько раздробленій, которыя выдаете вы за образецъ краснорѣчія, хотя въ самомъ дѣлѣ они наводятъ только одну скуку?

„Медленная смерть всегда бываетъ весь- „ма мучительна.„ Положимъ, что это *всегда* справедливо: для чегожъ сочинитель поставилъ въ числѣ выгодъ старости *медленное*

и постепенное ея разрушеніе? Въ семъ явное заключается противорѣчіе, и Сенека безпрестанно говоритъ на другой страницѣ противное тому, что сказано на первой, и даже часто противорѣчитъ на той же самой страницѣ: такимъ же образомъ утверждаетъ онъ, что *необходимость любить неразлучна съ человѣкомъ* (что и справедливо), но строки чрезъ четыре говоритъ, что *мудрый мужъ самъ собою доволенъ*: слѣдовательно по крайней мѣрѣ сія *необходимость любить* не состоитъ въ томъ, чтобы любить самаго себя (ибо въ семъ не было бы смысла, и сочинитель не сіе разумѣетъ), то что жъ за существо такое, *которое само собою довольно, и съ которымъ необходимость любить неразлучна?* Впрочемъ я не буду уже болѣе останавливаться на противорѣчіяхъ сего рода по ихъ безчисленному множеству.

Но вотъ умъ и при томъ умъ высокій. Вы, можетъ статься, желаете знать причину тому. Мысль сія заимствована изъ Платона, и Сенека, который, кажется, болѣе цѣнитъ оную, нежели его издатель, упоминаетъ о томъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *своихъ писемъ*, и я охотно пользуюсь симъ случаемъ. „Почудимся симъ тѣламъ, наполня„ющимъ пространство, и посреди ихъ благо„дѣющему Богу, коего премудрость испра„вляетъ недостатки вещества, и блюдетъ „міръ отъ разрушенія, который самъ по себѣ „не есть неразрушимъ. Ежели міръ суще„ствуетъ и сохраняется, то, обязанъ симъ „попеченію нѣкоего блюстителя; ежели бы

„онъ былъ вѣченъ, то не имѣлъ бы въ томъ „нужды. И такъ должно, чтобы таже са„мая десница поддерживала его, которая его „сотворила, и чтобы могущество Творца „подкрѣпляло слабость творенія.„

Когда послѣ отрывка сего усматриваемъ, хотя и въ иномъ *письмѣ*, что *самая гнусная* смерть предпочитается *самому честному* рабству, тогда чувствуемъ, что мы упадаемъ съ высоты, и преходимъ отъ генія Платонова къ уму Сенеки, у коего противоположенія заступаютъ мѣсто доказательствъ, и даже тамъ, гдѣ онъ утверждаетъ, что самоубійство достаточно ознаменовано въ *вѣчномъ законѣ, которымъ къ жизни открытъ только одинъ путь, а изъ жизни тысяча путей.* Шутка сія не худа, но заключеніе въ ней слишкомъ странно, и подобныхъ мыслей не льзя назвать *важными*.

Чтобы доказать, что преимущество наше предъ прочими животными состоитъ въ разумѣ, Сенека говоритъ: „У человѣка есть „голосъ: но не *звончае ли* голосъ у собакъ? „не *пронзительнѣе ли* оный у орловъ, и не „*гуще* ли у воловъ?„ Его орловъ и съ ихъ пронзительнымъ голосомъ оставимъ безъ замѣчанія; но весьма неприлично приводить *звонкій* голосъ собакъ и *густый* голосъ быковъ для противуположенія орудію голоса человѣческаго, и говоря объ орудіи семъ, ссылаться на *важность густаго* голоса быковъ столь же странно, какъ и то, когда

Сенекины поборники напыщеніе его называютъ *важностію* слога.

Онъ мысли свои изкажаетъ не только многословіемъ, или разнорѣчіемъ и нелѣпыми подробностями, но часто даже неспособностію выразить вразумительнѣе однимъ разомъ то, что онъ худо выражаетъ въ нѣсколько пріемовъ, на примѣръ мысль его основательна и благородна, что тому, кто принялъ твердое намѣреніе умереть за свое отечество, столько же сіе приноситъ чести, какъ и тому, кто уже исполнилъ оное. Но какъ же онъ ее выражаетъ? „Ты *умрешь* „за отечество, хотябы намѣреніе твое тотъ„часъ и не исполнилось, коль скоро убѣдишь„ся ты, что должно сіе исполнить.„ Такой оборотъ рѣчи какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ несвязенъ и едва вразумителенъ, особливо по причинѣ двусмыслія будущаго времени, *ты умрешь*, чѣмъ наводится сумнѣніе, въ положительномъ ли или иносказательномъ смыслѣ сіе разумѣется? Но мысль его была бы и полна и удобопонятна, ежели бы онъ сказалъ: „когда ты убѣжденъ, „что должно и рѣшился умереть за отече„ство, коль скоро сіе потребуется; то „сего довольно: жизнь твоя уже принесена ему „въ жертву, хотя бы и не представилось „еще къ тому случая, и смерть твоя уже „приията отъ отечества.„

„Ты желаешь знать, что я думаю о „свободныхъ наукахъ. Я не уважаю ихъ, и „не поставляю въ числѣ *благъ*: потому что „они поощряются только приманкою коры-

„сти, и суть науки продажныя, низкія, со„ставляющія дѣтское упражненіе; и проч„

Издатель и Дидеротъ равно опорочили сіе мѣсто, яко противное не только справедливости, но даже простирающееся до нелѣпости, какъ будто бы всякое законное возмездіе дѣлаетъ всякой трудъ *презрѣнныимъ*. Сенека далеко не постигъ сего чуднаго Промысла въ разсужденіи взаимнаго отношенія со стороны нуждъ и трудовъ и въ разсужденіи выгодъ произпекающихъ для каждаго, когда работаемъ для другихъ, трудяся для себя самихъ, и даже весьма сумнительно, чтобы тѣ, которые столь праведно возстали противъ сего порицанія его, иное что либо подъ тѣмъ разумѣли, какъ уничиженіе только изящныхъ наукъ.

Забавно такъже мимоходомъ взглянуть на разборчивость его вкуса и силу доводовъ, когда онъ совѣтуетъ не дожидаться смерти, когда жизнь *изтощена*, и чѣмъ же *изтощена*? „Ты испыталъ вкусъ въ винѣ и меду. „Какая нужда до того, что въ чревѣ тво„емъ вмѣщалось сто или сто тысячъ бо„чекъ? Ты совершенно въ семъ случаѣ „подобенъ мѣху. Не испыталъ ли ты такъже „вкусъ въ устрицахъ и въ барвенѣ? и проч.„

Изъ сего явствуетъ, что въ такомъ случаѣ не стоитъ хлопотъ жить болѣе. Вотъ, въ чемъ состоитъ *важность*, *правоученіе философія*, да и слогъ не уступаетъ мыслямъ.

Дидеротъ увѣряетъ насъ, что „ежели „бы Сенека опять на свѣтъ явился, то бы

„онъ сталъ болѣе жалѣть о худо соображен-
„ныхъ умствованіяхъ своихъ, нежели о
„дурныхъ оборотахъ рѣчи.„ Въ словахъ сихъ
былъ бы нѣкоторый смыслъ, когда бы Сенека не
впадалъ столь же часто въ одну крайность,
какъ и въ другую. Но ежели изъ приведен-
ныхъ мѣстъ открывается, что онъ не лучше
умствовалъ, какъ и писалъ; то какъ же мо-
жетъ послужить ему извиненіемъ одно вмѣ-
сто другаго? Дидеротъ далѣе присовокуп-
ляетъ: „Сенека не *хочетъ*, чтобы философъ,
„ни дажеораторъ пеклися о украшеніи и
„чистотѣ слога: но онъ предпочитаетъ
„сильную рѣчь уборной.„ Сенека *не хочетъ*!
чтожъ изъ сего слѣдуетъ? не то ли, что
слова его заключаютъ въ себѣ нелѣпицу, и
вѣроятно такимъ образомъ сказать онъ имѣлъ
свои причины. За чѣмъ же повторять оную?
Ежели сіе клонится къ наставленію, такъ
по крайней мѣрѣ *украшеніе и чистота*
слога не могутъ быть помѣхою мыслямъ,
и нѣтъ толку въ томъ, чего *хочетъ* Сене-
ка. Приступая къ сочиненію чего либо, на-
добно *прилагать тщаніе*, сколько возможно
писать лучше: но когда философъ пишетъ
безтолково, то его читать не будутъ. Что
же касается до сказаннаго Сенекою объ
ораторѣ, то не заслуживаетъ даже от-
вѣта, но довольно будетъ сослаться на ба-
сню о безхвостой лисицѣ. Сенека любитъ,
чтобы въ ораторѣ было болѣе *силы*, неже-
ли *принужденнаго украшенія*: это удиви-
тельно, то есть онъ любитъ болѣе хорошее
качество, нежели дурное: сила есть весь-

ма хорошее качество въ краснорѣчіи, ежели она только у мѣста; напротивъ того *напяжка* во всякомъ случаѣ за порокъ почитается; и было ли когда либо похваляемо *принужденное* въ слогѣ *украшеніе*? Слѣдовательно одинъ *философъ* сказалъ глупо, а другой повторилъ тоже самое. Не заслуживаетъ ли сіе уваженія?

Утѣшеніе къ Марціи и таковоеже *къ Гельвіи* собственно не иное что суть, какъ двѣ высокопарныя рѣчи софиста, изъ коихъ первая оплакивала уже три года своего супруга, а Гельвія мать Сенекина лишилась младшаго своего сына. *Утѣшитель* говоритъ Марціи, что не горесть, а обыкновеніе бываютъ причиною продолжительной печали и слезъ. Какъ утѣшительно слышать сіе той, которая крушится уже столько времени, и могла бы ему отвѣчать: когда такихъ ты мыслей о моей горести, то на что было столько принимать труда въ моемъ *утѣшеніи*. Но болѣе ли *основателенъ* Сенека такъже и въ своихъ заключеніяхъ? онъ говоритъ другой: „правда твой сынъ очень рановременно умеръ: „но Помпей, Катонъ, Цицеронъ и премногіе „другіе едвали прожили бы еще долѣе одного „года.„ Дидеротъ говоритъ, что *сіе сказано язвительно*. Ежели бы онъ лишился дочери, и его бы встрѣтили подобнымъ *утѣшеніемъ*, тогда не сказалъ ли бы онъ: *какой вздоръ*? Чтобы утѣшить меня въ дѣйствительной потерѣ, ты представляешь мнѣ только о возможномъ и случайномъ нещастіи. Пожалуй лучше замолчи и знай, что нѣтъ

лучшаго утѣшенія для огорченнаго человѣка, кромѣ раздѣленія съ нимъ горести его.

„Похороны дѣтей обыкновенно кажут-„ся рановременными, когда при оныхъ при-„сутствуютъ матери.„ Ты на сей разъ сказалъ дѣльно: поплачь же со мною.

Прочія нравственныя сочиненія Сенекины суть разсужденія: *о гнѣвѣ, о благодѣяніяхъ, о милосердіи, о спокойствіи души, о праздномъ времени мудраго мужа, о краткости жизни, о твердости мудраго мужа, о провидѣніи*, въ коихъ повсюду видѣнъ тотъже слогъ, тотъже духъ, и разсужденія его подобны его *письмамъ*, а *письма* разсужденіямъ его, и о чемъ хорошо сказать можно было, то составляетъ третью часть, а хорошо сказанное заключается на нѣсколькихъ только страницахъ.

Сенека утверждаетъ, что гнѣвъ *несроденъ естеству человѣческому*, потому что *онъ не иное что есть, какъ влеченіе къ мщенію.* Но первая ложь такъ очевидна, что издатель и самъ защитникъ въ оной признаются; вторая хотя не столь ощутительна, однакожъ такъже есть ложь, о которой ни слова ими не сказано. Гнѣвъ не есть *желаніе* или *влеченіе* къ мщенію, хотя часто сіе желаніе слѣдуетъ за онымъ или сопровождаетъ его, и всего чаще случается, что мы приходимъ въ гнѣвъ, не чувствуя впрочемъ никакого желанія къ причиненію зла. И такъ гнѣвъ есть сильное движеніе души, которое силится отразить то, что

ее раздражаетъ: но отъ Сенеки не должно требовать опредѣленій, и я сумнѣваюсь, чтобы во всѣхъ его сочиненіяхъ можно было найти хотя одно хорошее опредѣленіе, и когда присовокупляетъ онъ, что гнѣвъ *несвойственъ человѣку, потому что человѣкъ по естеству своему не желаетъ мстить*, то сооружаетъ ложь на лжи, и умствуетъ такъ же, какъ и опредѣляетъ.

„Ежели это есть Богъ, который посы„лаетъ на насъ казни; то напрасны усилія „тѣхъ, которые ожесточаются противъ его, „равно какъ и напрасно покушаются умило„стивить его.„ Когда Сенека о Божествѣ имѣлъ такое понятіе, то онъ *погубилъ свой трудъ*, говоря намъ столько о немъ, которое у него какъ здѣсь, такъ и на многихъ другихъ мѣстахъ столькоже равнодушно, какъ и божество Эпикурово. Кто *ожесточается противъ Бога*, тотъ не только безуменъ, но есть вкупѣ и преступникъ, и ежели бы Богъ былъ непреклоненъ, то онъ былъ бы злѣе человѣка, котораго *умилостивить* можно. Замѣтите при семъ случаѣ, колико иногда понятія въ древней философіи о Божествѣ были неосновательны, и даже понятія Платоновы, Цицероновы, Плутарховы, хотя они почитаются изъ всѣхъ прочихъ лучшими, не были изъяты отъ заблужденій, и нерѣдко врожденное впечатлѣніе приносило въ семъ случаѣ болѣе пользы, нежели философія. Но мы разсматриваемъ здѣсь только заблужденія Сенеки, который противоумствованіе свое, что *же-*

ханіе къ мщенію несвойственно человѣку, хочетъ доказать только тѣмъ, что судьи, подвергая виновныхъ наказанію, нимало не имѣютъ желанія показать надъ ними свое мщеніе. Сіе свойственное ему отсутствіе логики и почти невольный недостатокъ разсудка неразлучны съ нимъ, и хотя онъ увѣряетъ насъ, что *гнѣвъ есть страсть, которая обладаетъ цѣлыми обществами*, однакожъ ему должно бы сіе быть извѣстно, что когда Кимвры, Тевтоны и Амброны напали на Галлію и Италію, то сіи довольно многочисленныя *общества* отнюдь не были подстрѣкаемы къ тому *гнѣвомъ*, но обладающая ими, какъ и многими другими варварскими народами, страсть была единственно желаніе чуждаго стяжанія.

Онъ говоритъ Нерону, къ которому обращаетъ свое разсужденіе о *милосердіи*: „Самое тягостное рабство величія состоитъ „въ томъ, что не льзя оставить онаго; но „сія необходимость равняетъ тебя съ богами, „для которыхъ небо служитъ темницею.„ Но это единственно есть риторскій оборотъ рѣчи; потому что боги, какъ въ древности вообще вѣрили, оставляли сію темницу, когда желали, и извѣстно, до какой степени они любили превращаться въ человѣческій образъ, и даже по основанію правилъ философическихъ и Сенекиныхъ богъ есть вездѣсущъ. И такъ подобное выраженіе извинительно только для молодаго ученика, а не для состарѣвшагося наставника.

Повѣствуютъ, что Лисимахъ по приказанію Александра отданъ былъ на сѣденіе льву, и что онъ, будучи безоруженъ, побѣдилъ сего лютаго звѣря. Разсказомъ симъ, который всегда почитался за басню, и Квинтъ Курцій ничего о немъ не упоминаетъ, Сенека не преминулъ воспользоваться, дабы сдѣлать въ рѣчи слѣдующее обращеніе: „Вопро„шаю тебя, Александръ, есть ли какая раз„носпь въ томъ, чтобы отдать Лисимаха „на снѣденіе льву, или самому тебѣ разтер„зать его?„ Негодованіе, внушаемое лютостію дѣлаетъ, сію иперболу витійственною, придающую сему мѣсту силу — силу похвальную и кстати употребленную. Но сочинитель не тотъ человѣкъ, которой бы могъ на семъ мѣстѣ остановиться; онъ присовокупляетъ: „его звѣрь былъ твоею горта„нію, ты безъ сомнѣнія даже желалъ бы „имѣть его когти и столь же большую „пасть, дабы пожрать человѣка.„ Это не иное что есть, какъ бредъ души, и подобная смѣсь встрѣчается такъже и въ слѣдующемъ отрывкѣ, неоднократно уже приведенномъ о смерти Катона: „Вотъ два борца „достойные воззрѣнія Бога: непоколебимый „человѣкъ борющійся съ злощастіемъ„ — доселѣ сказано изящно — „особливо ежели онъ наступаетъ.„ Въ сихъ словахъ нѣтъ смыслу и фигура не имѣетъ связи; ибо между двумя борцами ни который *не дѣлаетъ нападенія*; какъ же Катонъ могъ *нападать на злощастіе*, когда онъ умертвилъ себя для того, чтобы избѣжать его ударовъ? Такая не-

сообразность простительна только малымъ дѣтямъ. „Боги были исполнены чистѣйшей „радости, взирая, когда сей великій мужъ, „сей истинный поборникъ вольности бдѣлъ „о безопасности своего семейства, изыскивая средства къ спасенію его; когда онъ „упражнялся даже въ наукахъ въ ту самую „ночь, которая предшествовала его смерши;„ — до сего мѣста такъ же изящно; — „когда „онъ вонзилъ кинжалъ въ непорочную грудь свою;„ — сіе такѣже еще сносно по образу мыслей языческихъ;— „когда онъ терзалъ свою „внутренность, и *своими руками извлекъ* „*чистѣйшую душу свою, дабы она не о-*„*скверниласъ оружіемъ*.„ Высокопарность сія достойна сожалѣнія, и лучше было бы отвратить сіе зрѣлище *терзаемой внутренности*, которое болѣе показываетъ неистовствующаго человѣка, нежели мудраго мужа: но сіе выраженіе *извлечь своими руками душу свою* есть недостойно всякаго разсудительнаго писателя, равно какъ и мысль сія, что *оружіе осквернило бы болѣе душу Катонову*, нежели *его руки*, есть совершенно нелѣпа и несообразна, какъ будто бы прикосновеніе къ душѣ перваго было чувствительнѣе рукъ, и какъ будто бы Катонъ, умерщвляя себя, не употребилъ *оружія*, и будто бы оружіе могло болѣе *осквернить душу*, нежели *руки*: вотъ три нелѣпости въ трехъ словахъ заключающіяся: въ семъ ли должно состоять *рѣдкое свойство*?

„Боги надѣляютъ щастіемъ единствен-„но души презрѣнныя и ничтожныя.„ Одна-

кожѣ во всѣ времена признавали сіе за истинну, что щастіе есть самый трудный искусѣ для благоразумія, и Титѣ Ливій, съ общею отъ всѣхъ похвалою говоритъ: *secundae res sapientium animos fatigant*, т. е. щастіе служитъ бременемъ для мудрыхъ. Сенека будучи самымъ богатымъ человѣкомъ и долгое время находясь въ силѣ и знатномъ чинѣ, почиталъ ли себя тогда презрѣннымъ предъ богами? Впрочемъ бываютъ у него такія минуты, въ кои цѣль его нравственности кажется до чрезмѣрности ограниченною, какъ то видно въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ онъ: „Я не намѣренъ равняться съ „самыми добродѣтельными, но превзойти „злыхъ.„ Однако же благоразуміе требуетъ стараться, сколько возможно, быть лучшими со стороны поведенія: тогда по крайней мѣрѣ по возможности болѣе въ томъ успѣешь; но какую пользу получить можно, ставя себя въ сравненіе съ злыми? да и повѣритъ ли кто, чтобы въ семъ состояла цѣль ревнованія философа, чего конечно не имѣетъ въ виду человѣкъ честный?

Хотя я уже предварилъ, что не буду упоминать о противорѣчіяхъ, но слѣдующее противорѣчіе до того непонятно, что я не могу прейти о немъ молчаніемъ: „Можноли „сумнѣваться въ томъ, что *мужъ мудрый* „въ изобиліи менѣе находитъ случая явить „свою душу, нежели въ бѣдности?„ Не Сенека ли самъ сказалъ, что *боги падѣляютъ щастіемъ только души презрѣнныя*?

По словамъ Дидерота, „разсужденіе *о „ентвѣ* есть совершенное въ своемъ родѣ „произведеніе, въ коемъ сочинитель являетъ „себя глубокимъ нравоучителемъ, превосход„нымъ умствователемъ и нерѣдко изящнымъ „живописцемъ.„ Похвала сія равномѣрна со всѣми прочими, коими онъ превозноситъ разныя сочиненія своего любимаго философа, и изъ правилъ его, коимъ онъ слѣдовалъ въ разсмотрѣніи твореній его, можно только заключить то, что онъ не былъ скупъ на *совершенство*, и чѣмъ болѣе почиталъ для себя позволительнымъ утверждать, тѣмъ менѣе поставлялъ себѣ въ обязанность доказывать, и сіе послѣднее качество находится во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Онъ не преминулъ въ семъ *превосходномъ своемъ умствователѣ* и даже въ семъ самомъ разсужденіи, равно какъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, сдѣлать своихъ замѣчаній противъ самыхъ несносныхъ нелѣпостей, которыя самимъ имъ за таковыя признаны, и весьма сильныя выраженія, употребленныя противъ Сенеки, не изтекли здѣсь изъ пера *подосителей* его, но изъ пера самого поборника его, который дѣлаетъ противъ него слѣдующія возраженія:„ Это свой„ственно глупцу.... это показываетъ подла„го раба... ты требуешь невозможнаго, даже „вреднаго... Сенека, философъ мой, что ты „дѣлаешь? ты умышленно разпространяешь „ядъ... повторяю, Сенека гнусенъ мнѣ... „я прихожу въ нѣкоторый родъ негодова„нія, и проч. и проч. И кто жъ? не Дидеротъ

ли говоритъ такимъ образомъ? и въ тоже время, по словамъ его, кто были *критики* Сенекины?„ невѣжды, не читавшіе его; зави„стники, читавшіе его съ предубѣжденіемъ, „распутные Эпикурейцы и ненавидящіе стро„гаго его нравоученія, словесники предпо„читающіе чистоту слога чистотѣ нравовъ.„ Не тотъ ли же Дидеротъ такъ выражается? Я не знаю, въ которое изъ сихъ отдѣленій онъ себя ставитъ; впрочемъ ниодинъ *критикъ*, сколько мнѣ извѣстно, не хулилъ сшолько Сенеку, коего укоряя *въ противорѣчіяхъ, въ пустыхъ тонкостяхъ, въ возмутительныхъ правилахъ, въ видахъ противныхъ обществу, суевѣрныхъ, малодушныхъ, вѣроломныхъ и въ духѣ скрытномъ*, часто заключенія свои противъ него доводитъ до нелѣпости, въ чемъ и не заключается трудности. Вы можетъ быть спросите, какъ онъ согласшаетъ свои похвалы съ такимъ множествомъ укоризнъ, изпровергающихъ оныя? Но Дидеротъ столже мало о томъ *заботится*, чтобы быть согласнымъ съ самимъ собою, какъ и Сенека, и всегда помнитъ только ту страницу, которую пишетъ, забывая сказанное имъ на другой страницѣ: такимъ образомъ усматривая наконецъ самъ удары, наносимые имъ своему герою философіи, отдѣлывается только сими словами, что *надобно извинить Сенеку*, потому что *нѣтъ ничего естественнѣе и обыкновеннѣе, какъ выходить изъ границъ истины, защищая свое дѣло*: въ самомъ вѣщи *нѣтъ ни-*

чего естественѣе сего для головъ разгоряченныхъ и для умовъ съ худымъ вкусомъ, которымъ безъ сомнѣнія простить сіе можно, ежели равномѣрно намъ *простятъ*, что мы ихъ весьма мало уважаемъ, и ежели притомъ вспомнятъ, что изящные умы и искусные писатели не имѣютъ нужды, чтобы ихъ въ томъ *извиняли*.

Сверхъ же того Дидеротъ по нещастію порочитъ въ Сенекѣ истинное точно такъ же, какъ и ложное, чему я теперь же представлю доказательство. Надобно было опровѣчать тѣмъ, которые весьма неправильно утверждали, что гнѣвъ самъ по себѣ полезенъ и служитъ къ поддержанію и поощренію нѣкоторыхъ добродѣтелей, напримѣръ храбрости во время сраженія, какъ будто бы не льзя иначе быть храбру, какъ только при содѣйствіи гнѣва, и будто главнымъ достоинствомъ храбрости не можетъ быть спокойствіе духа и хладнокровіе, которыя оную опличаютъ отъ изступленія и безразсудности. Сенека въ семъ мѣстѣ весьма благоразумно, хотя по обыкновенію своему слишкомъ подробно разсуждая, говоритъ по сему случаю: „Добродѣтель была бы весьма „нещастна, когда бы имѣла нужду въ помо„щи пороковъ.„ Это можетъ быть одна изъ самыхъ *прекраснѣйшихъ строкъ* (скажу я языкомъ Дидерота), которыя вышли изъ подъ пера Сенекина. Но на сей разъ Дидеротъ несогласенъ съ симъ мнѣніемъ, и не поставляетъ страсти въ числѣ *пороковъ*; хотя и говорится здѣсь о гнѣвѣ, какъ о при-

вычкѣ, что по Латини называется *iracundia* (гнѣвливость), каковаго слова нѣтъ въ языкѣ Французскомъ, чтобы существительнымъ именемъ означить разность между человѣкомъ, который обѣятъ гнѣвомъ, и который склóненъ ко гнѣву: слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что слово *iracundia* (гнѣвливость) есть порочная привычка, страсть, порокъ. Но Дидеротъ утверждая противное сему, отвергаетъ, что *страсть* не есть *порокъ*. Однако мы называемъ *страстями* въ прямомъ и общемъ смыслѣ безпорядочныя движенія души, и когда хотимъ сему слову дать благопріятное значеніе, то для сего обыкновенно присовокупляемъ приличное прилагательное имя, какъ на примѣръ *страсть благородная, похвальная*, и проч. каковый образъ выраженія употребляется и во всѣхъ языкахъ. Но какъ же Дидеротъ доказываетъ свое мнѣніе? такъ, какъ онъ дѣлаетъ обыкновенно. Ему *кажется непонятно, какимо образомо существо чувствами одаренное можетъ дѣйствовать безъ страсти*, а по сему, какія бы по естественныя движенія ни были, онъ почитаетъ, за одно съ движеніями порочными, которыя извѣстны подъ именемъ *страстей*. Но дабы насъ вразумить, что *никто не дѣйствуетъ безъ страсти* (хотя само по себѣ выраженіе сіе *дѣйствовать по побужденію страсти* вообще у всѣхъ пріемлется въ худую сторону), то для сего довольно ему кажется двухъ строкъ, и больше ни слова: „Судья судитъ „безъ страсти, однакоже по *склонности или*

„*по страсти* онъ есть судья.„ Я одного только Дандина знаю, который былъ *судьею по страсти*, и многихъ зналъ, которые даже *по склонности* не были судьями, не смотря на то, что *склонность* отнюдь не есть страсть: но какое до того дѣло Дидероту? И такъ вы видите, что онъ ни въ чемъ не уступаетъ Сенекѣ, и подобно ему такой же *превосходный чувствователь и изящный правоучитель*. Въ семъ-то состоитъ *рѣдкая* логика, которую употребляютъ для наставленія *рода человѣческаго*, и предписываютъ оному *уважать философовъ!*

„Разсудокъ бываетъ спокойный или необузданный.„ Это правило не принадлежитъ Сенекѣ, но есть *изрѣченіе* Дидеротово, котораго *разсудокъ* въ самомъ дѣлѣ бываетъ часто *необузданъ* въ томъ смыслѣ, что изступленіе замѣняетъ у него мѣсто *разсудка*, какъ-то видно изъ отвѣтовъ его къ разсматривавшимъ Сенеку, которые наполнены ругательствомъ, предполагающимъ неистовство или дерзкія лжеумствованія, показывающія человѣка въ изступленіи.

Дидеротъ равно, какъ и издатель, наипаче употребляли усилія свои въ разсужденіи того, чтобы оправдать похвалы, которыя пріобрѣтены были Сенекою, и чтобы обругать тѣхъ, которые возставали противъ его со временъ Квинтиліана до нашихъ дней: что самое побуждаетъ насъ разсмотрѣть свидѣтельства въ разсужденіи сего, которымъ они цѣну придать хотѣли, и

коихъ изслѣдованіе заслуживаетъ любопытство. Но прежде сего почитаю нужнымъ дополнить разборъ сей однимъ опрывкомъ, извлеченнымъ нашими соперниками, который доставитъ намъ случай напасть на нихъ, такъ сказать, по одиначкѣ и изобличить ихъ собственными ихъ словами: ибо въ преніяхъ сего рода не надлежитъ давать повода къ сей обыкновенной увертцѣ; что сочинитель былъ разсматриваемъ съ одной только слабой стороны; и хотя я началъ совершенно противнымъ тому, но сего не довольно, и такъ я намѣренъ изслѣдованію сему дать другой болѣе рѣшительный видъ. Дидеротъ приводитъ изъ Сенеки одно мѣсто, содержащееся на двухъ страницахъ, и соглашаясь, чтобы по оному было сдѣлано сужденіе о немъ, говоритъ:„ Ежели „сумнѣваются, былъ ли Сенека *способенъ „размышлять о высокихъ предметахъ и „предлагать оные въ величественномъ „видѣ*; то пусть прочтутъ рѣчь вложен„ную имъ въ уста Нерону въ началѣ разсу„жденія его *о милосердіи*; и пусть приве„дутъ *нѣсколько страницъ изъ какого бы „то ни было сочинителя, не исключая да„же Тацита, въ которыхъ бы больше „красотъ заключалось*.„

Тѣмъ лучше: вотъ, что называется быть въ твердой надеждѣ на себя. Но для чего же поборникъ Сенекинъ не всегда такъ же услужливъ? Однакожъ Дидеротъ не захотѣлъ на сей разъ ввѣрить *сочинителя* своего другому и воспользоваться переводомъ Лагранжа, не

смотря, на то, что оный вѣрнѣе и лучше, съ одной стороны къ погрѣшностямъ Сенекинымъ прибавилъ свои собственныя, чего не хочу я употребить себѣ въ пользу, а съ другой позволилъ себѣ сдѣлать опущенія съ тѣмъ, дабы они вещамъ и слѣдовательно самому вопросу дали нѣкоторымъ образомъ иной видъ. Прочитаемъ оный отрывокъ.

„Пріятно самому себѣ сказать: одинъ „я изъ смертныхъ избранъ представлять „боговъ на землѣ. Жребій и состояніе каж„даго человѣка ввѣрены мнѣ, какъ неогра„ниченному властелину надъ жизнію и смер„тію народовъ. Моими устами щастіе „возвѣщаетъ каждому человѣку, чѣмъ оно „надѣлить его хочетъ. Мои оповѣщы подаютъ „причину народамъ и городамъ къ ихъ радо„сти. Благосостояніе каждой страны въ свѣ„тѣ зависитъ отъ моего благоутробія и воли. „Едино мановеніе мое обнажитъ сіи тыся„щи мечей, удерживаемыхъ миромъ въ ихъ „влагалищахъ. Мнѣ дано рѣшить, которые „народы должно истребить или переселить „и въ какое мѣсто; которымъ даровать свобо„ду или подвергнуть игу; кого изъ царей низ„вергнуть и на кого возложить вѣнецъ цар„скій; которые города разрушить и какіе „воздвигнуть на ихъ развалинахъ. Не взи„рая на сію неограниченную власть, никто „не можетъ укорить меня ни въ одномъ не„правединомъ наказаніи. Я не позволялъ се„бѣ увлекаться ни гнѣвомъ, ни юношескою „опрометчивостію, ни дерзостію и упор„ствомъ людей, выводящихъ изъ терпѣнія

„сердца самыя кроткія, ниже неисто-
„вымъ честолюбіемъ, которому впрочемъ
„столь часто бываютъ подвержены влады-
„ки міра, дабы страхомъ показать свое мо-
„гущество. Мой мечъ заключенъ, или паче
„приованъ ко влагалищу его. Я дорожу
„кровію даже презрѣнною, и когда нѣтъ
„другихъ достоинствъ, то довольно для
„меня единаго имени человѣка. При дворѣ
„моемъ строгость не имѣетъ мѣста, и яв-
„но водворяется милосердіе. Я блюду себя,
„такъ какъ бы обязанъ былъ отвѣтство-
„вать за свое поведеніе законамъ, которые
„изъ тьмы на свѣтъ изведены мною. Въ
„одномъ трогаетъ меня юность, въ другомъ
„старость; иному прощаю я ради велико-
„сти его, другому ради слабости; когда же
„не нахожу другихъ побужденій къ сожалѣ-
„нію, то прощаю для своего удовольствія.
„Ежели бы въ самый сей день безсмерт-
„ные боги потребовали отъ меня отчета
„въ управленіи моемъ, то я готовъ дать
„отвѣтъ въ родѣ человѣческомъ.„

Ежели кто сумнѣвается, что при большихъ познаніяхъ можно имѣть очень мало разборчивости и не умѣть различать надутости отъ высокаго слога и набора словъ отъ краснорѣчія, такому сей необычайный судъ Дидеротовъ можетъ въ томъ послужить доказательствомъ и примѣромъ, такъ что не нужно даже имѣть весьма тонкаго вкуса, дабы усмотрѣть совершенно грубую несообразность сего отрывка, и какимъ об-

разомъ Сенека, а наипаче Дидеротъ не примѣтили всѣхъ недостатковъ въ семъ сочиненіи, заключающемъ только одну сію мысль: „я имѣю неограниченную власть, и никогда „оную во вредъ не употреблялъ; я могу „много зла причинить, и всегда добро творилъ.„ Вотъ сущность: остается къ сему прибавить ораторское разпространеніе, которое однакожъ во всякомъ случаѣ должно имѣть свои границы, изъ коихъ Цицеронъ нигдѣ не выступаетъ; здѣсь же они доведены до безмѣрности, хотя напрошивъ было бы нужнѣе сиѣсинить оныя; потому что не льзя долго слушать такого человѣка, который безъ всякаго основанія даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что такое онъ есть, сколь силенъ, что значитъ и сколько добра сдѣлалъ: ибо для слушающихъ или читающихъ нѣтъ той похвалы утомительнѣе, которая къ себѣ самому обращается. И такъ сіе само по себѣ скучное многословіе здѣсь кажется еще несноснѣе. Напыщеніе въ рѣчи равномѣрно почитается нестерпимымъ, потому что оно составляетъ собою противное скромному *благородству* и естественной *важности*, которыя болѣе всего служить могутъ убѣжденіемъ для совѣсти. Къ чему служитъ здѣсь сіе превозношеніе императорскою властію, которою менѣе всего долженъ ослѣпляться тотъ, кто имѣетъ оную? Слова сіи были бы сносны нѣкоторымъ образомъ въ устахъ льстеца; но отнюдь неприличны они обладателю вселенной. Самыя подробности здѣсь ложны и худо выбраны: ибо справедливый

человѣкъ никогда не почитаетъ себя въ правѣ дѣлать зло, *изтреблять народы, разорять города, низлагать царей* и проч. здѣсь же напротивъ того заключается въ словахъ у сочинителя не одно могущество, но и право (*). Такое самохвальство, показывающее звѣрство, свойственно какому нибудь начальнику варварской орды, какъ-то Аттилѣ, Тамерлану, и развѣ какой нибудь невѣжда изъ витіевъ заставилъ бы такъ говорить Римскаго императора въ намѣреніи чрезъ то возвеличить его, но онъ бы паче уничижилъ его. Слушая Нерона, мнѣ кажется слышу я Матамора, о которомъ упомянуто выше (**):

Правду сказать, я давно думаю и не могу рѣшиться:
Кого прежде превратить въ прахъ,
Софи ли Персидскаго, или великаго Могола.

Не одно ли сіе и тоже значитъ? и не усматриваете ли вы ложное величіе въ комедіи, которая имѣетъ въ предметъ разсмѣшить тѣмъ же образомъ и тѣмъ же язы-

---

(*) Какіе народы *должны* быть изтреблены и проч. равно какъ и весь оспаткокъ выраженія есть тотъ-же самый, какъ и въ Лашинскомъ подлинникѣ.

(**) Il est vrai que je rêve (***), et ne sais que résoudre,
Le quel des deux je dois le premier mettre en poudre,
Du grand Sophi de Pèrse, ou bien du grand Mogol.

(***) Комическія мѣста у Корнеля. *Прим: Лагарпа.*

комъ, какъ и у философа, который хочетъ заставишь удивляться истинному величію? Неощутительно ли сіе сходство, и не служитъ ли оное наставленіемъ? Но еще полезнѣе будетъ для васъ видѣть то изъ примѣра, какъ худое замѣняется хорошимъ, и какъ Расинъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что было въ семъ мѣстѣ хорошаго у Сенеки, нимало не придерживаясь обработки его; но давъ другой оборотъ, изправилъ его мысли, и остановясь на томъ, что можетъ наставлять и трогать, по есть на внутреннемъ удовольствіи кроткаго царя, услаждающагося устрояемымъ отъ него щастіемъ, заставляетъ онъ Бурра говорить Нерону:

Quel plaisir de penser et de dire en soi-même:
Par-tout en ce moment on me bénit, on m'aime;
On ne voit point le peuple à mon nom s'alarmer;
Le ciel dans tous leurs pleurs ne m'entend point nommer.
Leurs sombre inimitié ne fuit point mon visage;
Je vois voler par-tout les coeurs à mon passage.

Коль сладко воображать и себѣ самому сказать:
Въ сію минуту вездѣ меня благословляютъ и любятъ;
Народъ не трепещетъ имени моего;
Никто не возноситъ на меня къ небу жалобныхъ воплей;
Никого не нудитъ мрачная ненависть бѣжать отъ взора моего;
Но повсюду летятъ сердца ко мнѣ, гдѣ я ни явлюся.

Сколь великая разность въ изображеніи и въ слогѣ! Разность сія такова же, каковою

краснорѣчивый писатель опличается отъ того, который силится быть таковымъ. Впрочемъ Расинъ въ семъ явленіи заимствовалъ у Сенеки одинъ только слѣдующій стихъ, который съ большимъ приличіемъ вложенъ имъ въ уста Бурра:

Le sang le plus abiect vous était précieux.

Кровь самая презрѣнная была для тебя драгоцѣнна.

Но сей стихъ не имѣетъ ничего досто-йнаго примѣчанія, напротивъ того въ слѣдующемъ стихѣ:

Le ciel dans tous leurs pleurs ne m'entend point nommer.

Никто не возноситъ на меня къ небу жалобныхъ веплей:

соединена съ чувствованіемъ прелесть свойственная Расину, и сей одинъ стихъ въ тысячу разъ лучше, нежели вся риторика Сенекина.

Между свидѣтельствами, на которыхъ Дидеротъ мнитъ утвердиться въ пользу *своего философа*, позволено намъ будетъ, какъ я надѣюсь, несовсѣмъ уважить свидѣтельство Юста Липсія писателя шестонадесять вѣка (*), щитающагося въ числѣ такихъ толкователей, коихъ труды хотя

(*) Юстъ Липсій въ юности своей почитался чудомъ учености и памяти, но пришедши въ совершенныя лѣта и учинившись писателемъ, сдѣлался притчею посмѣянія. Сперва пристрастился онъ къ Тациту, но сія страсть его была слѣпая; потому что онъ еще болѣе прильпившись къ Сенекѣ, вздумалъ возстановить ученіе Стоиковъ и подробно объяснить

не были безполезны, но вкусъ никогда не почитался образцовымъ. Не заслуживаетъ равномѣрно вниманія и свидѣтельство аббата Понсоля, который въ наше время издалъ *жизнь Сенеки* и переводъ *разсужденія его о благодѣяніяхъ*. Труды сіи весьма мало извѣстны; однакожъ Дидеротъ почелъ нужнымъ извлечь ихъ изъ забвенія, вѣроятно съ тѣмъ, дабы убѣдить насъ, что переводчикъ, какъ-то обыкновенно бываетъ, съ уваженіемъ взиралъ на сочинителя имъ переведеннаго, въ чемъ никто и не станетъ ему прекословить. Но къ опроверженію сужденія Юста Липсія довольно будетъ привести на память то, что возвѣщено Дидеротомъ и издате-

---

его, утверждая, что оно всегда худо было понимаемо, но ему доказали, что онъ самъ не понималъ онаго; избравъ же образцемъ своего слога Сенеку, подражалъ только его погрѣшностямъ, такъ что все почти писалъ эпиграммами и острыми выраженіями, не исключая даже своей эпитафіи, которая въ семъ родѣ составляетъ рѣдкое произведеніе. Издатель трудовъ Лагранжа въ замѣчаніяхъ своихъ самъ сознался, что Юстъ Липсій *болѣе имѣетъ учености, нежели вкуса*. Но когда произошла ученая борьба, то сей же самый Юстъ Липсій у Дидерота въ сочиненіи выставленъ столь же основательнымъ судіею, какъ и всѣ новѣйшіе критики, *и потому что онъ зналъ лучше языкъ Латинскій*: но здѣсь рѣчь идетъ не о *Латинскомъ языкѣ*, а о вкусѣ, и уже рѣшено, что у Липсія не достаетъ онаго, но и ссылаться на него не было причины. *Примѣч. Лагарпа.*

лемъ на Латинскомъ и Французскомъ языкѣ съ увѣрительностію, какъ и легкоправіемъ, равно удивительными, что сей ученый находитъ въ Сенекѣ *силу* равную Димосѳеновой, и навѣрное полагать можно, что имя Сенекино впервые поставлено на ряду съ Димосѳеновымъ. Но чтобы добраться до сей странной смѣси, то надобно было поднять весь хламъ школьныхъ толковниковъ съ неутомимымъ любопытствомъ, свойственнымъ двумъ поборникамъ его, которые рѣшились возпользоваться всемъ, что бы кто ни сказалъ что либо хорошаго о Сенекѣ. Ежели бы кто захотѣлъ похулить Горація, то стоило бы только точно такъ же сослаться на школьныя бредни Юлія Скалигера, по щастію съ нимъ же погребенныя. Но что сказали бы они сами, ежели бы кто въ какомъ нибудь другомъ случаѣ сослался на свидѣтельство Юста Липсія? Они бы тогда осмѣяли и самаго наставника и его слушателей, да и не безъ основанія. Но въ настоящемъ случаѣ на все то, что сказано не въ похвалу слога Сенекина, отвѣчаютъ они *съ важностію: Юстъ Липсіи противнаго мнѣнія.* Такимъ образомъ ссылками своими на Юста Липсія хотятъ намъ представить какъ уже дѣло рѣшеное, что Сенека по крайней мѣрѣ со стороны *силы* долженъ имѣть мѣсто на ряду съ Димосѳеномъ. Однакожъ кто только древнихъ писателей читалъ иначе, нежели толковники шестагонадесять вѣка, или кто хотя немного искусился въ правилахъ сочиненія, тотъ даже не удостоитъ

своего изслѣдованія сіе школьное злорѣчіе, но удовольствуется увѣреніемъ, что Димосѳенъ даже не захотѣлъ бы имѣть Сенеку ученикомъ краснорѣчія, которому сказалъ бы онъ: выкинь это изъ головы своей: ты не рожденъ быть ораторомъ, особливо для Аѳинянъ: у тебя два находятся недостатка, противные нашему Аттическому вкусу, то есть многословіе и принужденность. Аѳиняне такое имѣютъ отвращеніе отъ всякаго излишества, что сіе самое заставляетъ у насъ каждаго наиболѣе всего стараться о краткости рѣчей нашихъ, нежели о ихъ разпространеніи; таковожъ ихъ отвращеніе и отъ всего ложнаго, такъ что не смотря на все искуство, на всю изящность и на весь блескъ въ слогѣ у Есхина; они даже не имѣли столько терпѣнія, чтобы выслушать его мудрованія, не принесшія ему почти успѣха. И такъ послушай меня, останься, какъ отецъ твой, исправнымъ *школьнымъ витіею* (*), когда нѣтъ у тебя нималой способности къ тому, что называется у насъ краснорѣчіемъ, и въ чемъ мы знатоками почитаемся.

Они такъ же противопоставляютъ намъ свидѣтельство Ламота Левайера, который однакоже касается только одного нравоученія Сенекина; къ тому же никто не отрицаетъ того, чтобы не было много хорошихъ

(*) Сіе выраженіе употребилъ Дидеротъ, говоря объ отцѣ Сенекиномъ.

и полезныхъ мыслей, хорошо или худо изображенныхъ между множествомъ нечестивенныхъ и даже странныхъ предметовъ, въ чемъ даже и Дидеротъ согласенъ, и утверждаетъ, что оныя должно отнести на щетъ Стоическихъ его правилъ. Тѣмъ хуже и для Стоическаго его ученія и для него самаго: вотъ право забавное извиненіе! но какая нужда до того, отъ секты ли его, или отъ него самаго происходитъ то, что составляетъ большую часть въ его сочиненіяхъ, коихъ чтеніе наводитъ толикое утомленіе?

Но болѣе всего они хотятъ опереться на мнѣніи Монтаня, который въ самомъ дѣлѣ есть человѣкъ другаго рода, нежели прочіе ихъ свидѣтели; но и самый Монтань усматриваетъ въ Сенекѣ больтія погрѣшности, и ежели они соглашаются съ мнѣніемъ Монтаня, когда онъ хвалитъ, и опровергаютъ его, когда онъ хулитъ; то по чему же мы не въ правѣ дѣлать тоже самое? При томъ же Монтань могъ столькожъ ошибаться въ похвалѣ, сколько и въ хулѣ, что равное и къ намъ и къ нимъ имѣетъ отношеніе. Дидеротъ и издатель ставятъ Сенеку *выше себя и нравоучителей*, и разточаютъ язвительныя выраженія противъ всякаго, кто могъ въ томъ усумниться. Однакожъ я не вижу, чтобы изъ сравненія, дѣлаемаго Монтанемъ между Плутархомъ и Сенекою, можно было заключить о превосходствѣ послѣдняго изъ нихъ. Но вы можете лучше о томъ судить изъ словъ са-

маго Монтаня, что всегда доставляетъ больше удовольствія.

„Плутархъ единообразнѣе и постояннѣе, „напротивъ того. Сенека перемѣнчивѣе и „разнообразнѣе; онъ *употребляетъ усилія*, „*дѣлаетъ напряженіе и порывается*, дабы „вооружить добродѣтель противъ слабости, „робости и порочныхъ склонностей, между „тѣмъ какъ Плутархъ кажется не обращаетъ „столько вниманія на то, какъ бы не брежетъ „и не употребляетъ противъ нихъ осторожно„сти. Мысли у Плутарха являютъ духъ Пла„тонической, они *кротки и приготовленны къ „гражданскому состоянію*; мысли Сенеки„ны основаны на правилахъ Стоическихъ и „Эпикуровыхъ, (*) и не годятся для обще-

---

(*) Спросятъ, можетъ быть, по чему Монтань сливаетъ двѣ вещи, столь различныя между собою? Во первыхъ по тому, что Эпикуръ, равно какъ и Зинонъ, *уклонялся отъ общаго употребленія словъ*, чему служитъ доказательствомъ все то, что сказано о ихъ философіи: сверхъ же того кажется, что Монтань равно, какъ и Сенека, судитъ здѣсь о Эпикурѣ по личной его нравственности, которая была весьма строга, а не по ученію его публичному, которое, что бы ни говорили о немъ, по истинѣ изпровергаетъ обязанности и добродѣтели. Дѣлаютъ также отзывъ о Эпикурѣ, что онъ хотя словами своими изпровергаетъ обязанности, но съ другой стороны примѣромъ своимъ ихъ поддерживаетъ. На сіе можно отвѣчать, что философъ, *изпровергающій обязанности словами своими*, дѣйствительно подаетъ собою напопаснѣйшій изъ всѣхъ *примѣровъ*. *Прим. Лагарпа.*

„житія, но за то по мнѣнію моему они „тверже и удобнѣе для частнаго состоя„нія.„ (Монтаню казалось сіе *удобнѣе*, но много людей были и не будутъ съ нимъ въ томъ согласны; къ тому же здѣсь, какъ видѣть можно, идетъ рѣчь только о нравоученіи, и никакого не имѣетъ отношенія къ достоинству писателя.) „Въ Сенекѣ „усматриваю я, что онъ нѣсколько потворствовалъ ширанніи современныхъ ему императо„ровъ.„ (Монтаня за сіе поборники Сенекины причисляютъ *къ отголоскалъ* или *повторителямъ Сциллія, Діона и Ксифилина*, потому что и они тоже самое о немъ сказали.) „Ибо я за достовѣрное полагаю, что *сужде„ніе его о толъ было невольное*, ежели онъ „не одобряетъ поступка сихъ великодуш„ныхъ убійцъ Цесаря.„ (Ежели Монтань не сумнѣвался, что *философъ* Сенека дѣлалъ *насиліе своему сужденію*; то почему бы столь тяжкое было преступленіе подумать, что онъ *нѣсколько потворствовалъ тираннію* во многихъ другихъ случаяхъ?) „Плутархъ *вездѣ свободенъ*.„ (Въ семъ, по мнѣнію моему, заключается немаловажное преимущество, и Плутархъ писалъ не только во время Траяна, но и Домиціана.) „Се„нека обилуетъ острыми и замысловатыми „мыслями, Плутархъ вещами.„ (Что лучше?) „Первый болѣе воспламеняетъ и трогаетъ.„ (Да извинитъ меня Монтань, что онъ по мнѣнію моему здѣсь себѣ противурѣчитъ, или не разумѣетъ ли онъ, что Сенека *болѣе воспламенялъ воображеніе*?) „Послѣдній

„болѣе занимаетъ и лучше удовлетворяетъ.„ (Сіе служитъ подтвержденіемъ моего мнѣнія, и симъ отдается преимущество Плутарху предъ Сенекою; или я не понимаю Французскаго языка). „Одинъ насъ руковод-„ствуетъ, а другой нудитъ или какъ бы „порѣваетъ.„ (По правиламъ нравоученія тотъ надежнѣе, кто способенъ насъ руководствовать; напротивъ того кто нудитъ, можетъ иногда завести не туда, куда должно.)

Слѣдовательно по словамъ самаго Монтаня, который противопоставленъ намъ съ такимъ грознымъ предвозвѣщеніемъ, Сенека не только *не выше въ правоученіи, не важнѣе; не глубокомысленнѣе и не полезнѣе* Плутарха, но даже наполненъ многими погрѣшностями и многими недостатками, которые отнюдь не таковы, чтобы не заслуживали вниманія; между тѣмъ какъ Монтань ни съ которой стороны не хулитъ Плутарха. Ежели бы по сему сравненію надобно было на что либо рѣшиться, едва ли бы кто усумнился быть лучше Плутархомъ, нежели Сенекою.

— Но какимъ же образомъ Сенекины поборники ссылаются сами на такое мѣсто, которое имъ совершенно противорѣчитъ? — Сіе происходитъ, какъ я уже сказалъ, отъ того, что они единожды забравъ себѣ въ голову одну мысль, смотрѣли во всемъ ономъ отрывкѣ единственно на преимущество, отдаваемое ими въ нравственной философіи Плутарху и Сенекѣ въ совокупности предъ Пла-

тономъ и Цицерономъ, какъ увидите ниже; а по сему самому и оставили безъ дальняго вниманія все, что касается до Плутарха, равно какъ и причины отдаваемаго ему Монтанемъ предпочтенія, который въ томъ же мѣстѣ говоритъ: „оба они ту имѣютъ *глаз-*„*вную для моего вкуса выгоду*, что о нау-„кѣ, которую мнѣ знать хочется, *пишутъ* „*отдѣльными отрывками*, не требующими „большаго труда, *къ которому я неспосо-*„*бенъ*. По сему-то мѣлкія сочиненія Плутарха „и письма Сенекины *составляютъ лучшую* „*и полезнѣйшую часть трудовъ ихъ*. Я „безъ всякой трудности могу оными зани-„маться, и отстать отъ нихъ тамъ, гдѣ „мнѣ разсудится: потому что они не слѣду-„ютъ одно изъ другаго и не имѣютъ взаи-„мнаго отношенія.„

И такъ склонность Монтаня къ лѣни была главнымъ побужденіемъ пристрастія его къ письмамъ Сенекинымъ и небольшимъ нравственнымъ отрывкамъ Плутарха, которые читать и оставить можно, когда ни захочется, напротивъ того философическіе разговоры Платоновы и Цицероновы имѣютъ дѣйствительно больше союза и обширности, и слѣдовательно нельзя въ нихъ упускать изъ виду связи, чтобы не оставался трудъ вовсе напрасенъ. Можетъ быть, что сочиненія перваго рода *удобнѣе* для лѣни, но за то по мнѣнію моему послѣднія предполагаютъ болѣе существеннаго философическаго достоинства и несравненно болѣе ума и усилія. Не болѣе такъ же сообразно

и то; будто мѣлкія сочиненія Плутарха и письма Сенекины составляютъ *лучшую и полезнѣйшую часть въ ихъ твореніяхъ*; когда *сравнительныя описанія жизней* первая почиталися всегда *лучшимъ* его произведеніемъ, и образъ сочиненія ихъ столь нравоучителенъ въ исторіи, что они столько же *полезны* быть могутъ, какъ и философическія его творенія. Что же касается до послѣдняго, то самъ Дидеротъ не одного мнѣнія съ Монтанемъ, и разсужденія Сенекины онъ предпочитаетъ его *письмамъ*, въ чемъ и я съ нимъ согласенъ; а сіе самое опять доказываетъ, что столь же нетрудно и мнѣ, какъ ему, оспорить Монтаня. Вамъ неудивительно то покажется, какъ Монтань читаетъ, и что для него *скученъ* образъ сочиненія у Цицерона, который ничего не пишетъ *отрывками*, а почитаетъ себя обязаннымъ разсуждать о каждомъ предметѣ въ своемъ мѣстѣ; но удивитесь можетъ быть тому, что онъ въ философическихъ твореніяхъ Римскаго вишіи находитъ только *пустословіе*, хотя мнѣніе сіе принадлежитъ только ему одному, и приноситъ великое удовольствіе нашимъ сопернікамъ; но оно болѣе вредитъ самому Монтаню, нежели Цицерону. Никто не уважаетъ болѣе меня *сочинителя опытовъ*, и даже онъ самъ очень чувствовалъ, что идетъ противъ мнѣнія всѣхъ вѣковъ, и для того прежде, нежели открылъ свое мнѣніе, предваряетъ насъ съ шутливою своею откровенностію, что *бвзстыдство вышедъ за пре-*

дѣлы, совсѣмъ изду свергаетъ. И такъ вы видите, что слово *безстыдство* здѣсь не иное что значитъ, какъ легкомыслiе, и вы угадаете такѣже, какое оно мѣсто занять можетъ въ настоящемъ своемъ смыслѣ, когда мы дойдемъ до важнѣйшаго предмета въ семъ опроверженiи.

Но ежели бы дѣло касалось только до свидѣтельствъ, то можно было бы сослаться въ томъ на Беля, который будучи безспорно свѣдущее по сей части Монтаня, находитъ *въ одномъ періодѣ у Цицерона болѣе мыслей, нежели въ семи или осьми періодахъ у Сенеки*, въ чемъ я совершенно съ нимъ согласенъ: впрочемъ мнѣ кажется, что сiи различныя мнѣнiя могутъ быть положены на вѣсы, и они будутъ равновѣсны. И такъ примемъ за основанiе только то, что уже доказано: по сiе время можетъ статься одинъ только Монтань отозвался невыгодно о Цицеронѣ, но Бель хотя бы и одинъ былъ, по меншей мѣрѣ ему равносиленъ; однакожъ онъ и мы на сторонѣ своей имѣемъ общее мнѣнiе, къ тому же нахожу я признанiе даже у самихъ поборниковъ Сенекиныхъ, которые доискиваюпся, по чему *такъ мало читаютъ его и такъ мало онъ нравится:* это ихъ собственныя слова, слѣдовательно они положительны. И такъ въ самомъ дѣлѣ, по чему *такъ мало читаютъ Сенеку, и онъ такъ мало нравится?* Не льзя ли отнести сего къ содержанiю его сочиненiй? Но содержанiе у него такогожъ рода, какъ у Цицерона и нерѣдко какъ и у Плу-

тарха, однакожъ послѣднихъ сихъ *читаютъ* обоихъ, и они оба *нравятся*. Намъ отвѣчаютъ на сіе, что Сенека не нравится потому, что у *него слишкомъ высоки для насъ чувствованія*. Но давно ли наставленія стали быть намъ столь страшны, такъ чтобы могли брать верхъ надъ нашимъ удовольствіемъ? Наши самые любимые духовные витіи Бурдалу и Массильонъ не были ли самые строгіе наставники, слѣдовательно несравненно болѣе бы они должны казаться намъ страшными? Не случается ли съ нами того, что мы иногда ищемъ чему нибудь причинъ гораздо далѣе, дабы не видѣть ближайшихъ къ намъ? и не по тому ли *не читаютъ Сенеку и онъ не нравится*, что онъ пишетъ дурно, что столько же отвращаетъ на Французскомъ, сколько и на Латинскомъ языкѣ, и на обоихъ языкахъ равно утомляетъ и непрестанно приводитъ читателя въ негодованіе? Вотъ тайна; вотъ настоящая причина и развязка дѣла! Первое объясненіе уже доказано, послѣдняго же не льзя назвать опредѣлительнымъ рѣшеніемъ, но паче доказательствомъ; потому что мы разсматривали сочинителя въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ поборникамъ разсудилось намъ выказать его.

Желая Цицерона привести въ равное положеніе съ Сенекою, они утверждаютъ, что Цицерона такъ же читаютъ только въ школахъ. Это быть можетъ нѣкоторымъ образомъ справедливо относительно до витійственныхъ сочиненій, которыми свѣтскіе

люди уже не занимаются болѣе потому наипаче, что они ихъ имѣли случай много читать, когда учились; но прочими его твореніями, которыя въ школахъ не употребляются, всѣ благовоспитанные люди занимаются, въ чемъ можетъ удостовѣриться множество переводовъ философическихъ его сочиненій съ успѣхомъ изданныхъ, и кто не читалъ книги о *естествѣ богдевъ*, переведенной Оливетомъ, и такъ же книгъ *о старости*, *о дружествѣ и о должностяхъ*, переведенныхъ многими другими? Напротивъ того до Лагранжева перевода Сенеки неизвѣстно, чтобы кто другой переводилъ его; но и сей самый переводъ не возстановилъ Сенеку, не взирая на всѣ усилія и средства, употребленныя сообщниками его, какъ бы нѣкоторымъ образомъ совокупившимися для сего.

Ничто не досаждаетъ столько защитникамъ Сенекинымъ, какъ сужденіе изрѣченное Квинтиліаномъ, почитающимся уже семнадцать вѣковъ оракуломъ изящнаго вкуса до такой степени, что подъ именемъ его нынѣ разумѣется здравая критика, такъ какъ подъ именемъ Цицерона краснорѣчіе, на мнѣніи коего о Сенекѣ, судя о немъ, какъ о писателѣ, всѣ даже до нашихъ временъ единогласно утверждались, изключая Юста Липсія, котораго между учеными всѣхъ вѣковъ наши соперники дѣйствительно одного только могли выискать съ тѣмъ, чтобы показать тому изъятіе, которымъ однакоже не могутъ они слишкомъ похвалиться, а для нихъ важно было только то, что-

бы обезславить сужденіе Римскаго Аристарха, и главное ихъ оружіе, къ которому они обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ, состояло въ томъ, чтобы привесть его въ презрѣніе, очернить его свойство и опорочить намѣреніе. И такъ Квинтиліанъ, который ни отъ своихъ современниковъ, ни отъ потомства никогда не навлекалъ себѣ нималѣйшей укоризны въ пристрастіи, въ первый разъ еще въ наши времена былъ осрамленъ и оклеветанъ, и за что же? за то, что отдавая справедливость уму, дарованіямъ и знаніямъ Сенеки, осмѣлился сказать, что *слогъ у него почти вездѣ наполненъ погрѣшностями и примѣры его опасны. Inde iræ*, (вотъ причина *ссоръ, распрей.*)

Они начали съ объявленія намъ нѣкотораго рода открытія, которое себѣ единственно приписываютъ, что всѣ тѣ, которые хулили сочиненія Сенекины, *были только повторители или отголоски Квинтиліановы*: а потомъ вотъ какимъ образомъ хотятъ изпровергнуть совокупныя всѣхъ вѣковъ свидѣтельства: „противъ сочиненій „Сенекиныхъ *одно только* находится *мнѣ-*„*ніе*, то есть Квинтиліаново; *но онъ* „*какъ врагъ и соперникъ Сенекинъ, движи-*„*мый подлою завистію, не заслуживаетъ* „*вѣроятія.*„ Скоро услышите вы отъ слова до слова подобноежъ сему ихъ доказательство о *одобродѣтели* Сенекиной; а какъ я здѣсь по необходимости долженъ быть одинъ изъ числа сихъ *отголосковъ*, то и

принимаю дерзновенїе отвѣчать вашимъ наставникамъ слѣдующее: ваше заключеніе, которое нами не усмотрѣно, подлинно поражаетъ. Въ самомъ дѣлѣ я никогда не воображалъ, что надобно кому нибудь первому сказать что либо отъ себя о такомъ сочинителѣ, который умеръ за тысячу семь сотъ лѣтъ тому назадъ. Но вы сами не усмотрѣли (да всего и видѣть не льзя) своего замѣчанія во всемъ его пространствѣ, изъ котораго и я хочу извлечь себѣ пользу. Посмотримъ, кто изъ древнихъ первый повѣдалъ намъ, что Цицеронъ есть великій ораторъ? Мнѣ кажется это Типъ Ливій, который сказалъ, что надобно имѣть Цицероново краснорѣчіе, дабы достойно похвалить его. Это рѣшено: и такъ вся слава Цицеронова утверждается на Типѣ Ливіи, хотя тоже сказали оба Плинія и весьма многіе другіе, но уже согласуясь съ Типомъ Ливіемъ; слѣдовательно сколько было почитателей, столько же и *отголосковъ* или *повторителей*. Изъ сего усматриваю я одно только слѣдствіе, которое однакожъ способно нѣсколько возмутить вашу радость: ибо не льзя всего обдумать: вотъ въ чемъ состоитъ оно: Юстъ Липсій за двѣсти лѣтъ тому назадъ сказалъ точно тоже, что вы теперь утверждаете о Сенекѣ, и подобно вамъ смѣялся надъ его критиками, съ тою однакожъ разностію, что онъ почитаетъ сужденія ихъ только *нелѣпыми и слѣпыми*, но отнюдь *незлобными*. Чтожъ изъ сего слѣдуетъ? не то ли, что и вы не иное

что суть, какъ *отголоски?* И такъ успокоимся и будемъ *отголосками:* но я согласенъ лучше быть отголоскомъ Квинтиліана, а вы оставайтесь отголоскомъ Юста Липсія который доселѣ не имѣлъ себѣ другихъ отголосковъ, кромѣ васъ однихъ.

Все сіе, какъ видите вы, возбуждаетъ смѣхъ одинъ, слѣдовательно и отвѣчать на то должно такимъ же образомъ: но что за симъ слѣдуетъ, то заключаетъ въ себѣ болѣе важности.

„Квинтиліанъ, по сказанію Дидерота „родился на второмъ году царствованія Клав„діева въ то время, когда уже Сенека пере„сталъ заниматься судебными дѣлами, изъ „коихъ послѣдній упражнялся въ философіи, „а первый въ краснорѣчіи. Оба были настав„никами знатныхъ людей, но Квинтиліанъ „остался школьнымъ учителемъ, а Сенека „сдѣлался министромъ.“

Неправда: Квинтиліанъ находясь сперва наставникомъ краснорѣчія на жалованьѣ отъ казны, былъ призванъ ко двору, и ему ввѣрено было воспитаніе Домиціановыхъ племянниковъ, назначенныхъ къ правленію, гдѣ и былъ украшенъ консульскими отличіями, составлявшими вторую почесть (*) по до-

---

(*) На сей случай говоритъ Ювеналъ:

Si fortuna volet, fies de rhetore Consul. то есть:

Ежели захочетъ щастіе, то изъ ретора будетъ консулъ.

Но здѣсь не было орудіемъ щастіе, а достоинство, чего нимало не отрицалъ и Ювеналъ,

стоинстнѣ консульскомъ: но будучи чуждъ честолюбія и предпочитая уединеніе, онъ оставилъ дворъ, имѣя довольно хорошее состояніе, но съ большимъ еще уваженіемъ: а въ семъ отношеніи можно ли его назвать *школьнымъ учителемъ*? Но какое имъ до того дѣло? да и что значитъ сіе умышленное противоположеніе *министра школьному учителю*? притомъ же прилично ли философу судить о людяхъ по ихъ щастію? Здѣсь дѣло идетъ о дарованіяхъ, и въ семъ отношеніи Квинтиліанъ поставленъ потомствомъ и всегда сохранитъ отличное отъ Сенеки мѣсто. И такъ что же вы хотѣли сказать? не то ли, чтобы предубѣдить, что Квинтиліанъ *завидовалъ* Сенекѣ, и отзывался о немъ такъ какъ *недоброжелатель*? Конечно въ семъ состояло ваше намѣреніе, потому что нѣсколько ниже обвиняете вы его *въ подлой зависти и ненависти*, приемля на себя доказать то собственными его словами въ началѣ статьи, касающейся до Сенеки, которыя переведены вами такимъ образомъ, дабы мы убѣдилися, что Квинтиліанъ самъ признается въ томъ, что его вообще почитали какъ бы *личнымъ врагомъ* Сенеки. Но Квинтиліанъ въ подлинникѣ, на которой сами вы ссылаетесь, говоритъ: „до „сихъ поръ удерживался я говорить о немъ „по причинѣ разглашеннаго о мнѣ ложнаго

напротивъ того во всѣхъ отношеніяхъ воздавалъ Квинтиліану величайшую похвалу. *Примѣч: Лагарпа.*

„мнѣнія, будто бы я хулю сего писателя, и „даже имѣю къ нему отвращеніе.“ *Propter vulgatam falso de me opinionem, quâ damnare eum et invisum quoque habere sum creditus.* Я въ изображеніи сего мѣста держался всей строгости, въ которомъ приписывается ему не иное что, какъ предубѣжденіе во вкусѣ, относимое единственно къ дарованію, въ чемъ напримѣръ въ наши времена укоряли Боало въ разсужденіи Кинольта. Но ежели бы были къ тому извѣстныя причины, по которымъ бы можно было приписать Квинтиліану личныя неудовольствія или побужденія къ соперничеству, то навѣрное бы онъ здѣсь не умолчалъ о нихъ, и принялъ бы мѣры уничтожить подозрѣніе на него въ пристрастіи. Вы же въ переводѣ своемъ заставляете его говорить: „я съ намѣреніемъ до сихъ „поръ не упоминалъ о немъ *по причинѣ об-*„*щаго предубѣжденія, что я ненавижу челo-*„*вѣка и презираю* сочинителя.“ Но слова сіи *я ненавижу человѣка* находятся только въ вашемъ переводѣ, а въ подлинникѣ нѣтъ ихъ, равномѣрно ваши противоположенія между *человѣколю* и *сочинителелю*, *ненависть* къ первому и *презрѣніе* къ послѣднему вамъ же принадлежатъ, а не Квинтиліану, и вы отнесли то *къ человѣку*, что относится единственно къ *писателю*. Я обращаюсь здѣсь ко всѣмъ знатокамъ Латинскаго языка, и вопрошаю у нихъ, употребивъ въ одномъ и томъ же выраженіи слова *damnare eum*, что явно относится *къ писателю*, *et invisum quoque habere*, хотѣлъ ли сочинитель выразить,

иное что, какъ только то, что онъ *не одобряетъ* сочиненій, что иногда доходитъ до *отвращенія*. Вотъ истинный смыслъ и настоящее отношеніе между словами *damnare* (*) *et invisum quoque habere*, но ежели бы въ

(*) Правда, что переводъ Аббата Жедоеня переводчика Квинтиліанова имѣетъ сходство съ переводомъ Дидероповымъ, въ коемъ сказано: „полагали не только, что я хулю сего сочи„нителя, но даже *лично* ненавижу его.“ Но я удостовѣренъ, что слово *лично*, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, означаетъ противомысліе, и я паки свидѣтельствуюся въ томъ всѣми словесниками. Впрочемъ Квинтиліанъ за симъ же въ слѣдъ объясняетъ, отъ чего произошло такое предубѣжденіе, то есть начавъ учить, нашелъ онъ юношество до такой степени пристрастившимся къ Сенекѣ, что кромѣ его почти никого оное не читало; и такъ *не отвращая совсѣмъ отъ него*, единственно старался онъ вразумить его, чтобы оно не отдавало Сенекѣ предпочтенія предъ прочими сочинителями, которые несравненно лучше его были. Точно такъ же въ наше время отзывались, что Вольперъ былъ *врагъ* Корнелю; потому что онъ его трагедіямъ предпочиталъ Расиновы. Но руководствуясь даже переводомъ Жедоеня, находимъ ли въ Квинтиліанѣ что нибудь такое, что хотя малѣйшее бы открывало понятіе о личномъ соперничествѣ и *подлой зависти*, или бы показывало хотя одну изъ тѣхъ причинъ, которыя не позволяютъ одному сочинителю судить о другомъ? Слѣдовательно тутъ ничего не находится такого, чтобы могло послужить къ оправданію злоухищренныхъ заключеній поборниковъ Сенекиныхъ. *Прим: Лагарпа.*

выраженіяхъ сихъ и оставалось какое либо недоразумѣніе, то извѣстныя и несумнѣнныя обстоятельства должны разрѣшить смыслъ ихъ, какъ-то правила критики дѣлать предписываютъ. И такъ для предполагаемой личной ненависти Квинтиліана къ Сенекѣ слѣдуетъ, чтобы они были современниками, дабы могли быть въ соперничествѣ и въ несогласіи другъ съ другомъ. Но могло-ли сіе случиться, когда одинъ вступилъ только въ свѣтъ, а другой уже оставилъ его? Но я слѣдуя своему правилу, хочу основаться на самыхъ произшествіяхъ: вотъ они: Квинтиліанъ родился на второмъ году царствованія Клавдіева, какъ сами вы сказали, что и справедливо: Клавдій царствовалъ четырнадцать лѣтъ, а Сенека умеръ въ осьмое лѣто царствованія Нерона преемника Клавдіева; слѣдовательно Квинтиліану было тогда двадцать только лѣтъ отъ роду, когда умеръ Сенека. Какое же быть могло соперничество между молодымъ человѣкомъ, едва вышедшимъ изъ школы, и старымъ министромъ, оставившимъ уже дворъ и свѣтъ? Не довольно ли ясно сіе показываетъ, что Квинтиліану не было причины сказать, что о немъ думали, будто онъ *ненавидитъ человѣка?* И когда Лапинской подлинникъ доказываетъ, что Квинтиліанъ сего не говорилъ, то не менѣе того самыя произшествія доказываютъ, что онъ не могъ сего ни сказать, ни подумать. И такъ вы присвоили ему ложныя слова и чувствованія, присовокупивъ даже, что *другой на лѣтъ Квинтиліана не позволилъ бы*

себѣ такъ говоритъ о Сенекѣ: что безъ сомнѣнія разумѣть можно только о сей явной и открытой враждѣ, которая человѣку нѣжныхъ чувствъ не позволяетъ судить *о писателѣ*, когда извѣстно, что онъ имѣетъ причины *ненавидѣть человѣка*. Вамъ хотѣлось въ семъ предубѣдить ухищренным и ложнымъ сравненіемъ *школьнаго учителя съ министромъ*, которое опровергается временемъ и произшествіями, къ тому же вы не показываете, да и не можете показать иной причины *ненависти и подлой зависти*: слѣдовательно все сіе не иное что съ вашей стороны есть, какъ поруганіе на клеветѣ основанное.

Послѣ таковаго злословія неважно уже, ежели злоба, возложившая клевету на человѣка, нападаетъ на его сочиненія, и покажетъ вамъ *грубыя выраженія и нечистоты* въ слогѣ у Квинтиліана, которому весь свѣтъ за чистоту его и пріятность отдаетъ справедливость; ежели найдете, говорю, слогъ его *неправильнымъ, некрасивымъ и тяжелымъ*, и что *Муреты и Саннацары сами были весьма посредственные судіи Латинскаго языка*. Такимъ людямъ, которые у всѣхъ уважаемыхъ уже приставъ словесниковъ отнимаютъ право судить о слогѣ Сенекиномъ, опринутомъ лучшими всѣхъ временъ, какъ древними, такъ и новѣйшими критиками отъ Квинтиліана до Ролленя, прилично, весьма прилично присвоять себѣ насильно право судить о слогѣ самаго Квинтиліана, которому во всѣ времена удивля-

лись, — и находитъ у него въ Латинскомъ *языкѣ неправильность, нечистоту, грубыя выраженія* и проч. Но естьли бы кто изъ разсматривателей Сенеки впалъ въ подобное безуміе, то не поставили ли бы вы себѣ въ удовольствіе выискать въ немъ всѣ возможныя нелѣпости, и не отнесли ли бы сіе къ величайшему дерзновенію?

Вы продолжаете говорить тѣмъ же голосомъ: „что касается до насъ, то мы наблюдая „безпристрастіе„.. (вы хотите наблюдать то, къ чему нималѣйшей не имѣете охоты.) „удивляясь Сенекѣ и Квинтиліану„.... (вы такъ же умѣете цѣнить одного, какъ и другаго.) *обявилъ свое мнѣніе*„.... (преклонимъ колѣна: наставники хотятъ *объявить свое рѣшеніе.*) „что нхъ достоинства соб„ственно имъ принадлежатъ, и ежели есть „какія въ нихъ *погрѣшности*, то оныя свой„ственны ихъ времени.“ Такъ-то вы *рѣшили*! Гг. учители, ваше рѣшеніе не имѣетъ смысла. Никто и даже вы сами не укоряли въ томъ, чтобы какъ у одного изъ нихъ, такъ и у другаго тѣже самыя находились *погрѣшности*; то какъ же *погрѣшности* сіи можно отнести къ *ихъ времени*. Впрочемъ нѣтъ нималѣйшаго отношенія между слогомъ одного и другаго, равно какъ нѣтъ отношенія между хорошимъ и дурнымъ, да хотя бы слогъ у нихъ и былъ худъ, однакоже неодинаковымъ образомъ. Вотъ до чего мы дошли! и съ кѣмъ должны имѣть преніе!

„Кто порочитъ Сенеку, тотъ не можетъ „одобрить и Тацита, и тѣмъ хуже для такого.“

Конечно *тѣмъ хуже* для такого, кто не *одобрястъ* и не удивляется Тациту. Я думалъ, что одинъ только Юстъ Липсій ставилъ на одномъ щету Тацита и Сенеку, а теперь можно полагать двухъ человѣкъ, способныхъ составлять сію смѣшную чету, то есть Юста Липсія и Дидерота.

Сіе странное сближеніе Сенеки съ Тацитомъ неоднократно у Дидерота встрѣчается въ томъ предположеніи, будто бы ежели кто хулитъ перваго, то самымъ тѣмъ порочитъ уже и послѣдняго, и я изъ сего заключаю, что онъ всѣхъ своихъ читателей рѣшительно почитаетъ глупцами, или полагаетъ для себя вѣрнымъ средствомъ запутать то, что само по себѣ весьма просто и ясно. Слыхалъ ли кто, чтобы о Тацитѣ говорили тоже, какъ всегда говорено было о Сенекѣ? особливо въ семъ столѣтіи всѣ вообще Тацита превозносили, а Сенеку хулили, и мы даже можемъ здѣсь противопоставить другъ другу двухъ Сенекиныхъ поборниковъ, то есть издателя Дидерону, которые оба, правду сказать, хвалятъ *точность* въ Сенекѣ, а Дидеротъ даже увѣряетъ, что слогъ у него *кратокъ;* но съ другой стороны издатель говоритъ такъ же опредѣлительно, что у него встрѣчается *напыщенная плодовитость, высокопарность въ мысляхъ и противное правиламъ принужденіе предлагать одну мысль разными оборотами,* что и справедливо, и я никакъ не вѣрю, чтобы Тацитъ подходилъ подъ сіе изображеніе: остается всѣ сіи погрѣшности согласить

съ точностію и краткостію; но это не наше дѣло, а соперниковъ нашихъ, и издатель, дѣлавшій въ томъ нѣкоторыя покушенія, говоритъ, что *слогъ Сенекинъ многорѣчивъ, хотя* впрочемъ и *кажется пылокъ и краткъ.* Но ежели бы онъ захотѣлъ вникнуть въ отношеніе между мыслями и словами, то уразумѣлъ бы, что онъ по слѣпому своему усердію къ любимому *своему писателю* весьма не къ стати желалъ соединить то, чего никакъ соединить не можно, хотя правду сказать обороты въ выраженіяхъ у Сенеки иногда бываютъ *пылки* и часто краткіе, но *слогъ* его вообще не почитается и не можетъ почтенъ быть *краткимъ* первое по тому, что онъ несвязенъ, какъ-то самъ издатель неумышленно въ томъ признается: ибо множество *отдѣльныхъ оборотовъ* составляетъ уже по себѣ несвязность *въ слогѣ;* и наконецъ для того, что слогъ, въ которомъ часто *повторяются одни и тѣ же мысли,* какъ и въ семъ онъ согласенъ, не можетъ быть *кратокъ,* но по самому существу есть очень *многословенъ;* ибо *многорѣчіе* не иное что есть, какъ привычка дѣлать частыя повторенія тамъ, гдѣ однимъ разомъ изобразить было бы можно. И такъ *слогъ* у Сенеки не *кратокъ,* но прерывистъ; хотя же онъ и силится употреблять въ выраженіяхъ своихъ и оборотахъ краткость, но чрезъ то самое часто смыслъ у него бываетъ превратенъ, теменъ и обоюденъ: /впрочемъ *краткость* и *точность* суть весьма между собою различны. Точность состоитъ въ стро-

гой соразмѣрности между мыслію и выраженіемъ, между тѣмъ, что сказать должно и что сказано, такъ чтобы первое не превышало послѣдняго, и мѣра мыслей опредѣляла мѣру словъ, а мѣра предмета опредѣляла бы мѣру сочиненія. Вотъ, что такое есть точность, составляющая качество хорошихъ сочинителей въ прозѣ и стихахъ и обязанность каждаго писателя, въ какомъ бы то родѣ ни было. Напротивъ того краткость не есть обязанность, а составляетъ качество какого либо ученаго человѣка или писателя, и состоитъ въ привычкѣ или усиліи выражать свою мысль сколько возможно кратчае что придаетъ силу, ежели не уменшаетъ ясности, какъ напримѣръ у Тацита и Саллустія она красоту составляетъ, но почитается погрѣшностію въ Персѣ; поелику у него должно отгадывать мысль невразумительно выражаемую. Однакожъ не должно принуждать себя къ краткости, хотя бы оная и не выходила изъ предписанныхъ предѣловъ: ибо краткія изображенія, какъ и всѣ прочія качества, употребляются для разнообразія необходимо нужнаго въ слогѣ; но ежели ихъ будетъ много другъ подлѣ друга, тогда они дѣлаютъ слогъ сухимъ и единообразнымъ, и въ семъ-то состоятъ *погрѣшности* въ Сенекѣ, каковыхъ вовсе не находится у Тацита, который слогъ свой измѣняетъ различнымъ образомъ и періоды у него единообразны; онъ часто къ стати кратокъ и всегда поченъ, но никогда немногорѣчивъ; поелику въ его выра-

женіяхъ нѣтъ ни излишества, ни недостатка: слѣдовательно онъ умѣетъ писать; а Сенека не умѣетъ.

Я уже не говорю о искуствѣ познавать людей, которое являетъ умствователя и наблюдателя, ни о силѣ изображеній, показывающихъ великаго живописца, словомъ такого человѣка, каковъ Тацитъ, я столько уважаю, что не могу рѣшиться поспавить съ нимъ въ сравненіе школьнаго словосплетателя, который властителя мира представляетъ говорящимъ подобно самохвалу на театрѣ.

Что касается до Дидерота, то онъ столь же мало почитаетъ Корнеля, какъ и Тацита, да и уважаетъ ли Дидеротъ что другое, кромѣ *философіи*... Сенекиной? Онъ усматриваетъ удивительное *сходство* между Корнелемъ и Сенекою: развѣ можетъ быть не со стороны ли погрѣшностей? Но о человѣкѣ, каковъ Корнель, судятъ только по его гению, а не по погрѣшностямъ, и не уже ли Корнель походитъ на Сенеку со стороны генія? Но въ одномъ хорошемъ явленіи у перваго я усматриваю больше, спокрайнъ больше онаго, нежели во всѣхъ сочиненіяхъ у послѣдняго: говорю я здѣсь о геніи умствующемъ, а не объ одномъ только драматическомъ достоинствѣ, или лучше сказать, говоря о Сенекѣ, упоминать о геніи было бы не у мѣста. Онъ имѣетъ все, что принадлежитъ къ остроумію, но сіе никогда не способствуетъ дарованію къ большимъ успѣхамъ: есть у него тонкость и

иногда даже разборчивость въ мыслях, особливо въ разсужденіи его *о благодѣяніях*, но тонкость его часто превращается въ мудрованіе, и въ замѣнъ одного пріятнаго мѣста встрѣчается сто такихъ, которыя наполнены натяжками; и въ Луканѣ находится такъ же сходство съ Корнелемъ, даже есть сходство у него въ возвышеніи и силѣ, соблюденное въ цѣлыхъ отрывкахъ, есть сходство и въ высокомъ родѣ; но сіи *отношенія* и уваженіе, какое Корнель имѣлъ къ Лукану, могли ли перемѣнить укоренившееся уже мнѣніе о Фарсальской брани и ея сочинителѣ? Какая же еще находится разность между Сенекою и Луканомъ, хотя оба они принадлежатъ уже ко второму отдѣленію сочинителей?

Догадываться надобно, что поборники Сенекины почитали себя недовольно ограженными со стороны свидѣтельствъ, и они сами чувствовали недостатокъ въ нѣхъ, какія собрать имъ удалося; потому что они приняли, можно сказать, отчаянное намѣреніе составить оныя отъ себя на случай надобности. „Портикъ, Академія и Ликей Гре„ческіе ничего не произвели такого, чтобы „сравнить можно было съ нравственною фи„лософіею Сенеки: — отгадаютъ ли, кто бы „составилъ сію похвалу? Плутархъ.“ *Дидер.*

Въ самомъ дѣлѣ никакъ бы я не отгадалъ сего, да и теперь еще не вѣрю тому. Сіи вовсе неумѣстныя иперболы отнюдь несвойственны слогу и свойству Плутарха, который столь скроменъ въ своихъ сужденіяхъ,

особливо относящихся до вкуса, что удерживается даже сказать свое мнѣніе о витійственномъ достоинствѣ между Цицерономъ и Димосѳеномъ, да и не находится въ сочиненіяхъ его ни слова о томъ, что Дидеротъ выдаетъ за его мнѣніе, хотя въ двухъ мѣстахъ упоминается тамъ о Сенекѣ, но безъ малѣйшей похвалы. Гдѣ же Дидеротъ нашелъ сіе сужденіе Плутархово? въ нѣкоторомъ примѣчаніи Юста Липсія, который приводитъ одно письмо Петрарка къ Сенекѣ, гдѣ упоминается о семъ сужденіи. Но доколѣ намъ не покажутъ, на какомъ свидѣтельствѣ основался Италіянскій стихотворецъ, мы имѣемъ неоспоримое право думать, что приписываемое имъ Плутарху мнѣніе произошло отъ ложнаго преданія, котораго никакихъ слѣдовъ не осталось, или есть стихотворческая выдумка. Когда заставляютъ говорить такого человѣка, каковъ Плутархъ; то должно указывать на подлинникъ: но гдѣ же онъ?

Дидеротъ сдѣлалъ другое подобное открытіе. Дриденъ сочинилъ весьма основательное сравненіе Сенеки съ Плутархомъ, нимало однакоже невыгодное для перваго. Дидеротъ выискалъ, неизвѣстно гдѣ, что тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о Сенекѣ и Плутархѣ, и что Дриденъ даже не думалъ о томъ (хотя всѣ черты сего сравненія совершенно показываютъ намъ двухъ древнихъ философовъ); но что онъ хотѣлъ *подъ ихъ именами* представить двухъ своихъ соотчичей, которыхъ однакожъ не именуетъ намъ.

Пусть такъ, но какое до того дѣло, ежели они походятъ по существу изображенія на упоминаемые подлинники? Впрочемъ Дидеротъ не слишкомъ и заботится о доказательствѣ противнаго. Что же касается до двухъ Агличанъ, то это дѣло Дриденово, а не наше; однакожъ сіе не помѣшало Дидероту почесть самыми жалкими простяками тѣхъ, которые думали тутъ найти Плутарха и Сенеку единственно по тому, что Дриденъ поставилъ ихъ имена точно такъ же, какъ бы поставлены были имена Дамиса и Мондора.

Но здѣсь является новый сопротивникъ Сенеки, ужасный *бичъ его философіи и добродѣтели*, котораго самъ Дидеротъ выводитъ на позорище, и жестоко наказавъ его, объявляетъ намъ о его имени, и я напередъ могу увѣрить васъ, что вы содрогнетесь при именованіи его; но надобно послушать самаго Дидероіа, что онъ говоритъ о семъ.

„Сенека обязанъ будучи по званію сво„ему *презирать смерть*, когда руководство„валъ въ добродѣтели питомца своего, му„дрый Сенека паче заботился *о скопленіи „своихъ сокровищъ*, нежели о исполненіи „сей опасной обязанности, и довольство„вался умѣрять жестокость тирана тѣмъ „только, что потворствовалъ его *роскоши*, „такъ что *постыднымъ своимъ молчаніемъ* допустилъ погибнуть многихъ пря„мыхъ сограждан, которыхъ бы защищать „ему надлежало. Наконецъ изъ примѣра дру„зей своихъ предчувствуя близкое паденіе „свое, при всѣхъ своихъ Стоическихъ пра-

„вилахъ имѣя менѣе духу, нежели Эпикуреецъ „Петроній, и изъ опасенія яда соскучивъ пи- „шаться плодами, которые росли въ саду его, „и утолять жажду прѣсною водою, рѣшил- „ся онъ жалкимъ образомъ предложить свои „сокровища (*) на обмѣнъ жизни, о которой „проповѣдывалъ, что не дорожитъ ею, при- „нявъ же намѣреніе спасти ее, и не мог- „ши купить за сію цѣну, понесъ достойное „наказаніе за то, что *столько* употреблялъ „заботливости о скопленіи оныхъ. Скажутъ, „можетъ быть, что я нѣсколько сурово „поступаю съ симъ философомъ; но *осно- „вываясь на сказаніи Тацита*, льзя ли су- „дить о немъ *снисходительнѣе*? а короче „сказать, ни Сенека, ни Бурръ не были такъ „честны, какъ намъ описываютъ ихъ.“

Отгадайте же теперь, чья сія *жестокая и Лаконическая сатира*, которая *непріятелямъ Сенекиныхъ съ того времени всегда служила оружіемъ* въ томъ, что намъ сказалъ здѣсь Дидеротъ? Она принадлежитъ Дидероту, да, самому Дидероту! Но

(*) Сочинитель ошибся здѣсь въ происшествіяхъ: Сенека прежде удаленія своего отъ двора рѣшился возвратить Нерону все, что онъ получилъ отъ него, и послѣ сего уже времени принялъ мѣры предосторожности отъ яда, о чемъ здѣсь говорится. Изключая сію маловажную ошибку въ порядкѣ произшествій, сочинитель во всемъ прочемъ сохранилъ истинну. *Прим: Лагарпа.*

этотъ грѣхъ учиненъ имъ въ молодости, когда ему было, по словамъ его, не болѣе *двадцати лѣтъ*, какъ онъ напечаталъ ее, въ чемъ изпрашивая прощеніе, онъ возклицаетъ съ самымъ умиленнымъ сокрушеніемъ: „Ахъ молодой человѣкъ! въ сей *безразсуд-*„*ности* твоей винить болѣе должно учите-„лей грамматики, которые тебя воспитали, „и подъ предлогомъ предохраненія вкуса тво-„его отъ порчи удалили отъ тебя *важныя* „*наставленія* философа.... Для руководства „въ твоихъ поступкахъ ты не имѣлъ ни-„чего другаго, кромѣ *жалкихъ* тетрадей „Аристотелева нравоученія, которыя тебѣ „толковалъ въ школѣ съ нѣсколькими глава-„ми изъ Николя въ послѣдній день каждой „недѣли профессоръ изъ Янсенистовъ.“

И такъ Г. Дидеротъ цоелику для тебя кажутся нужными всѣ сіи извиненія, чтобы получить проценіе за такое сочиненіе, которое можетъ почесться основательнѣйшимъ изъ всего тобою написаннаго, и за такое *сужденіе*, въ коемъ ничего ты отъ себя не придумалъ, а повторилъ тоже, что сказали до тебя многіе разсудительные писатели; но мы употребимъ всякую возможность, чтобы сіе твое оправданіе, какъ бы оно плохо ни было соображено, осталось въ своей силѣ: не коснемся мы тебя и въ томъ, что въ семъ мнѣніи, которое всю свою основу имѣетъ на *сказаніи Тацита*, должно винить единственно *учителей грамматики*, которые не давали тебѣ читать Сенеку, хотя по самому существу своему сочиненія

его не имѣютъ никакого отношенія съ его поступками; мы даже оставимъ безъ вниманія и·ое презрѣніе къ Аристотелеву нравоученію, хотя оно никогда не почиталось столь *жалкимъ*, равно презрѣніе къ Николю, о которомъ самъ Вольтеръ отзывается съ похвалою. Ты, свободно, особливо о семъ судишь, почему же другимъ не позволяешь такую же свободу? Ежели ты почитаешь за *нескромность* напечатанное тобою, что Сенека *не весьма былъ честенъ*, то почему же почитаешь *злобными*, *лицемѣрами*, *развратными*, *беззаконниками* и проч. всѣхъ тѣхъ, которые мыслили и теперь мыслятъ такъ же, какъ ты тогда мыслилъ? Не ужели ты *двадцати лѣтъ* имѣлъ всѣ сіи пороки, когда *столь жестоко нападалъ на Сенеку*? Безъ сумнѣнія нѣтъ; по тому что ты самъ въ томъ удостовѣряешь о себѣ, описывая здѣсь, каковъ ты былъ въ то время слѣдующими словами: „Я тебя знаю: ты „отъ природы снисходителенъ, *честенъ и* „*чувствителенъ*. Сколько-разъ видѣли, какъ „ты *защищалъ виновнаго съ бо́льшею рев-* „*ностію и жаромъ*, нежели онъ самъ. Какъ „же ты могъ такъ скоро лишиться *сего* „*щастливаго и рѣдкаго расположенія*?“

Здѣсь то, что ты *честенъ и чувствителенъ*, ничего не значитъ, и сіе всякъ о себѣ сказать можетъ, хотя гораздо бы лучше было, ежели бы другіе такъ о насъ говорили; но почему не почитаешь ты такожъ и тѣхъ, которые подобно тебѣ могли быть обвинителями Сенеки, не пере-

ставая быть *честными и чувствительными*, или лучше сказать были всегда шаковыми? Развѣ они менѣе *честны и чувствительны*, нежели ты; потому что они не выказываютъ *такой ревности и жару*, какъ ты *защищая виноватаго*? Однакожъ не погрѣшилъ ли ты въ понятіи *о честности и чувствительности*? Ежели бы ты защищалъ обвиняемаго, а *не виноватаго*, какъ самъ ты говоришь; то былъ бы ты правъ. Но гдѣ нашелъ ты такое *правдоученіе*, которое бы *защищеніе виноватаго* почитало за знакъ *честности*? Ни у Аристотеля, ни у Николя сего не находится, да ты и показать никого не можешь, кто бы одобрялъ такую предосудительную несообразность. Мы всѣ обязаны сожалѣть о *виновномъ* и даже извинять его, сколько обстоятельства позволяютъ; потому что всякъ можетъ впасть въ вину. Но послѣ нещастія быть участникомъ *виновнаго* величайшее нещастіе состоитъ въ томъ, когда защищаемъ его, а особливо съ такимъ *жаромъ и ревностію*. Не уже ли ты не чувствуешь, что тогда лишаешь ты себя права *защищать* невинность и добродѣтель; потому что чрезъ то самъ ослабляешь и посрамляешь свое сужденіе? Не уже ли, говорю, не чувствуешь, что ты симъ выраженіемъ неумышленно вырвавшимся осудилъ уже того, кто не только *съ такимъ жаромъ и ревностію*, но даже съ такимъ ожесточеніемъ и безсовѣстіемъ *защищалъ* Сенеку?

Сіе въ настоящемъ изслѣдованіи составляетъ послѣдній, а у Дидерота въ сочиненіи главный предметъ, ежели въ томъ положиться на него: ибо онъ увѣряетъ, что принялся за перо болѣе для того, чтобы *защитить* человѣка, нежели писателя, хотя оба они равное занимаютъ мѣсто на шести стахъ страницахъ разсужденія его. Но сіе нравственное преніе надолгобы насъ здѣсь остановило, ежели бы мы вздумали блудить съ сочинителемъ въ лабиринѳѣ, въ которой онъ пустился, и слѣдовать за нимъ по безчисленнымъ изворотамъ, которые всѣ ведутъ только къ заблужденію, а не къ истинѣ; притомъ же и по нашему предначертанію составляетъ сіе только случайность, или такъ сказать вводное обстоятельство, допускаемое здѣсь единственно во удовлетвореніе вашего любопытства, чтобы не терять совсѣмъ изъ виду, что собственно касается до славныхъ мужей, коихъ сочиненіями мы занимаемся; то въ семъ отношеніи я и ограничусь здѣсь только тѣмъ, что существенно принадлежитъ къ сей части, и довольно будетъ для предположенной мною цѣли простаго изложенія произшествій и главныхъ доказательствъ нужныхъ къ убѣжденію.

Во первыхъ весьма основательное имѣютъ предубѣжденіе противъ защитника Дидерота во всемъ томъ, что онъ ни говоритъ о намѣреніи своего сочиненія и о побудительныхъ причинахъ предпріятія своего, такъ что ежели послушать его, то одно

усердіе къ *оклеветанной невинности и къ памяти добродѣтельнаго философа* внушило ему написать огромную книгу съ ужаснымъ ожесточеніемъ, гдѣ безпрестанно онъ о семъ самомъ повторяетъ съ усугубленіемъ своей страсти и велерѣчія, такъ какъ будто бы не можетъ быть ни философіи, ни добродѣтели въ свѣтѣ, ежели кто коснется философіи и добродѣтели Сенекиной; и въ тожъ время по противоположнымъ причинамъ онъ и издатель утверждаютъ, что *ненависть къ добродѣтели и истинѣ* единственно заставляютъ всѣхъ поносителей вооружаться противъ Сенеки: но то и другое мнѣніе противны самому существу и здравому смыслу, и безумно заключать, что будто кого нибудь изъ древнихъ живша́го за тысячу семь сотъ лѣтъ не льзя порицать *безъ ненависти къ добродѣтели*, хотя бы то былъ Катонъ или Фокіонъ: ибо память мужей сдѣлавшихся извѣстными въ исторіи подлежитъ сужденію всѣхъ вѣковъ; потому что оно бываетъ безпристрастнѣе какъ по мѣрѣ отдаленія времени, такъ и по тому, что никому ни льстить, ни оскорблять не можетъ, и по удачно употребленному выраженію самимъ Дидеротомъ называется правосудіемъ вѣковъ; кътому же самъ Дидеротъ говоритъ намъ въ своемъ сочиненіи, что *можно ненавидѣть человѣка добродѣтельнаго въ жизни, но противоестественно ненавидѣть самую добродѣтель*. Это вообще справедливо, и одно уже сіе изпровергаетъ всѣ обидныя обвиненія, взводимыя имъ на

тѣхъ, противъ которыхъ онъ вооружается. И такъ истинна сія, сообщенная намъ самимъ Дидеротомъ, изпровергаетъ всю сатирическую часть его книги; но вы уже видѣли, что для возраженія ему часто довольно бываетъ ссылаться на него самаго.

Съ другой стороны не больше естественно такъ же и то, что Дидеротъ хотя везде *съ жаромъ* поступаетъ, но здѣсь доходитъ уже до бѣшенства противъ такого мнѣнія, которое отнюдь не новое и было нѣкогда его собственнымъ, и онъ такъ хорошо сіе почувствовалъ, что самъ себѣ возражая и укоряя себя въ колкихъ выраженіяхъ, приписываетъ ихъ то *усердію къ истинѣ*, то *негодованію*, внушаемому въ него соперниками своими, подвергающими *философа непріятности сожалѣть о написанномъ имъ и быть самимъ собою недовольнымъ*: это его собственныя слова, которыя уже показываютъ не извиненіе, но признаніе его. Словомъ сказать, самыя обстоятельства послужатъ разрѣшеніемъ, и потому надобно объяснить ихъ. Журналисты, наиболѣе участвовавшіе въ порицаніи Сенеки, когда было возвѣщено о переводѣ Лагранжа, были открытыми непріятелями Дидерота и его приверженцевъ, и въ сужденіяхъ своихъ непрестанно на него нападая, помѣстили въ самой статьѣ о Сенекѣ слѣдующія слова: „Мы мало вѣримъ философскимъ добродѣтелямъ.“ Самъ Дидеротъ приводитъ сіе мѣсто: что жъ изъ сего послѣдовало? то, что Дидеротъ, удерживавшійся по сіе время

прямо отвѣчать своимъ соперникамъ, воспользовался симъ случаемъ, дабы можно было вести войну отъ имени и подъ знаменами Сенекиными, и, можно сказать, за одинъ пріемъ онъ оплатилъ за все, такъ что вся накопившаяся въ немъ жолчь излилась въ его сочиненіи, и я здѣсь не вхожу въ изслѣдованіе, до какой степени сіи мести доведена имъ, соразмѣрена ли и прилична ли *твердости лидерца*; однакожъ по всей вѣроятности имѣлъ онъ въ предметѣ своемъ самое недобромысленное намѣреніе, то есть чтобы дать возможно превратный толкъ вопросу о словесности и нравоученіи.

Для Дидерота столько же важно и то, чтобы почитали его за *изступленнаго*, дабы сіе послужило прикрытіемъ нельпостей, содержащагося въ книгѣ его: по сему самому онъ и отзывается съ похвалою *о головахъ восхищенныхъ* или *изступленныхъ*, а похвала сія и на него самаго разпространяется; но вы уже видѣли, что онъ не поставляетъ въ томъ грѣха, и даже утверждаетъ, что названіе *восхищенной* или *изступленной головы* принадлежитъ *тѣлу*, *кто сильно нападаетъ на общіе пороки*, и даже *тревожится*, что *коль скоро кто не имѣетъ такой головы, тотъ имѣетъ сердце развращенное*. „Другъ мой, о „когда бы ты могъ во всю жизнь твою быть „достоинъ сего наименованія!“

Подобныя правила у всѣхъ подобныхъ людей находятся, кои погрѣшности своихъ сочиненій превращаютъ въ науку сшихо-

творства, а личные свои пороки въ нравоученіе; но ихъ выраженія, обращенія, воскликанія и заклинанія годятся только для черни на игрищахъ; напротивъ того здравый смыслъ говоритъ въ отвѣтъ площадному витіи: изступленіе есть первая степень сумасшествія, а сумасшествіе можетъ ли быть къ чему пригодно? *Восхищенная голова* и холодная душа имѣютъ удивительное между собою сходство, и я въ одной цѣнѣ ихъ полагаю. Наконецъ чрезвычайно смѣшно въ одно и тоже время столько же хвалить *изступленіе*, сколько и *истинну!* Какая несообразица! сними которую нибудь вывѣску: ежели ты *философъ*, то разсуждай; а ежели *изступленный человѣкъ*, то сумасбродствуй. Избирай любое.... но природа для тебя уже сдѣлала выборъ.

Уваженіе къ добродѣтели есть у него одинъ изъ доводовъ или вопіеній (здѣсь то и другое за одно приемлется), который Дидеротъ разточаетъ съ отвратительною неумѣренностію, и хочетъ чрезъ то взять верхъ надъ самыми ясными разсужденіями и самыми правдоподобными заключеніями; а по томъ выставлены у него сряду слѣдующія выраженія: „Я говорю только въ самой крайности.... „Я защищаю добродѣтель.... Читателъ благо„намѣренъ ли ты, или неблагонамѣренъ, я „предаю на твой судъ, и проч. и проч.“

Мудрователь, остановись на нѣсколько, ежели только можно: уловка сія слишкомъ уже извѣстна: ты почитаешь уже доказаннымъ то, что подлежитъ еще розысканію,

то есть *добродѣтель* Сенекина, разумѣешь ли? да, ее самую отрицаютъ, и отрицаютъ доказательствами, которыхъ ты не въ силахъ будучи опровергнуть, противупоставляешь только предположеніе *объ оной;* но не уже ли не устыждаетъ тебя такая неосновательная логика? Согласи прежде самыя дѣла *съ добродѣтелію*, о которой проповѣдуешь, и по томъ уже торжествуй. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ хотя одинъ разъ выдетъ у тебя похвальное слово, недовольно ли сего?

„Всѣ вы, такъ сказать, ученики подлаго „Суиллія, въ лицѣ коего Сенека имѣлъ толь„ко одного обвинителя своего.“

У поборниковъ Сенекиныхъ всѣ страницы наполнены именемъ сего Суиллія, хотя критики ни слова о немъ не упоминаютъ. Но я не буду подражать Дидероту, который взялся *снять личину* съ Суиллія, чего самъ Тацитъ не оставилъ бы съ своей стороны сдѣлать, ежели бы онъ дѣйствительно имѣлъ оную, да Суиллій не имѣлъ и причины скрываться подъ личиною, когда онъ былъ явный доносщикъ, человѣкъ подлый, погубившій многихъ невинныхъ людей, коего въ царствованіе Клавдіево попеременно то въ ссылку ссылали, то опять изъ оной возвращали, а при Неронѣ, когда всю власть въ рукахъ своихъ имѣли Бурръ и Сенека, онъ снова былъ осужденъ въ верховномъ судилищѣ, и по свидѣтельству Тацита *хотя былъ потерпѣлъ многими, однакоже осужденіе его произвело негодованіе противъ Сенеки:*

quamvis multorum odia meritus reus, haud tamen sine invidia Senecae damnatur. Впрочемъ сей невыгодный отзывъ не льзя здѣсь отнести въ укоризну Сенекѣ, но оный показываетъ только, что Сенека имѣлъ главнѣйшее участіе въ семъ новомъ приговорѣ въ ссылку, который почитали слишкомъ строгимъ; потому что Суиллій во второй разъ уже наказывался и притомъ въ такое время, когда нравы уже лишились прежней твердости, а нещастіе и уничиженіе легко способствовали къ забвенію преступковъ. И такъ дѣло сіе учинилось нѣсколько гласнымъ въ Римѣ: ибо и Тацитъ повѣствуя о немъ съ довольною подробностію, приводитъ даже рѣчи говоренныя Суилліемъ въ свое защищеніе, въ которыхъ какъ бы всю вину возлагая въ своемъ злоключеніи на одного Сенеку, укоряетъ онъ его въ алчности, въ великомъ богатствѣ неприличномъ его философскимъ правиламъ и въ любовныхъ связяхъ съ Юліею сестрою Калигулы, что самое было поводомъ или предлогомъ Сенекиной ссылки въ правленіе Клавдіево, и сіе послѣднее мнѣніе кажется болѣе правдоподобнымъ, хотя впрочемъ всѣ бытописатели говорятъ не иначе о сей связи, какъ о невѣрномъ слухѣ или мнимомъ только обвиненіи; даже самъ Діонъ, мало щадившій Сенеку, въ томъ же согласуетъ: напротивъ того Сентъ-Эвремондъ, который ни въ чемъ не сумнѣвается, выставляетъ Сенеку даже *любовникомъ Агриппины*, однакоже безъ всякихъ доказательствъ, и вѣроятно только для того, чтобы имѣть удовольствіе пока-

зать въ Стоикѣ распутнаго человѣка. Но всему тому, какъ уже выше сказано, нѣтъ другихъ основаній, кромѣ однихъ народныхъ слуховъ, о которыхъ писатели хотя упоминаютъ; однакожъ ихъ не утверждаютъ, равно и Тацитъ ни въ чемъ не утверждаетъ рѣчей Суилліевыхъ. Ежели полагали (какъ сіе видно въ подлинникѣ у Дидерота, который дѣлаетъ себѣ возраженіе), что Суиллій *не сойдя съ ума*, не могъ предъ Нерономъ говорить о такихъ дѣлахъ, лживость коихъ могла быть ему извѣстна; то такое мнѣніе неосновательно, да и Дидеротъ нелучше отвѣчаетъ, говоря, что Суиллій могъ быть *подверженъ сумасшествію; поелику онъ былъ человѣкъ злонравный*: но такое умозаключеніе принадлежитъ Стоикамъ, и только въ Портикѣ можно онымъ доказывать: ибо могло ли что раздраженному человѣку препятствовать повторить во вредъ врагу своему разглашенныя, хотя и недоказанныя обвиненія? Что же касается до богатствъ Сенекиныхъ, то въ семъ не льзя винить Суиллія, и самъ Сенека въ своей рѣчи Нерону признается, что сіе чрезвычайное изобиліе неприлично Сенекѣ, и онъ по моему мнѣнію правъ въ семъ: однакожъ я не заключаю изъ сего по примѣру другихъ, чтобы онъ съ сей стороны поступалъ *лицемѣрно*, хотя не льзя такъ же не признаться и въ томъ, что всѣ почти вообще укоряютъ его въ лицемѣріи, такъ что строгій нравоучитель послѣдняго столѣтія Рошфукольдъ въ заглавіи своихъ правилъ представилъ его изобра-

женіе въ видѣ *лицемѣрія* въ маскѣ (*) съ подписью его имени, что самое уже служитъ сильнымъ доказательствомъ, что имя его не въ такомъ было уваженіи, какъ-бы ни увѣряли насъ въ томъ его защитники, которые, кажется, всегда почитаютъ насъ за выходцевъ съ другаго свѣта. Напротивъ того что сказали бы они, ежели бы сочинитель упомянутыхъ правилъ въ подобномъ видѣ представилъ Аристида, Сократа, Платона или кого либо другаго изъ древнихъ именитыхъ мужей, которыхъ славу помрачить не льзя, между тѣмъ какъ въ пользу Сенеки никто не сказалъ ни слова, и никто не вступился

(*) Это безъ сумнѣнія весьма обдуманная и сильная обида, каковая нанесена Сенекѣ, за которую поборники его могли бы поступить съ Рошфукольдомъ, какъ съ сущимъ беззаконникомъ. Но изъ нихъ одинъ удовольствовался только замѣтить, что *эсталонъ сей находится только въ трехъ или четырехъ первыхъ изданіяхъ*, изъ чего онъ заключаетъ, что *сочинитель переливщилъ свое лишніе*; другіе же изъ сего вывели только то заключеніе, что поелику доска сдѣлалась негодною, то книгопродавцы, коимъ передано было сіе сочиненіе, не нашли выгоды употребить издержки на новую доску: а настоящею причиною скромности, что не льзя было Рошфукольда причислить къ Суилліямъ, было то, что фамилія сія была тогда въ силѣ и уваженіи. Вотъ, какимъ образомъ наши соперники увертываются, и какъ всякимъ обстоятельствомъ пользуются. *Приливъ: Лагарпа.*

за него въ теченіе ста лѣтъ? Однакожъ все сіе не доказываетъ еще, что онъ дѣйствительно былъ *лицемѣръ* въ отношеніи къ богатству, т е по тому, что мудрецъ можетъ быть богатымъ, не уклоняясь отъ мудрости, и можетъ пользоваться изобиліемъ, не прилѣпляясь къ оному. Хотя намъ неизвѣстно, какое Сенека дѣлалъ изъ богатства употребленіе, но поелику не имѣемъ такъ же никакихъ доказательствъ и въ худомъ его употребленіи, то и можно полагать, что онъ дѣлалъ изъ него хорошее употребленіе. Діонъ, на котораго не льзя ни въ чемъ полагаться, ежели повѣствуетъ одинъ, представляетъ Сенеку скупымъ; но Ювеналъ упоминаетъ о драгоцѣнныхъ подаркахъ, которые онъ дѣлалъ друзьямъ своимъ. 2 е Не безопасно было отвергнуть щедроты Нероновы: ибо таковая нескромность могла бы показаться нѣкоторымъ родомъ укоризны въ неприличной разточительности его, съ каковою награждались отпущенники, но еще опаснѣе было для Сенеки возвратить все, когда онъ удалился отъ двора, что было бы сочтено за явную вражду; копія же добродѣтельный человѣкъ и долженъ являть свою твердость въ случаѣ опасности, однакожъ онъ не обязанъ подвергать себя оной безъ нужды. 3 е Хотя Сенека отдавалъ деньги свои изъ большаго росту, но сіе съ давняго времени было всеобщимъ обыкновеніемъ у Римлянъ даже такихъ, которые держались самыхъ спрогихъ правилъ, и Катонъ Цен-

сорѣ и Брутѣ (*) были величайшими ростовщиками своего времени. Во всемъ, что не заключаетъ само по себѣ преступленія, но становится онымъ по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ, народные обычаи могутъ служить оправданіемъ для каждаго въ особенности; слѣдовательно и не должно терять изъ виду всего того, что касается до древнихъ.

Пусть Дидеротъ вопіетъ, какъ бы въ судейской, *розыскивая дѣло Суиллія*, и пусть онъ въ самой вещи произнесетъ страшный приговоръ свой, по которому сему бѣдняку доведется итти на *Тарпейскую гору*; пусть онъ сіе дѣлаетъ; у него на то есть досужное время: ибо дѣло Сенекино, будучи немногимъ важнѣе, не имѣетъ отношенія съ дѣломъ Суиллія: и такъ намъ нужно здѣсь удостовѣриться: 1е въ самомъ ли дѣлѣ Сенека во время ссылки въ Корсикѣ простиралъ лесть свою до отвратительной подлости къ безумному Клавдію и нѣкоторому отпущеннику по имени Полибію, къ которому онъ обращаетъ *утѣшеніе*, почитавшееся всегда въ числѣ его сочиненій? 2е Былъ ли онъ гнуснымъ соучастникомъ въ преступленіи и защитникомъ убійства, когда Неронъ приказалъ умертвить матерь

(*) Можно видѣть въ письмахъ Цицероновыхъ изложеніе денежнаго постановленія, по которому Брутъ получалъ росту по сороку осьми на сто.

свою? Вотъ, въ чемъ укоряютъ Сенеку тѣ лѣ, которые не хотятъ вѣрить, чтобы онъ въ своихъ поступкахъ руководствовался нравоученіемъ, содержащимся въ его сочиненіяхъ. Діонъ и его сократитель Ксифилинъ здѣсь вовсе не приемлются во уваженіе; и даже Суиллій не говорилъ никогда и не могъ говорить того, къ разсмотрѣнію чего мы теперь приступая, устранимъ личную его ссору съ Сенекою и всѣ укоризны, какія онъ ему дѣлаетъ, а будемъ судить о Сенекѣ, основываясь единственно на сказаніи Тацита, котораго свидѣтельство должно быть и для защитниковъ и для насъ неоспоримо. Теперь представите, прошу васъ, какъ будто бы обстоятельства не перемѣнялися, и Суиллія никогда на свѣтѣ не было, но все дѣло какъ бы находится предъ нами въ томъ же самомъ положеніи; вообразите при томъ и то, что въ глазахъ Дидерота всѣ тѣ суть *Суилліи*, которые утверждаяся единственно на словахъ Тацитовыхъ, отзывались въ семъ дѣлѣ невыгодно о Сенекѣ; и тогда посудите, можно ли разсудительному человѣку безъ жалости смотрѣть на хладнокровный бредъ старика, который съ такимъ безуміемъ нападаетъ на всякаго несогласующагося съ его мнѣніемъ о Сенекѣ, такъ что ужаснымъ своимъ воплемъ не даетъ покою, и на каждой страницѣ преслѣдуетъ прахъ мертваго и неизвѣстнаго человѣка, избравъ его своимъ орудіемъ только для того, чтобы злословить живыхъ, нимало не защищая тѣмъ своего дѣла, къ имени коего два или

три почитателя Сенекины такъ привыкли, что ежели кто нибудь изъ нихъ сдѣлаетъ въ пользу его новое покушеніе; то я много удивлюсь и даже нѣсколько буду досадовать, ежели не увижу и себя причисленнымъ къ фамиліи Суилліевой.

И такъ начнемъ съ главнѣйшаго обстоятельства, то есть съ убіенія Агриппины, въ разсужденіи коего доказанная истинна послужитъ уже основаніемъ и разрѣшеніемъ всѣхъ прочихъ произшествій, и пусть Тацитъ въ томъ насъ руководствуетъ: ибо наши соперники кромѣ его не пріемлютъ инаго свидѣтельства, да и я не желаю другаго. Хотя же Дидеротъ винитъ себя въ томъ, что онъ *будучи отъ роду двадцати лѣтъ, не понималъ его;* но какъ бы то ни было, кажется тогда онъ столь же хорошо, какъ и весь свѣтъ понималъ его; поелику утверждаясь на его повѣствованіи, изрѣкъ свое обвиненіе на Сенеку. Но вы увидите, что ему угодно было весьма худо *понимать* его, обезобразить и даже сдѣлать лжецомъ, когда имѣя уже *шестдесятъ лѣтъ* отъ роду, вздумалъ напасть на своихъ соперниковъ подъ видомъ защищенія Сенеки.

Весьма извѣстно адское и достойное Нерона и его отпущенника Аницета изобрѣтеніе того корабля, который построенъ былъ для погубленія Агриппины, спасшейся отъ онаго какъ бы нѣкоторымъ чудомъ и удалившейся послѣ сего въ Бавлійской свой приморскій дворецъ: тогда сообщники Нероновы немедленно въ полночь поспѣшили въ

Баіи для донесенія ему, что махина не имѣла удачи и только обнаружила умыселъ, отъ чего Неронъ пришелъ въ страхъ: ибо опасался всего отъ мщенія Агриппины и отъ всеобщаго негодованія. Теперь послушаемъ Тацита, котораго я переведу, сколько можно, вѣрнѣе, не изкажая его, не раздробляя, не убавляя и не прибавляя по примѣру нашихъ соперниковъ: остается только обратить вниманіе на каждое выраженіе, которыя историкъ умѣлъ вѣсить и употреблять съ разборчивостію. Неронъ представленъ размышляющимъ съ самимъ собою.

(*) „Какое ему остается средство къ спа„сенію, ежели Бурръ и Сенека не придума„ютъ онаго? И для того призвалъ ихъ къ себѣ „немедленно, о которыхъ неизвѣстно, знали „ли они о томъ прежде. Оба они долго мол-

---

(*) Quod contra subsidium sibi, nisi quid Burrhus et Seneca expergiscerentur? Quos statim acciverat, incertum, an et ante gnaros. Igitur longum utriusque silentium, ne inriti disuaderent, an eo descensum credebant, ut nisi praeueniretur Agrippina, perendum Neroni esset? Post Seneca, laetenus promptior, respicere Burrhum, ac sciscitari, an militi impetranda caedes esset? Ille, praetorianos toti Caesarum domui obstrictos et memores Germanici, nihil aduersus progeniem eius atrox ausuros, respondit: perpetraret Anicetus promissa. Qui nihil cunctatus, poscit summam sceleris. Ad eam vocem Nero, illo sibi die dari imperium, auctoremque tanti muneris libertum profitetur; iret propere, duceretque promptissimos ad iussa. Tacit: annal: lib: 14.

„чали, по тому ли, что отъ представленія „своего не ожидали успѣха, или находили „дѣло въ такомъ положеніи, что надлежало „или предупредить Агриппину, или погиб„нуть Нерону. Наконецъ Сенека, который „обыкновенно скорѣе изъяснялся, взирая на „Бурра, вопрошаетъ его, не поручить ли вои„намъ совершить убіеніе? на что Бурръ „отвѣчалъ, что преторіанскіе воины пре„даны всему дому Кесарей, чтятъ память „Германика, и не дерзнутъ сдѣлать никако„го насилія его дочери; но пусть Аницѐтъ „исполнитъ свое обѣщаніе, который ни„мало не колеблясь, принимаетъ на себя „совершеніе злодѣянія. Что услышавъ Не„ронъ, сказалъ, что онъ съ того только дня „получитъ имперію, и сею важною услугою „обязанъ будетъ единственно отпущенник„: „и для того велитъ ему немедленно итти „для исполненія порученнаго ему дѣла и взять „отважнѣйшихъ людей съ собою.“

Остановимся нѣсколько на сей первой части повѣствованія, и во первыхъ разсмотримъ, участвовали ли Сенека и Бурръ въ первоначальномъ злодѣйскомъ намѣреніи? Діонъ не сумнѣвается въ томъ, однакожъ утверждаетъ безъ доказательствъ и даже безъ правдоподобія: ибо Нероно̀ъ положась въ томъ на Аницѐта, не имѣлъ причины до того времени имъ открываться. По крайней мѣрѣ хотя были ли они извѣстны о томъ (gnaros): ибо изъ Тацита открывается, что сама Агриппина была о томъ не неизвѣстна? Тацитъ хотя не говоритъ о томъ положительно;

однакожъ не безъ основанія можно сдѣлать заключеніе, да и самъ Дидеротъ по крайней мѣрѣ въ разсужденіи Бурра въ томъ согласенъ, основываясь на слѣдующихъ словахъ: perpetraret Anicetus promissa (то есть пусть исполнитъ Аницетъ обѣщаніе). И такъ Бурръ зналъ о томъ, а слѣдовательно и Сенека. Но сего не льзя еще вмѣнить имъ въ вину: поелику они могли о томъ знать, не только не имѣя участія и не давая своего согласія, но даже не имѣя средствъ воспрепятствовать тому, какъ-то видно изъ слѣдующихъ словъ Тацита: *ne irriti disuaderent* (то есть отъ совѣта или представленія своего не ожидали успѣха). Слѣдовательно доселѣ не льзя ихъ ни въ чемъ винить, и *долгое ихъ молчаніе* служитъ даже знакомъ неодобренія ихъ. Но кто по крайней мѣрѣ доселѣ больше показалъ твердости, и по возможности воспротивился злодѣянію? Это безспорно Буррь: ибо онъ рѣшительно отказалъ употребить для сего тѣлохранителей, надъ коими имѣлъ начальство; а предъ Нерономъ такой отказъ былъ весьма опасенъ; что довольно доказываютъ чрезвычайная его радость и изъявленіе благодарности отпущеннику за его обѣщаніе. Но Дидеротъ думаетъ о семъ вопреки, и какъ Бурра, такъ и Сенеку ставитъ обѣихъ на одномъ ряду. Изъ того же, что Сенека говоритъ первый, вопрошая Бурра, заключаетъ онъ, что одинъ только Сенека ничего не зналъ, хотя совершенно невѣроятно, чтобы одинъ изъ нихъ зналъ больше другаго, а изъ того, что оба

долго не отвѣчали, выводитъ онъ, что *они безъ сумнѣнія сдѣлали самыя сильныя представленія*, и увѣряетъ, что онъ такъ *разумѣетъ* Тацита. За симъ слѣдуетъ статья *о силѣ молчанія*, и наконецъ изъявивъ негодованіе свое *за ужасную дерзость* прибавлять, хотя бы то одно слово было, къ подлиннику Тацитову, онъ замѣняетъ повѣствованіе историка своимъ, и у него Неронъ говоритъ: „Отвѣчайте и помните, что за „неудачу заплатите вы своею жизнію.“ Но у Тацита въ подлинникѣ ниодного слова о семъ не находится, изъ чего видно, что Дидеротъ помышлялъ только о томъ, какъ бы представить Нерона, дабы страхъ Сенекинъ показался болѣе основательнымъ; но онъ забылъ, что въ то время самъ Неронъ обѣятъ былъ ужасомъ: поелику видѣлъ себя въ опасности, а въ опасности даже при малѣйшемъ ея призракѣ никто не былъ столько малодушенъ, какъ Неронъ, и Тацитъ изобразя намъ его таковымъ, не могъ представить его угрожавшимъ своимъ наставникамъ, когда самъ онъ всего опасался отъ своей матери: одинъ Дидеротъ въ помянутомъ предположеніи столько имѣлъ нужды, что даже не примѣтилъ всей своей нелѣпости: для него равномѣрно было такъ же нужно робкому вопросу Сенеки придать нѣкоторую цѣль и силу, чего у Тацита не находится, и у него Сенека говоритъ: „не ну„жно ли приказать солдатамъ убить мать Им„ператорову?“ Напротивъ того у историка Сенека говоритъ просто: *не поручитъ ли*

воинамъ совершить убіеніе: an ingressa militi caedes? Но съ другой стороны Тацитъ никакого не дѣлаетъ описанія ни *молчанію, ни взгляду, ни голосу, ни виду*, а все сіе предоставилъ старанію поборника Дидерота.

Изъ сего явствуетъ, что въ соумышленичествѣ одинъ только Діонъ винитъ Бурра и Сенеку, и словъ его никто другой изъ бытописателей не утверждаетъ; однакоже не видно изъ Тацита, чтобы Сенека показалъ хотя малый знакъ противоборствія или твердости, въ чемъ Бурръ превзошелъ его далеко. Послушаемъ, что говоритъ Тацитъ: когда Агриппина была уже убита въ своей постелѣ Аницетомъ при помощи одного сотника, одного начальника галеры и отряда морскихъ воиновъ, въ виду невольниковъ, ея домашнихъ и разсѣяннаго народа, и когда поздравленія отъ сената и народа присланы уже были въ Неаполь для успокоенія удалившагося туда матероубійцы; (*) „отправилъ онъ въ сенатъ письмо слѣ-

---

(*) „Litteras ad Senatum misit, quarum summa erat: „Repertum cum ferro percussorem Agerinum, ex intimis Agrippinae libertis, et luisse eam poenam eâ „conscientiâ, quâ scelus paravisset.“ Adiiciebat crimina longius repetita: „quod consortium Imperii, „iuraturasque in feminae verba praetorias cohortes, „idemque dedecus senatus et populi speravisset; ac „postquam frustra optata sint, infensa militibus „patribusque et plebi, dissuasisset donativum et „congiarium, periculaque viris illustribus instruxisset.

„дующаго содержения, что, одинъ изъ самыхъ „ближайшихъ отпущенниковъ Агриппини- „ныхъ убійца Агеринъ захваченъ былъ съ „оружіемъ; и что *она понесла наказаніе за „свое злодѣяніе съ тѣмъ же чувствованіемъ, „съ какимъ оное сама замышляла.* Онъ „присовокупилъ къ тому и другія разныя ея „преступленія: „что она домогаясь участія „въ правленіи, надѣялась принудить прето- „ріанскія когорты присягнуть женщинѣ и „осрамить тѣмъ же сенатъ и народъ Рим- „скій, но не получивъ въ томъ успѣха, столь- „ко раздражилась противъ войска, сената „и народа, что стала противиться раздѣле- „нію императорскихъ щедротъ между вой- „скомъ и Римскимъ народомъ, и устроятъ „ковы на пагубу мужей знаменитыхъ. Сколь- „ко ему стоило труда возбранить ей входъ „въ сенатъ, и чтобы не давала своихъ рѣ- „шеній чужестраннымъ посольствамъ!„ Онъ „даже непосредственно коснулся правленія

„Quanto suo labore perpetratum, ne inumperet curiam, „ne gentibus externis responsa daret?“ Temporum „quoque Clavdianorum obliquâ insectatione, cuncta eius dominationis flagitia in matrem transtulit, publicâ fortunâ extinctam referens; namque et naufragium narrabat. Quod fortuitum fuisse, quis adeo hebes inveniretur, ut crederet? aut a muliere naufragâ missum cum telo unum, qui cohortes et classes imperatoris perfringeret? Ergo non iàm Nero, cuius immanitas omnium questus anteibat, sed aduerso rumore Seneca erat, quod oratione tali confessionem scribsisset. Ibid.

„Клавдіева, и возложивъ на нее всѣ гнусности
„того времени, упомянулъ такъ же о ея *кора-*
„*блекрушеніи*, и приписывалъ ея смерть народ-
„ному благополучію. Но былъ ли кто столь-
„ко безсмыслевъ, кто бы повѣрилъ, что сіе
„*кораблекрушеніе* было случайное, или что-
„бы женщина, едва спасшаяся отъ онаго,
„послала одного только отпущенника съ ору-
„жіемъ, дабы онъ изтребилъ когорты и
„флоты императорскіе? И такъ уже не Не-
„ронъ, коего звѣрство было превыше всего,
„что о немъ сказать было можно, но Сенека
„былъ предметомъ всеобщаго негодованія,
„который въ письмѣ ономъ не иное что изо-
„бразилъ, какъ признаніе.“

Изъ сего опіъ слова до слова представленнаго подлинника явствуетъ: 1е, что письмо сіе было Сенекино, и отъ всѣхъ вообще ему было присвояемо, такъ что долго почиталось какъ любопытный памятникъ (какъ то и въ самомъ дѣлѣ таково оно есть): поелику тридцать лѣтъ спустя Квинтиліанъ приводилъ изъ него начальное выраженіе, но единственно по отношенію его къ слогу (*).

2е, Открывается, что письмо имѣло ту цѣль, дабы пороками матери по возможности *оправдать* злодѣяніе сына, объявляя о ея смерти всякой разъ не иначе, какъ въ вы-

(*) Saluum me esse, adhuc nec credo, nec haudeo.
то есть, что я живъ, то не вѣрю еще сему, ниже радуюсь.

раженїяхъ темныхъ и обоюдныхъ, каковы суть: убійство и самоубійство, да и не можно было сказать прямо, то есть я велѣлъ убить свою матерь; ибо сіе было бы слишкомъ жестоко даже для самаго Нерона; не возможно такъ же было явно отрицать убійства, учиненнаго открытымъ и насильственнымъ образомъ. Латинское выраженіе, коего обоюдность я старался сохранить и въ переводѣ, можетъ равно значить, что *Агриппина умерщвляя себя, обладала была такимъ же бѣшенствомъ, въ какомъ хотѣла убить сына своего*, (этотъ смыслъ избралъ Дидеротъ), или что *понеся наказаніе за свое злодѣяніе, она такъ же чувствовала себя виновною, какъ и совершая оное*. Но изъ того и другаго случая заключаютъ, что *смерть ея послѣдовала къ благополучію Рима*: вотъ, куда добрашься клонилось намѣреніе.

Зе, Извѣстно, что по сказанію Тацита никто не вѣрилъ и не могъ вѣрить мнимому самоубійству ниже кораблекрушенію, и что слѣдовательно общій гласъ народа укорялъ Сенеку въ томъ, что онъ употребилъ перо свое на сіе постыдное сплетеніе нелѣпыхъ вымысловъ, которые въ самомъ дѣлѣ не иное что въ себѣ заключали, какъ *признаніе* въ важномъ преступленіи: ибо не было причины *оправдывать* въ томъ, чего учинено не было.

Вотъ, что говоритъ Тацитъ, а къ сему можно присовокупить то, что онъ по свойственной ему краткости описываетъ про-

изшествія такимъ образомъ, что онъ содержатъ и его собственное сужденіе, и внушаютъ таковое же въ читателѣ, не означая онаго прямо. Впрочемъ никто столько не щадитъ Сенеку, какъ Тацитъ, въ чемъ признается даже Юстъ Липсій, который въ семъ случаѣ не можетъ быть подозрителенъ, и укоряя Діона въ недобромысліи его къ Сенекѣ, находитъ совсѣмъ противное къ нему расположеніе въ Тацитѣ, *коего снисхожденіе* (какъ говоритъ онъ въ своемъ толкованіи) *вездѣ видно къ Сенекѣ*: *Senecae ubique volens et amicus*. Защитники его, столько опиравшіеся на своего Юста Липсія, остереглись привесть сіе мѣсто; и мнѣ извѣстна причина тому; но надобно имъ показать, что и другіе читали Юста Липсія.

Но какъ бы вы думали, что усматриваетъ Дидеротъ въ семъ повѣствованіи историка? Вы угадаете мысль его изъ послѣдняго выраженія въ переводѣ его: „Сіе письмо сдѣ„лавшись извѣстнымъ, отвлекло вниманіе „отъ лютаго Нерона, и подало единственно „поводъ къ сужденію *о нескромности* Сенеки, „который сочинилъ оное.“

Воздержите ваше негодованіе: онъ предвидѣлъ удивленіе и восклицаніе, для сего и напечаталъ слово *нескромность* косыми буквами, и въ слѣдъ за тѣмъ въ новой строкѣ говоритъ: „Письмо послано въ Сенатъ, какая „*нескромность*! Но онъ не такъ скоро приходитъ въ удивленіе, и поставивъ въ низу страницы Латинскія слова, съ хладнокровнымъ увѣреніемъ отвѣчаетъ: „это выраженіе

„Тацитово.“ У меня не достаетъ духу для изъясненія того, что я чувствую.... Но какъ можно между презрѣніемъ и негодованіемъ колебаться? И такъ представимъ сіе дѣло въ его настоящемъ видѣ: ты лжешь, а не ошибаешься, и ты не такъ малосвѣдущъ, чтобы слово *confessionem* (признаніе) можно было выразить словомъ *indiscretion* (нескромность). Даже не знающіе Латинскаго языка разумѣютъ сіе во Французской языкъ приняшое слово и понимаютъ, что здѣсь говорится *о признаніи* (*une confession, un aveu*), хотя правда и то, что признаніе бываетъ иногда *отъ нескромности;* но ты не такъ безтолковъ, и при всемъ своемъ безстыдствѣ не осмѣлишся ни написать, ниже изустно сказать, что *признаніе* въ матероубійствѣ есть не иное что, какъ *нескромность*, и шаковое признаніе въ первый разъ было бы поставлено въ числѣ *нескромныхъ признаній*. Тацитъ не могъ дойти до такого неимовѣрнаго безумія, и столь рѣшительное присвоеніе ему онаго означаетъ безстыдство, превосходящее вѣроятіе.... Но я у васъ испрашиваю извиненія въ семъ выраженіи, а не у того, кпю оное заслуживаетъ, и самъ служитъ мнѣ здѣсь примѣромъ. Между всѣми злословіями, изрыгаемыми имъ противъ живыхъ и мертвыхъ, и все за честь Сенеки, говоритъ онъ въ своей книгѣ: „Я говорю съ „живыми такъ, какъ съ мертвыми, а съ „мертвыми такъ, какъ съ живыми.“ Я могу такъ же пользоваться симъ правомъ, но не хочу употребить онаго во зло по примѣру

его книги. Откройте оную, и вы увидите, что самое сильное выраженіе, мною со всякою справедливостію употребленное, есть ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ вездѣ разточаетъ, гдѣ онъ неправъ. Довольно послужитъ можетъ къ вашему удостовѣренію, что безъ нарушенія всякой благопристойности и безъ крайняго соблазна не льзя мнѣ здѣсь повторить и малѣйшей части тѣхъ ругательствъ, которыя изъ его Циническаго пера потоками изливаются.

Онъ продолжаетъ изъяснять повѣствованіе Тацитово, дабы изказить въ немъ весь смыслъ и разумъ. „У историка не иное что „подъ симъ разумѣется, какъ молва народ„ная.“ — Ты снова лжешь. Хотя, судя по твоей книгѣ, довольно плохо ты разумѣешь Латинскій языкъ, однакожъ не могъ ты ошибиться въ томъ, что ясно и удобопонятно; *rumore adverso esse* есть обыкновенное выраженіе, и значитъ тоже, что *adversâ famâ esse*, то есть худо слыть, быть предметомъ худаго мнѣнія, и сіе весьма различествуетъ отъ *народной молвы.* — „Тацитъ не утвержда„етъ и не опровергаетъ.“ — Ему и не нужно было то: ибо въ толь важномъ предметѣ, говоря о народномъ мнѣніи, и ничего оному не противуполагая, значило бы быть согласну съ тѣмъ, а съ другой стороны ежели бы изъ одного повѣствованія и не видна была Сенекина погрѣшность, то общее мнѣніе столь было о немъ невыгодно, что было бы безполезно противоборствовать оному. — „Сенеку винятъ въ такой погрѣшности,

„до которой онъ никогда не доходилъ: ибо „письмо его не заключаетъ никакой *нескромности*.“ — Опровергай, когда тебѣ хочется собственныя свои предположенія: это нетрудно. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ *нескромности* ни въ семъ письмѣ, ни въ подлинникѣ у Тацита; но въ немъ находится то, что весь Римскій народъ видѣлъ, какъ-то Тацитъ изобразилъ точно, и всякой будетъ всегда видѣть, то есть *признаніе* и *защищеніе* въ матероубійствѣ, писанное *философомъ*.

— „Народная молва не обвиняетъ его ни въ „преступленіи, ни въ малодушіи, ни въ под„лости. Для чего же мы хотимъ быть злѣе „подлаго народа, которому свойственно на „все изливать ядъ свой?“

Посмотрите на безстыдство софиста. Недавно еще общее негодованіе, обратившееся вмѣсто Нерона противъ того, кто *признается* въ злодѣяніи и оное *оправдываетъ*, было не иное что, какъ *народная молва*; а теперь только *подлый народъ* Римскій *изливаетъ ядъ свой* на поведеніе Сенекино, и всѣ тѣ *злѣе черни*, которые въ семъ поведеніи усматриваютъ *подлость*, *малодушіе и преступленіе*, то есть то, что утверждается единственно повѣствованіемъ историка. Такой наборъ лжи и злословія есть тѣмъ несноснѣе, что наглость является здѣсь хладнокровною, и даетъ намъ право отвѣчать отъ имени всеобщаго попраннаго здѣсь нравоученія, что въ то время, когда писалъ Дидеротъ, не было при-

мѣра, чтобы самая подлая *чернь одобрила и освятила защищеніе въ матероубійствѣ;* но благодаря письму Сенекину и сочиненію Дидеротову то совершенно извѣстно, что одинъ *философъ* сочинилъ въ Римѣ сіе *защищеніе*, а другой такого же *разбора философъ*, тысячу семь сотъ лѣтъ спустя, писалъ въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы *освятить* оное. Я говорю *освятить*; поелику Дидеротъ заключаетъ, что Сенека *сдѣлалъ то, что дѣлать ему оставалось, и не страшился посрамленія, дабы исполнить долгъ мудраго мужа, жертвуя самимъ собою общему благу.* Вотъ все существо розысканія, на которое намъ еще остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній для священной пользы народныхъ нравовъ и для изпроверженія столь примѣрнаго соблазна.

Въ дѣлѣ сего рода ничто такъ не досаждаетъ, какъ безпрестанное уклоненіе отъ изслѣдуемаго предмета для личныхъ обидъ, и когда дѣло идетъ о томъ, что дѣлать надлежало Сенекѣ, Дидеротъ всегда вопрошаетъ, какъ бы вы на его мѣстѣ поступили? А сіе значитъ изъ нравственнаго розысканія выводить личный споръ, чего сочинитель кажется только и желаетъ, и надменно говоритъ намъ: „Имѣетъ ли кто право обви„нять Сенеку?“ — Всякъ, кто можетъ доказать вину, да и давно ли нужны стали личныя права, когда рѣчь идетъ о правилахъ общихъ? — „Критики, что бы вы ни дѣлали, я „не повѣрю, чтобы вы лучше его были.“ — Софистъ, здѣсь рѣчь идетъ о Сенекѣ, а не

о критикахъ его: ты его, а не ихъ дѣло разбираешь, и къ чему служитъ твое объ нихъ мнѣніе, когда твоего о Сенекѣ мнѣнія довольно, чтобы видѣть, какое должно имѣть мнѣніе о твоемъ сужденіи и даже о твоемъ добросовѣстіи?

Ты обращаешь рѣчь свою къ человѣку *отличному по его добродѣтеляхъ* (такъ называешь ты Саси), ты говоришь сему *честному человѣку* (такъ его именуетъ вашъ издатель): „Не въ уединеніи мирнаго убѣ-„жища, не въ библіотекѣ и не за письмен-„нымъ столомъ можно съ основаніемъ су-„дить о такихъ поступкахъ, а надобно „быть или себя представить въ логовищѣ „лютаго звѣря, видѣть его сверкающіе гла-„за, устремленные на тебя когти, его пасть „разверзтую и обагренную матернею кровію; „тамъ должно сказать звѣрю: ты безъ су-„мнѣнія меня растерзаешь; но я не испол-„ню твоихъ велѣній... Какъ легко казать „твердость въ чужой опасности! и проч.“

Саси могъ бы отвѣчать на сіе: софистъ, ежели бы ты хотя мало размыслилъ, то самъ бы себя устыдился. Я не говорилъ сего, какъ бы ты поступилъ, ежели бы видѣлъ *предъ собою звѣря, его когти и его пасть;* и сіе только Богу извѣстно, а говорилъ единственно о томъ, что долгъ и добродѣтель повелѣваютъ намъ дѣлать, и я не знаю ни *звѣря*, ни *когтей*, ни *пасти*, которые могли бы чей либо перемѣнять долгъ или добродѣтель. Тебѣ читая своего Сенеку по видимому надлежало бы знать, чего они тре-

буютъ, но ты очень мало успѣлъ въ его школѣ, или онъ былъ плохой учитель; поелику то, что по твоему мнѣнію причиняетъ столько ужаса, онъ почитаетъ не заслуживающимъ никакого вниманія, и ежели бы на тотъ разъ онъ случился, то сказалъ бы тебѣ о твоемъ *звѣрѣ*, о его *когтяхъ* и его *пасти: какъ! только-то, а не больше?* Но признаюся, онъ не говорилъ сего *предъ звѣремъ*, слѣдовательно сіе для него, а не для меня, служитъ противнымъ доказательствомъ, и доказываетъ, что кто говорилъ, какъ хвастунъ, обыкновенно поступаетъ какъ трусъ. Теперь предлежитъ тебѣ доказать, что мы именемъ долга и добродѣтели несправедливо осудили малодушіе, участвующее въ преступленіи, видя въ близи опасность и въ дали только кажущееся смѣлымъ.

А я къ сему прибавлю, что чѣмъ смѣшнѣе было хвастовство, тѣмъ презрѣннѣе малодушіе, и чѣмъ съ большимъ превозношеніемъ говорено было о добродѣтели, тѣмъ болѣе видимъ подлости, когда льстятъ пороку; но ежели бы вздумалъ Тигеллинъ *проповѣдывать* (*) о убійствѣ Агриппины, по-

---

(*) Выраженіе сіе употребилъ *добродѣтельный* Саси, разсуждая *о письмѣ* Сенекиномъ, и что бы ни говорилъ Дидеротъ, оно справедливо: ибо увѣрять, что смерть Агриппины *послѣдовала къ благополучію Рима*, значитъ тоже, что *хвалить* оную; къ тому же самъ Дидеротъ признается, что никто не сумнѣвался

гда никто бы не обратилъ на то вниманія: но письмо Сенекино было позорнымъ примѣромъ; поелику оно всеявно противорѣчило его ученію и его сочиненіямъ, и подавало поводъ думать, что добродѣтель проповѣдуемую на словахъ можно не исполнять на дѣлѣ. Впрочемъ ежели бы не было *лютыхъ звѣрей*, повелѣвающихъ добродѣтели подъ опасеніемъ смерти говорить то, что постыдно, или молчать, то она не имѣла бы случая торжествовать надъ опасностію и явить свое достоинство.

— „Больше ли бы пользы республика получила отъ того, ежели бы Сенека лишенъ былъ жизни ранѣе?“

Весьма бы важная была польза какъ для общаго блага (ибо тогда уже не было республики), такъ и для самаго Сенеки: для общаго блага по тому, что не льзя лучше споспѣшествовать оному, какъ поселяя во всѣхъ согражданъ мысль почитать долгъ

о родѣ ея смерти. Однакожъ сіе не помѣшало издателю сказать намъ въ примѣчаніи, что *на могилѣ Саси* и доднесь *слышатся вопли негодованія людей добродѣтельныхъ*: но сіе значитъ единственно то, что изпускающіе *сіи вопли негодованія* можетъ быть иногда воображаютъ себѣ, что они больше дѣлаютъ шума, нежели въ самомъ дѣлѣ то быть можетъ, и хотя они почитаются *добросовѣстными людями*, но со всѣмъ не съ той стороны, какъ Саси былъ *добродѣтельнымъ человѣкомъ*. *Примѣч: Лагарп.*

важнѣе жизни, а смерть предпочитать безславію; для Сенеки же по тому, что вѣ тысячу кратъ лучше бы для него было за нѣсколько лѣтъ умереть ранѣе, нежели посрамить свою старость, свое имя, свое званіе и свои сочиненія. Я съ большимъ основаніемъ могу на оборотъ спросить: въ лѣпахъ Сенекиныхъ и въ правленіе Нерона важнѣе ли было спасти свою жизнь сего дня съ пожертвованіемъ своей чести съ тѣмъ, чтобы на утро лишиться оной съ потеряніемъ сего дня чести?

— „Полезно было остаться при дворѣ для „блага государства, для самаго семейства „Сенекина и для многихъ добрыхъ гражданъ. „Развѣ послѣ убіенія Агриппины нельзя уже „было дѣлать добра?“

По крайней мѣрѣ двадцать страницъ занимаютъ болѣе или менѣе легкомысленныхъ и ложныхъ объясненій сего довода, заключающаго въ себѣ самое вредное мудрованіе для нравоученія; но къ щастію можно въ нѣсколькихъ строкахъ опровергнуть его: 1е, Нелѣпо подъ предлогомъ доброй цѣли одобрять то, что само по себѣ есть преступно: ибо сіе послужило бы къ изпроверженію всѣхъ обязанностей и къ извиненію всѣхъ преступленій, такъ что подъ симъ предлогомъ можно было бы даже вступить въ шайку разбойниковъ и убійцъ, дабы имѣть средство не допустить ихъ сдѣлать нѣсколько злодѣяній, которыя бы они учинить могли. Къ тому же принято за правило никогда не позволять дѣлать зло ради добра. 2е, Нелѣпо предполагать, какъ дѣлаетъ Диде-

ротъ, *будто бы пресыщеніе вб распутствѣ и утомленіе вб злодѣяніи могли привести еще щастливѣйшіе дни.* Какая безумная мечта ожидать *щастливѣйшихб дней* въ правленіе матероубійцы и братоубійцы Нерона, ободреннаго раболѣпствующимъ Сенатомъ, который богошворилъ его люпости! Зе, Нелѣпо, чтобы Сенека сдѣлавшись защитникомъ злодѣяній Нерона, могъ надѣяться сохранить, какъ наставникъ, или какъ министръ, хотя малѣйшую власть и довѣренность его: ибо Неронъ былъ еще столько уменъ, что съ сего времени могъ почувствовать презрѣніе къ тому, кто самъ себя до такой степени унизилъ. По сему-то самому Сенека не умедлилъ просить о своемъ удаленіи, и не долго ожидалъ въ ономъ своей смерти; да и стоило ли за такую цѣну ожидать ея? Что же касается *до семейства и друзей его*, о коихъ Дидеротъ еще на трехъ или четырехъ страницахъ до несносности распространяется, то имѣютъ ли право *семейство* и *друзья* требовать отъ насъ, чтобы мы жили для нихъ съ посрамленіемъ себя?

Дидеротъ приводитъ слѣдующее возраженіе своихъ соперниковъ: „Были ли дѣла „въ такомъ положеніи, чтобы необходимо „нужно было сыну погибнуть отъ своей „матери, или матери отъ своего сына? Что „обстоятельство сіе превосходитъ вѣроятіе.“ Но онъ желая утвердить возможность сего, поелику защищеніе Сенеки еспе-

ственно довело его до защищенія Нерона, отвѣчаетъ съ свойственною ему безстыдною дерзостію: „*Невѣроятно* для васъ крити-„ковъ, а не для Тацита.“ — Я же отвѣчаю ему, какъ и всегда принужденъ отвѣчать: ты опять лжешь, и не только говоришь неосновательно, но даже совсѣмъ противно истинѣ: ибо здѣсь мнѣніе Тацитово есть рѣшительно и явно, то есть онъ изъясняя *долгое молчаніе* Сенеки и Бурра, не знаетъ, чему приписать оное, чувствованію ли ихъ безсилія, или крайности, рѣшиться на смерть сына или на смерть матери: но когда онъ самъ по себѣ говоритъ, то такъ мало тому вѣритъ, чтобы неудовольствія Агриппины могли произвести и малѣйшее возмущеніе, и даже не предполагаетъ, чтобы кто нибудь изъ Римлянъ былъ столько *слабоуменъ* или *легковѣренъ*, чтобы повѣрилъ вымышленнымъ опасностямъ для Нерона, какъ-то видѣли вы недавно изъ повѣствованія историка, и теперь видите, какъ Дидеротъ *въ шестдесятъ лѣтъ* читалъ, понималъ и изъяснялъ Тацита.

Можетъ быть вамъ странно показалось, когда говорилъ я, что оправданіе Сенекино довело Дидерота до оправданія Нерона. Но я не требую, чтобы вы словамъ моимъ вѣрили, а послушайте его самого: „Надобно „сдѣлать *три важныя защищенія*, первое „въ разсужденіи Сенеки и Бурра, второе *для* „*Нерона* и третіе для Агриппины. Разсу-„дительные люди пусть примыслятъ, что

„можно сказать *об пользу и противъ* об-
„виняемыхъ, и объявятъ мнѣ свое мнѣніе (*).

Пусть мнѣ теперь скажутъ, было ли когда либо самое священное для человѣка дѣло представлено съ такимъ обрядомъ на разрѣшеніе и изслѣдованіе, какъ сіи *три защищенія*, Дидеротомъ съ *важностію* предложенныя на разсмотрѣніе *разсудительныхъ людей*, изъ коихъ второе касается до Нерона? Таковый духъ видѣнъ во всѣхъ твореніяхъ сего сочинителя, коему вездѣ кажется нужно дѣлать *оправданія и объ пользу и противъ*, и сія послѣдняя черта всему уже прочему служитъ изъясненіемъ, и даетъ вамъ понятіе о семъ человѣкѣ и объ участіи его, каковое онъ пріемлетъ въ нравоученіи и истинѣ. И такъ все, что могло вамъ подать причину къ удивленію въ сочинителѣ оправданія Сенекина, не покажется уже страннымъ то, когда онъ предложилъ и предначерталъ защищеніе для Нерона.

Равнымъ образомъ не будетъ вамъ чрезвычайнымъ казаться и то, что Сенека, сочинившій защитительное *письмо*, посланное въ Сенатъ послѣ убіенія Агриппины, сочинилъ *утѣшеніе* Полибію опальнику Клавдіеву, о которомъ самъ Дидеротъ говоритъ слѣдующее: „Надобно признаться,

---

(*) Страница 166 твореній Сенекиныхъ, томъ I, въ 8ю долю листа въ Парижѣ у Шмита.

„что трудно рѣшить, раболѣпнѣе ли и под-
„лѣе показалъ себя творецъ сего сочиненія
„въ чрезмѣрныхъ похвалахъ Полибію, неже-
„ли въ гнусной лести, разпочаемой имъ
„императору?“ Я въ томъ согласенъ, но
послѣ *письма* такъ маловажно *утѣшеніе*,
что я даже не упомянулъ бы о немъ, ежe-
ли бы нѣкоторымъ образомъ не былъ по-
ставленъ въ обязанности довести до конца
изображеніе *практической философіи* Се-
некиной и его поборниковъ, въ коемъ за-
ключается нѣчто особливое, то есть по-
степенность лжемудрованій такъ худо раз-
положенныхъ, что тѣ и другія взаимно раз-
рушаются. Во первыхъ издатель Лагран-
жевъ не находя почти возможности опро-
вергнуть, чтобы сіе *утѣшеніе* не было *со-
чинено* Сенекою, для извиненія такого рода
подлости наполнилъ восемь страницъ въ
предувѣдомленіи, котораго одно уже начало
дастъ вамъ понятіе о всемъ прочемъ. „По-
„либій былъ одинъ изъ отпущенниковъ Им-
„ператора Клавдія, коему Сенека сочинилъ
„сіе *утѣшеніе* въ началѣ третьяго года
„своей ссылки въ Корсикѣ. Тогда сему фи-
„лософу было около 39 лѣтъ отъ роду, и онъ
„написалъ только еще два разсужденія, що
„есть *утѣшеніе своей матери* и таковое
„же *Марціи*. Такъ по крайней мѣрѣ полагаютъ
„критики, которые *утѣшеніе Полибію*
„щитаютъ третьимъ его сочиненіемъ въ
„лѣточислительномъ порядкѣ. Сей Полибій
„былъ весьма ученый человѣкъ и занималъ
„при дворѣ у Клавдія весьма важную дол-

„жность государственнаго секретаря. И „такъ *не должно удивляться*, что Сенека, „извѣстенъ будучи, какую сей отпущен„никъ имѣлъ силу у императора, и слѣдо„вательно удобнѣе мнилъ найти человѣко„любіе и состраданіе въ просвѣщенномъ „вельможѣ и сочинителѣ, нежели въ обык„новенныхъ придворныхъ, по большей ча„сти безжалостныхъ къ нещастнымъ, отъ „коихъ они не могутъ ничего ни опасать„ся, ни надѣяться, *не должно удивляться*, „*говорю я, что Сенека старался искус„нымъ образомъ пріобрѣсть себѣ благо„склонность* у Полибія и имѣть въ немъ „подпору у императора. Сей поступокъ не „заслуживаетъ никакихъ укоризнъ, *жели „бы Сенека и больше надлежащаго пре„возносъ достоинство своего п кровителя, „чему однакожъ мы не имѣемъ никакихъ „доказательствъ*. Но труднѣе кажется „оправдать то, что въ семъ самомъ пись„мѣ, коимъ хочетъ утѣшить Полибія въ „смерти брата его, отъ Клавдія, *котораго „не любило и не уважалъ, осыпалъ трез„вирною честію, тѣмъ болѣе достойною „слѣха, что слабоумный государь сей не „замѣнялъ своихъ пороковъ щедрою до„бродѣтелію. Недоброжелатели Сенеки„ны* укоряютъ его за сіи чрезвычайныя по„хвалы, разточаемыя имъ *сему тирану, „коего поведеніе во публикѣ и домашняя „его жизнь вселяютъ столько же нена„висти, сколько и презрѣнія. Но сіи „только кажущіяся благовидными цко-

„*ризнъ слишкомъ строги, и можетъ „быть даже несправедливы.*“

Но могли ли сіи *непріятели Сенекины* сказать сильнѣе того, что самъ издатель говоритъ въ семъ мѣстѣ? Здѣсь предлежитъ самое дѣло сужденію: какимъ же образомъ согласишь то, что въ одномъ выраженіи по признанію самаго издателя *оправдать трудно*, въ другомъ выраженіи тоже самое кажется ему *только благовиднымъ и даже несправедливымъ обвиненіемъ?* Сіе столь очевидное и оскорбительное противорѣчіе за ничто еще почтено быть можетъ въ сравненіи съ слѣдующимъ за нѣмъ *оправданіемъ*, въ коемъ начальныя слова покажутъ вамъ туже логику, какая Дидеротомъ употреблена для *защищенія письма*, и освободятъ васъ отъ труда слушать болѣе *о утѣшеніи Полибіевомъ*: „*Чтобы судить „о Сенекѣ, надобно себя мысленно предъ„ставить во толѣ положеніи, во какомъ „онъ тогда находился и проч.* Оттуда посылаетъ насъ издатель на островъ Корсику, такъ какъ Дидеротъ *заставилъ насъ быть предъ звѣремъ*, откуда никогда вы ихъ не выманите, и они никогда не находятъ другихъ средствъ къ опредѣленію цѣны обязанностямъ человѣка. Такова ихъ *философія*, и вы чувствуете, до чего оная довести можетъ. Я вѣрю, что Сенека былъ въ весьма непріятномъ положеніи во время ссылки его въ Корсикѣ, но я надѣюсь, мнѣ позволено будетъ припомнить здѣсь о томъ, что я имѣлъ случай говорить объ Овидіи

находившемся совершенно въ подобномъ обстоятельствѣ, и мнѣ иногда не было нималаго повода думать о Сенекѣ, но я руководствовался единственно долгомъ непреложныхъ правилъ, и находилъ извинительными Овидіевы длинныя элегіи и его *сѣтованія*, не смотря на то, что Грессетъ его укоряетъ въ томъ, пріемля въ основаніе, что въ страждущемъ человѣкѣ слабость всегда заслуживаетъ извиненіе, и должно сожалѣть объ оной, равно какъ удивляться твердости. Поелику слабость и подлость имѣютъ между собою нѣкоторую разность, то не забудше, что я въ Овидіи находилъ непростительною рабольпную его лесть предъ Августомъ и Тиверіемъ по той причинѣ (какъ сказано было), что никогда не льзя быть доведену до подлости; а впрочемъ Августъ и даже самый Тиверій больше на похвалу имѣютъ права, нежели Клавдій, *не замѣнявшій своихъ пороковъ ниединою добродѣтелію*, о чемъ говоря намъ издатель, почитаетъ однако же весьма естественнымъ, что *сей слабоумный тиранъ осыпается достойною пославянія лестію*, коль скоро она писана была въ Корсикѣ. Но что касается до отпущенника Полибія, то мало имѣя о немъ свѣденія, предоставляю издателю и Дидероту согласиться другъ съ другомъ о семъ, какъ они могутъ, и даже одинъ изъ нихъ *въ разтоскеніи похвало* ему не находитъ ничего *предосудительнаго по той причинѣ, что мы нечиваемъ толь никакого доказательства:* другой не внемля ни-

жому и ничему, утверждаетъ напротивъ того, что сіи похвалы по ихъ чрезмѣрному *разточенію* не иное что значатъ, какъ *язвительную иронію*. Но какъ бы то ни было, *разточительность* сія не подлежитъ сумнѣнію, и сей Полибій не представляетъ ничего любопытнаго для насъ, и для того я не буду распространяться здѣсь о томъ, что наводитъ только скуку. Однакожъ надобно объявить вамъ, по чему Дидероту хочется, дабы это была *иронія*, и вотъ въ чемъ заключается та постепенность, о которой я упомянулъ выше, то есть издатель послѣ длиннаго оправданія, касающагося *до* сего *чтѣнія*, наконецъ съ нѣкоторою робостію говоритъ въ заключеніи, что Діонъ *кажется намекаетъ*, что сочиненіе Сенекино болѣе не существуетъ; поелику сочинитель самъ въ послѣдствіи устыдясь его, *оное уничтожилъ* (stylo verso delevit), и къ сему отъ себя прибавилъ: „это значитъ, что онъ отобралъ всѣ спи„ски сего сочиненія, какіе только найтися „могли.“—Пусть такъ: но какъ было возможно отобрать всѣ списки? это дѣло вовсе несбыточное. Однакожъ сіе не помѣшало ему вывести изъ того слѣдствіе, что *чтѣшеніе*, которое мы имѣемъ нынѣ, или не есть сочиненіе Сенекино, или оно искажено *Суилліемъ*: такимъ образомъ защитники нигдѣ не могутъ сбойтися безъ Суиллія, и такъ же призываютъ снова на помощь себѣ Юста Липсія другую подпору въ своихъ оправданіяхъ, который гораздо съ большею

осторожностїю, нежели издатель, разрѣшаетъ сіе, говоря: „что онъ неоднократно „сумнѣвался, чтобы все то, что находится „тутъ подлаго и низкаго, было сочинено „Сенекою, и онъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, „что единственно непріятели его издали въ „свѣтъ сіе сочиненіе, а можетъ быть оно „и искажено ими (*fortasse et maculârunt*)." Но неустрашимый Дидеротъ не уваживъ сей предосторожности, говоритъ: *оставалось сдѣлать одинъ шагъ*, и дѣлаетъ его, увѣряя, что *это не есть сочиненіе Сенекино* (*), и *доказываетъ* сіе новымъ *защищеніемъ*, коего вторая часть совершенно уничтожаетъ первую: ибо онъ вопервыхъ утверждаетъ, что настоящее *утвержденіе* утрачено (предположеніе столь же неосновательное, какъ и все прочее), и замѣнено нѣкоторымъ скропышемъ, составленнымъ изъ разныхъ сочиненій Сенекиныхъ, чему въ доводъ выставляя все, что заключающаяся въ немъ лесть содержитъ въ себѣ наиболѣе отвратительнаго, увѣряетъ, что Сенека не могъ написать *такую нелѣпицу*, и *все* по его мнѣнію *разрѣшается* тѣмъ, коль скоро сочиненіе сіе будетъ поставлено *на щетъ сатиры, иронїи* или *пасквилки*, въ чемъ, какъ ему кажется, и не можно сумнѣваться. Но какимъ же образомъ тотъ самый, кто не имѣлъ другаго намѣренія, какъ обругать Сенеку его сочиненіемъ, содержащимъ ласкательство, раз-

(*) Страниц: 528.

толковалъ здѣсь тоже самое столь нелѣпо, что будто въ немъ не иное что усматривается, какъ только *сатира*? — „Ежели *утѣшеніе* „есть не иное что, какъ сатира, то изъ „сего уже и все прочее объясняется, и то„гда не льзя болѣе укорять Сенеку и за извѣст„ную апоколоквинтозу (*).“ — Какъ же такъ? слѣдовательно сіе *утѣшеніе* сочинено Сенекою, равно какъ и апоколоквинтоза. Но не теперь ли ты увѣрительно сказалъ, что *утѣшеніе оное не имъ сочинено*? чему же вѣрить, и при которомъ мнѣніи ты остаешься? — „Се„нека или не сочинялъ утѣшенія Полибію, или „оно Сатира, или Сенека не писалъ *превращеніе* Клавдія *въ тыкву*?“ — Но послѣднее не подлежитъ сумнѣнію и не оспорено, а равно и *превращеніе въ тыкву* навѣрно сочинено имъ же, и развѣ ты забылъ, что *утѣшеніе* по мнѣнію твоему есть столь явная *насмѣшка*, что самъ Полибій не могъ того не примѣтить, и не иначе почиталъ сочинителя, какъ *грубіяномъ*, къ тому же Сенека по твоему мнѣнію и не могъ быть столько *неловокъ*, слѣдовательно онъ *утѣшеніе* не писалъ въ родѣ *сатиры*. И такъ постарайся согласить всѣ сіи противорѣчія. — „Воз„можно ли, чтобы Сенека дошелъ до такой „подлости, и при жизни Клавдія написалъ „ему самую необыкновенную лесть, а по

(*) То есть превращеніе Клавдія въ тыкву. Это была сатира, которую Сенека выпустилъ по смерти Клавдіевой.

„смерти его самое несносное ругательство? „За такой поступокъ можно было бы ста„щить въ Тибръ и самаго послѣдняго не„вольника!“

Тащи, ежели тебѣ угодно: ты въ томъ властенъ. — Правду сказать, не слѣдовало бы изъ Клавдія дѣлать тыкву послѣ его обоготворенія, ниже съ присными его повергать въ грязь, на которой самъ Сенека нѣкогда предъ нимъ простирался. Но какъ бы то ни было, сія *апоколоквинтоза* есть язвительный и замысловатый отрывокъ, и мнѣ непонятно, по чему тебѣ, не находя возможности согласить его съ *утѣшеніемъ*, хочется лишить онаго Сенеку? Слѣдовательно ты очень мало обращаешь вниманія на произшествія, самимъ тобою приводимыя. Развѣ *превращеніе въ тыкву* легче согласить съ *надгробнымъ словомъ* Клавдію, сочиненнымъ такъ же Сенекою для Нерона, которое ты приводишь изъ Тацита? Развѣ недовольно сего доказательства, что онъ тѣмъ же перомъ и въ тоже время писалъ и сатиру и надгробное слово о обоготвореніи Клавдія, изъ коихъ послѣднее наводитъ тебѣ нѣкоторое затрудненіе, и ты говоришь: „Ежели „бы мнѣ надобно было укорить Сенеку, то „не за то, что онъ написалъ *апоколоквин„тозу*, но за то, что сочинилъ надгробное „слово.“ — Пусть такъ: но твердо рѣшася *не дѣлать ему никакой укоризны*, постарайся же оправдать его въ сихъ двухъ сочиненіяхъ. Тебѣ извѣстно, какое слѣдствіе имѣло надгробное слово, которое хотя про-

изнесено было императоромъ, и сначала слушали оное равнодушно, но сенатъ и народъ не могли уже удержаться отъ смѣха, когда услышали похвалу *проницательному разсудку и глубокой политикѣ* Клавдія. И такъ остается тебѣ сдѣлать здѣсь похвалу *здравому смыслу* сочинителя, который, по свидѣтельству Тацита, употребилъ особливое *тщаніе и раченіе* для сочиненія сей рѣчи.... Не думаете ли вы, что я шучу здѣсь? совсѣмъ нѣтъ, и вы удостовѣритесь, что все то, что намъ здѣсь кажется смѣшнымъ, представлено у защитника Сенекина въ весьма важномъ видѣ: — „Такъ, Сенека приложилъ *многа искуства* въ сей рѣчи, какъ говоритъ Тацитъ, *multum cultus*.„ — Но слова *multum cultus* означаютъ *многія красоты, многа украшенія* въ слогѣ, а *великаго искуства*, да и въ чемъ состоитъ сіе искуство? — „*Разительный урокъ*! Сенека предвидѣлъ, что „рѣчь будетъ *ослѣпя*, и слѣдовательно сіе „тоже значитъ, какъ бы сказалъ онъ своему „питомцу: видишь ли Государь? ежели и ты „будешь худо управлять, то такъ же точно „съ тобою поступятъ въ то время, когда „бояться тебя перестанутъ.“

Сія послѣдняя замашка такъ хитро придумана, что самъ сочинитель, поздравляя себя съ оною, говоритъ себѣ: „Ты имѣешь „*довольно остроумія для защищенія Се-*„*неки:*“ и самъ же себѣ скромно отвѣчаетъ: „*но несравненно менше, твой хулители* „*для помраченія его.*“ Но между тѣмъ не гораздо ли менѣе требуется ума, чтобы не

видѣть того, что есть въ вещахъ, нежели чтобы видѣть и заставить видѣть то, чего нѣтъ? Вотъ разность между защитникомъ и между такъ называемыми имъ *хулителями!* Впрочемъ не стоитъ даже труда спорить о мѣрѣ ума: ибо навѣрно та и другая сторона имѣютъ умъ различный.

Уму Дидеротову прилично было напасть на истинную добродѣтель послѣ защищенія ложной, и для увѣнчанія своихъ подвиговъ нужно было въ жертву Сенекѣ принесть Ѳразея, который посреди раболѣпствующаго сената наблюдалъ единственный родъ неодобренія, какой въ тѣ плачевныя времена приличествовалъ обстоятельствамъ, то есть молчаніе, да и помогло ли бы что, ежели бы одинъ сталъ всѣмъ противоборствовать? Молчаніе сіе такъ хорошо всякъ понималъ, что оно послужило главнымъ орудіемъ къ его обвиненію, которое доносщики и не упустили обратить противъ него, и оно было довольно важно и сильно принудить его къ самоубійству. Но нѣкогда случилось дѣлать ему представленіе объ одномъ изъ тѣхъ маловажныхъ дѣлъ, коихъ рѣшеніе отъ императорской неограниченной власти предоставлено было сему призраку сената; тогда подкупные ласкатели не упустили укорить его тѣмъ, что входитъ съ мнѣніемъ своимъ о благоустройствѣ Сиракузскихъ зрѣлищъ, а по важнымъ государственнымъ дѣламъ никогда онаго не объявляетъ, на что отвѣчалъ Ѳразей: „что занимаясь неважными „дѣлами, онъ доказываетъ къ чести сената,

„что и важнѣйшія не были бы пренебреже-
„ны, ежели бы позволено было входить въ
„оныя.“ Всякъ усмотрѣть можетъ, сколь-
ко сей отвѣтъ заключаетъ въ себѣ ума
и твердости, и слѣдовательно было бы на-
прасно, ежели бы я сталъ сіе доказывать, и
Дидеротъ, по мнѣнію моему, останется
одинъ при семъ своемъ вопросѣ, *прилично*
ли такой легкомысленный отвѣтъ госу-
дарственному чиновнику? Ежели онъ назы-
ваетъ *легкомысленнымъ* отвѣтъ, столь
непритворно изображающій тиранское пра-
вленіе, которое болѣе всего скрывали, то по
тому, что онъ хочетъ, дабы Ѳразею вмѣ-
нено было въ преступленіе, что не оставилъ
сената, такъ какъ порочатъ Сенеку за то,
что онъ не удалился отъ двора; и для того
онъ выражается еще откровеннѣе, и явно
одного превозноситъ, а другаго осуждаетъ:
„Ѳразей *безполезно* оспаетися въ посрамле-
„номъ сенатѣ, и никто его за то не хулитъ!
„Напротивъ того Сенека сохраняетъ опас-
„ную и многотрудную должность, въ кото-
„рой онъ могъ еще *служить государю и*
„*отечеству*, и ему въ томъ не прощаютъ!
„Какіе же это цѣнители дѣлъ нашихъ и
„какіе судіи!“ Я въ послѣдній разъ отвѣ-
чаю Дидероту, и тѣмъ окончу.

Не только не станутъ *порочить* Ѳразея,
но онъ заслуживаетъ даже похвалу. Сенатъ
въ самомъ дѣлѣ былъ *осрамленъ* по его сло-
вамъ; но Ѳразей не былъ въ немъ *безполе-*
зенъ по своему молчанію, которымъ обна-
руживалось общее мнѣніе: ибо тогда не бы-

ло другаго способа къ изъясненію своихъ мыслей. Хотя же Ѳразей безъ опасности могъ удалиться по примѣру многихъ другихъ; но опаснѣе было *оставаться* въ сенатѣ съ нѣмъ, дабы одному молчать при всеобщихъ восклицаніяхъ рабства, какъ-то онъ и отваживался обнаруживать сіе своимъ молчаніемъ, и хотя бы онъ для того только *оставался*, чтобы выпити нѣкогда извѣстнымъ путемъ, то и сего довольно для его славы, такъ какъ сего довольно было для его погибели: но въ послѣдствіи времени, когда въ сенатѣ приступили уже къ чтенію того безчестнаго *письма*, которое стоило тебѣ шести сотъ страницъ, онъ всталъ и *вышелъ*, какъ говоритъ Тацитъ, *съ намѣреніемъ умереть, не возвративъ однако же свободы рабствующему сенату. Служивой* Ѳразей, какъ ты его называешь, не могъ безъ ужаса того слушать, что *философъ* Сенека безъ стыда написалъ, и слухъ перваго имѣлъ больше скромности, нежели перо послѣдняго. Я жалѣю о тебѣ, что ты сего не почувствовалъ, и очень понимаю, по чему ты не осмѣлился ничего сказать о семъ достопамятномъ случаѣ открывающемъ, чрезъ что Ѳразей заслужилъ твое недоброволеніе, по есть его молчаніе осуждало Нерона, а выходъ его изъ сената осудилъ Сенеку. И такъ Ѳразей тогда уже сдѣлалъ приговоръ на софистовъ (ежели какіе окажутся), которые вздумали бы предложить *обширное защищеніе* для матероубійцы и еще огромнѣйшее для его защитника.

Между тѣмъ Сенека и Оразей умерли оба одинаковымъ образомъ, давъ отворить себѣ жилы: вотъ все ихъ сходство, доказывающее единственно то, что есть такой родъ тиранской власти, отъ которой ни лестью, ни твердостію избавиться не возможно. Но судя по нравамъ Римлянъ, особливо въ тѣ времена, равнодушное перенесеніе насильственной смерти ни по чему не можетъ еще служить доказательствомъ величія души и твердости: ибо не было ничего обыкновеннѣе таковаго насилія, чему весьма много примѣровъ, а изъятій весьма мало находится, и сколько достойныхъ презрѣнія и презрѣнныхъ людей умѣли рѣшительно умереть какъ въ тогдашнія, такъ и въ наши времена! Но въ семъ случаѣ было еще и другое побужденіе, то есть съ нѣкотораго времени Сенека увѣрившись, что Неронъ хотѣлъ его отравить ядомъ, питался только плодами, имъ самимъ срываемыми, и утолялъ жажду изъ своихъ источниковъ. И такъ трудно ли было рѣшиться оставить подобную жизнь? Можетъ быть нельзя доказать, что онъ имѣлъ участіе въ заговорѣ съ Пизономъ, хотя сіе столько же правдоподобно, сколько и постороннее составляетъ обстоятельство; однакожъ навѣрно полагать можно, что ему умереть было непрудно.

ГЛАВА III.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ ДРЕВНЕЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Ежели бы искуство книгопечашанія, все сохраняющее, довело до насЪ всѢ произведенія древнихЪ; то, можетЪ статься, увидѣли бы мы, что такЪ называемая поліергія или смѣшанная словесность столько же и ихЪ занимала, сколько и насЪ, и у нихЪ нерѣдки были такіе сочинители, которые о многомЪ и много писали, такЪ что нѣкоторые изЪ нихЪ могли бы вЪ томЪ поспорить сЪ нашими щворцами огромныхЪ произведеній, ежели только судить по однимЪ многочисленнымЪ названіямЪ сочиненій Плиніевыхъ, которыя хотя не дошли до насЪ, но достаточно и одного изЪ нихЪ для приобрѣтенія безсмертной ему славы. Можно однакожЪ полагать, что вЪ нѣкоторыхЪ родахЪ древніе менѣе упражнялись, нежели новѣйшіе писатели, напримѣрЪ вЪ романахЪ, которыми наша Европа во всѢ времена полико изобиловала. ПредметЪ же большей часпи нынѣшнихЪ романовЪ и обыкновенно главное достоинство древнихЪ, подобно нашимЪ драмамЪ, состоитЪ вЪ многоразличныхЪ изображеніяхЪ любви, яко изЪ всѢхЪ страстей разнообразнѣйшей: но мы видѣли, что сія страсть не была вЪ такой же степени ни вЪ сочиненіяхЪ ГрековЪ и РимлянЪ, ни вЪ

ихъ общежитїи: даже непримѣтно, чтобы Римская важность когда либо обращала вниманіе на сіи баснословныя изобрѣтенія, служащія содержаніемъ болѣе или менѣе различныхъ романовъ у всѣхъ народовъ; напротивъ того воображеніе Грековъ большую имѣло наклонность къ симъ легкомысленнымъ произведеніямъ, и отъ нихъ-то дошло до насъ нѣкоторое число оныхъ, каковы суть: *Ѳеагенъ и Хариклея, Хререй и Каллироя*, которыя хотя со стороны разнообразія приключеній и обстоятельствъ ни въ чемъ не уступаютъ нашимъ новѣйшимъ сочинителямъ романовъ, но въ нихъ тщетно стали бы искать сіи изображенія страстныхъ или нѣжныхъ чувствованїй и сіе подробное описаніе нравовъ и обыкновеній, которыя въ глазахъ нашихъ придаютъ цѣну сочиненіямъ сего рода, и тѣмъ вознаграждаютъ иногда ихъ маловажность. Сочинитель *Дафниса и Хлои* Лонгусъ имѣетъ другаго рода достоинство: онъ въ предметѣ своемъ имѣлъ единственно представить невинность пастушескихъ нравовъ во всегдашнемъ отношеніи съ тѣмъ главнымъ впечатлѣніемъ, которое одинъ полъ привлекаетъ къ другому. Простота сихъ описанныхъ имъ пастуха и пастушки изображена въ привлекательномъ видѣ; но онъ употребилъ весьма нескромныя изображенія и выраженія, которыя чтеніе сей книги дѣлаютъ вреднымъ, такъ что надлежало бы юношеству именно запретить читать оную, хотя бы то и не было принято за правило

не давать молодымъ людямъ, какъ говоритъ Руссо: совсѣмъ читать романы: но о его собственно романѣ можно присовокупить то, что онъ есть безъ сумнѣнія наизразительнѣйшій изъ всѣхъ романовъ.

Изъ Латинскихъ романовъ извѣстенъ намъ одинъ только Апулеевъ *золотый оселъ*, содержащій въ себѣ странную смѣсь нравоученія и чародѣйства, написанный самымъ плохимъ Латинскимъ языкомъ средняго вѣка; но вводная въ немъ повѣсть *о Амурѣ и Психеѣ* весьма примышлена удачно, и обогатила собою нашъ театръ лирическій, и ежели Апулей былъ изобрѣтатель сей прекрасной басни, которая одна дѣлаетъ безсмертнымъ его творенія и имя; то сей писатель въ семъ родѣ былъ одаренъ воображеніемъ, достойнымъ древней Греціи.

Что касается до учености и критики; то по справедливости отличное занимаетъ мѣсто Діонисій Галикарнасскій, о историческихъ твореніяхъ коего выше уже нами было упомянуто. Слогъ у него и повѣствованіе посредственны; но *Римскія древности* столько въ себѣ заключаютъ достоинства, что заставляютъ много сожалѣть о томъ, что изъ нихъ утрашилось: состоитъ же оное въ томъ, что изъ всѣхъ древнихъ писателей онъ наиболѣе распространилъ открытій въ разсужденіи первыхъ вѣковъ Рима, и трудился съ бо́льшимъ противъ прочихъ успѣхомъ въ согласованіи разныхъ преданій и въ объясненіи прежнихъ лѣтописателей чрезъ

взаимное сличеніе ихъ другъ съ другомъ для розысканія исторической достовѣрности. Онъ двадцать лѣтъ жилъ въ Римѣ во время Августа, и имѣлъ случай собрать тамъ всѣ нужные припасы для своего сочиненія и снабдить себя свѣденіями и несумнѣнными свидѣтельствами: руководствуется же въ семъ по примѣру Тита Ливія четырьмя по части исторіи первыхъ вѣковъ Рима наибольшую заслуживающими довѣренность писателями, то есть Фабіемъ Пикторомъ, Цинціемъ, Катономъ Цензоромъ и Валеріемъ Анціемъ, изъ сочиненій коихъ нисколько не дошло до насъ: впрочемъ у Діонисія въ сочиненіи его содержится болѣе здраваго сужденія, нежели у Тита Ливія, и онъ никакого не допускаетъ обстоятельства, не сдѣлавъ ему надлежащаго изслѣдованія, такъ что во многихъ случаяхъ изключалъ онъ все чудесное, народнымъ тщеславіемъ или суевѣрнымъ легкомысліемъ примѣшанное къ произхожденію Римлянъ и къ самымъ достопамятнымъ произшествіямъ сихъ отдаленныхъ временъ, какъ напротивъ того Титъ Ливій кажется за удовольствіе поставлялъ употреблять у себя драматическія украшенія, къ чему напримѣръ принадлежитъ и сей славный поступокъ Муція, державшаго свою руку надъ огнемъ, о чемъ Діонисій ни слова не говоритъ, а только изображаетъ Муція твердымъ и неустрашимымъ мужемъ безъ лютости и неистовства. И такъ у Діонисія одного можно почерпнуть самыя полныя свѣденія о всемъ, что касается до внутренняго

управленія во всѣхъ частяхъ онаго, такъ же вѣры, богослуженія, публичныхъ обрядовъ, игръ, торжествъ, раздѣленія народа на разныя состоянія, податей, общенародныхъ доходовъ, государственныхъ собраній, власти сената и народа, о чемъ онъ, какъ о главномъ своемъ предметѣ, съ наибольшею подробностію разсуждаетъ, отъ чего самаго, признаться надобно, у него совсѣмъ упущено то, что могло бы дѣлать повѣствованіе его занимательнымъ: ибо изслѣдованія и соображенія безпрестанно оное пресѣкаютъ, и что у Тита Ливія заключается въ трехъ книгахъ, то онъ разпространилъ въ тринадцати книгахъ. Однакожъ сіе не можетъ ему обращено быть въ укоризну; поелику мы обязаны ему познаніемъ того, чего Латинскіе историки не заботились предать намъ къ свѣдѣнію нашему, заняты будучи единственно своими согражданами и почти совсѣмъ не помышляя о прочихъ обитателяхъ земныхъ и о потомствѣ. Въ самомъ дѣлѣ двумъ Грекамъ, то есть Полибію и Діонисію одолжены мы единственно тѣмъ, что имѣемъ самыя вѣрныя и самыя полезныя свѣдѣнія обо всемъ, что касается до гражданскаго и воинскаго состоянія Римлянъ, и безъ сомнѣнія заслуживаетъ сіе похвалу, что нѣкоторые занялися тѣмъ, что другими упущено.

Долгъ отъ меня требовалъ здѣсь отдать справедливость Діонисію Галикарнасскому, котораго отличное достоинство состояло въ искусствѣ критическаго розыска-

нія по части исторіи. Что же принадлежитъ до словесности и вкуса, то, онъ съ сей стороны, какъ мнѣ кажется, былъ не иное что, по названію древнихъ, какъ грамматикъ: ибо ежели мы почитаемъ Квинтиліана первымъ риторомъ, хотя не имѣемъ судебныхъ его рѣчей, въ коихъ онъ по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ его возкресилъ здравое краснорѣчіе и честь Римскаго судопроизводства; то Діонисій, судя по сочиненіямъ его по части витійства, такъ далекъ отъ Квинтиліана, а еще далѣе отъ Цицерона, что оба они кажется писали для разборчивыхъ людей всѣхъ временъ, напротивъ того Діонисій только для учащихся: однакожъ изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы вообще правила его не были хороши и его разсужденія недовольно были основательны. Впрочемъ не касаясь безпрестанныхъ его повтореній, влекущихъ за собою то, что почти каждое изъ разсужденій его входитъ въ другое какъ по существу, такъ и со стороны подробностей, онъ въ краснорѣчіи имѣлъ кажется въ виду одну только часть, заключавшуюся у древнихъ подъ общимъ именемъ *сочиненія или сложенія*, что у Латинщиковъ называлось *compositio*, а у Грековъ синтесисъ, и содержавшую въ себѣ всѣ правила слога, словосочиненія, разныхъ оборотовъ въ выраженіяхъ и размѣщенія словъ какъ въ разсужденіи смысла, такъ и для слуха; а изъ сего слѣдуетъ, что часть трудовъ его не приноситъ намъ большой пользы, и единственно принадлежитъ къ его на-

рѣчію; потому что мы не вездѣ можемъ судить, такъ ли основательны, сколько и рѣшительны укоризны его, дѣлаемыя имъ великимъ писателямъ, у коихъ въ слогѣ поправляетъ онъ каждое слово. Не льзя такъ же въ семъ родѣ сужденія его, занимающаго у него столь важное мѣсто, не усмотрѣть нѣкотораго ученаго самохвальства, особливо когда онъ касается писателей первой степени, гдѣ онъ смотритъ болѣе на ихъ славу, нежели чувствуетъ все ихъ достоинство, и хотя мы находимъ нѣсколько подобныхъ въ семъ родѣ замѣчаній у Цицерона и Квинтиліана, но въ весьма маломъ числѣ и притомъ съ такимъ сдѣланы выборомъ, что они всякому понятны; напротивъ того замѣчанія Діонисіевы чаще бываютъ вразумительны только однимъ его единоземцамъ. Впрочемъ вы припомнить можете, что въ семъ единственно состояла обязанность каждаго грамматика, которые учили молодыхъ людей разбирать стихотворцевъ и ораторовъ, показывая имъ употребленіе языка и слога и силу въ размѣщеніи и выборѣ словъ. Діонисій не разпространяется далѣе сихъ предметовъ, однакоже онъ, кажется, далѣе, нежели слѣдуетъ, возвышаетъ ихъ важность, долженствующую всегда быть въ соразмѣрности съ прочими предметами. Пощажены имъ только Омиръ и Димосѳенъ; но онъ весьма жестоко нападаетъ на Ѳукидида и Платона, и безпрестанно преслѣдуетъ перваго, даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, хотя и возвѣщаетъ при всякомъ случаѣ, что онъ хо

четь отдать справедливость отличному ихъ дару, однакожъ не смотря на сіе, онъ много симъ цѣны своей терять будетъ, хотя бы сужденія его и были столько же основательны, сколько старается ихъ выказать важными. Но что принадлежитъ собственно до Θукидида, то мы по крайней мѣрѣ въ силахъ будемъ показать цѣну главнѣйшихъ укоризнъ, касающихся до порядка у него, разположенія и повѣствованія: ибо въ разсужденіи сего наблюдаются во всѣхъ языкахъ одинаковыя правила, и нѣтъ никакой вины въ томъ, что Діонисій почитаетъ хулы достойнымъ, порицая Θукидида за то, что онъ повѣствованію своему дѣлаетъ раздѣленіе по зимамъ и лѣтамъ; но историкъ сей повѣствуя о войнѣ, раздѣляетъ ее на походы, что довольно естественно и въ подобныхъ случаяхъ даже употребительно и у новѣйшихъ историковъ. И такъ нѣтъ совсѣмъ погрѣшности въ семъ разположеніи, а еще менѣе въ выборѣ содержанія; и хотя правду сказать, сочиняя даже исторію, надлежало бы обращать нѣкоторое вниманіе на существо содержанія, которое не всегда равно сообѣтствуетъ любопытству и наставленію, однакожъ трудно понять, чего хочется Діонисію Галикарнасскому, когда онъ Θукидиду вмѣняетъ даже въ преступленіе то, что онъ трудился надъ описаніемъ Пелопоннисской войны, извѣстной пагубными слѣдствіями всякаго рода злодѣяній и всѣхъ бѣдствій, каковыя могутъ произойти отъ честолюбія, зависти и раздора,

которую Діонисій для противуположенія сравниваетъ съ эпохою, избранною Иродотомъ, ознаменовавшеюся твердостію и великодушіемъ Грековъ. Но развѣ исторія тогда столько наставляетъ и достойна вниманія, когда описываетъ щастливыя времена и величіе? Развѣ изображаемые ею примѣры зла и добра не равно служатъ поученіемъ для послѣдующихъ вѣковъ, и не уже ли поселенїе ужаса къ преступленіямъ менѣе приноситъ пользы, нежели поощреніе къ добродѣтели? Послѣ того, какъ Иродотъ показалъ, колико Греки были велики во время ихъ согласія и единодушія, какое Ѳукидидъ могъ лучше преподать наставленіе, какъ изобразивъ зло и срамъ, навлеченные ими во время ихъ упорныхъ раздоровъ и гибельнаго соперничества? И развѣ не заключаетъ въ себѣ пользы то, когда онъ описывалъ такія произшествія, коихъ былъ самъ очевидцемъ? Благоразумнѣе ли поступаетъ критикъ, который укоряетъ его въ весьма колкихъ словахъ за то, что онъ съ такою точностію обнаружилъ всѣ постыдныя дѣла разныхъ единомышленниковъ, посрамившихъ себя попеременно или вообще вдругъ вѣроломствомъ, неправдою и безчеловѣчіемъ, такъ какъ будто бы на историка должна пасть вся гнусность того, о чемъ онъ повѣствовать долженъ? Такое неблагонамѣреніе весьма странно въ человѣкѣ, который впрочемъ кажется отъ природы разсудителенъ: ибо онъ признается и на многихъ мѣстахъ повторяетъ, что Платонъ и Ѳукидидъ пользу-

ются величайшею славою и почитаются образцами достойными подражанія; первый для философовъ, а послѣдній для историковъ, и въ тоже время мнитъ опровергнуть сіе мнѣніе, противополагая безпрестанно погрѣшности въ ихъ слогѣ совершенству Димосѳенову. Но во первыхъ достоинство, каковое свойственно историку и философу даже со стороны слога, разнствуетъ отъ достоинства витіи, что однакожъ Діонисій, кажется, оставилъ безъ вниманія, и судя по ѣдкости замѣчаній его, можно заключить, что онъ обижается уваженіемъ имъ воздаваемымъ. Я однакожъ не виню его въ семъ очевидномъ пристрастіи; потому что онъ можетъ быть имѣлъ какія нибудь особливыя предубѣжденія, отъ которыхъ едва ли кто бываетъ свободенъ, и даже добродушный Плутархъ написалъ разсужденіе *о злонравіи Иродота*, но единоземецъ его Діонисій увѣряетъ насъ, что сей писатель *во всѣхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ прямый и честный.* Изъ всего здѣсь сказаннаго заключить съ вѣроятностію можно только то, что хотя Діонисій Галикарнасскій имѣлъ вообще здравый разсудокъ, но понятія его были недовольно ясны. Разсудокъ же его доказывается тѣмъ, что изключая Платона и Ѳукидида, онъ изображаетъ стихотворцевъ, витій, историковъ и философовъ Греческихъ съ довольною точностію, такъ что Квинтиліанъ по сей части много имъ пользовался, а иногда даже почти повторялъ сказанное имъ; но не менѣе того усматри-

вается недостатокъ ясности въ общихъ изображеніяхъ по неопредѣленности раздѣленій и разпредѣленій, обыкновенно влекущихъ за собою двусмысліе и нерѣдко противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, когда оно очевидно, и такъ же въ томъ, что онъ называетъ своими сокращеніями, которыя не иное что суть, какъ длинныя и скучныя повторенія, не убѣждающія въ прежде сказанномъ и не объясняющія онаго. Ежели судитъ о Діонисіи какъ о писателѣ, то въ поучительныхъ его сочиненіяхъ онъ слабъ, утомителенъ, многословенъ, не достаетъ у него пріятности, разнообразія и возвышенія: говоря же о немъ, какъ о критикѣ, то всѣ его умозрѣнія заключаются въ одной мысли, которая хотя по существу своему справедлива, но отнюдь не такъ, какъ должно, изложена, и къ тому же затмевается пространными и мѣлочными ссылками. Вотъ содержаніе: Платонъ, Сократъ и Ѳукидидъ имѣютъ красоты и недостатки въ витійственномъ слогѣ, и всѣ трое впадаютъ въ погрѣшности отъ принужденія, первый въ высокомъ, второй въ соразмѣрности, а третій въ мысляхъ, отъ чего происходитъ, что первый бываетъ иногда высокопаренъ, второй часто единообразенъ, а третій нерѣдко теменъ; что между предпочитавшими простый слогъ, Лисій имѣлъ всѣ пріятности соединенныя съ простотою, никогда не опускаясь, но и никогда такъ же не возвышаясь. Между сими двумя крайностями Діонисій полагаетъ такъ имъ назы-

ваемый, по мнѣнію моему весьма неправильно, *средній родъ* или *слогъ*, котораго все достоинство состоитъ въ витійственной чистотѣ и Аттической простотѣ, соединяемой съ величественностію фигуръ въ мысляхъ и убѣдительностію въ словахъ, безъ всякой однакоже натяжки въ образѣ рѣчи и въ мысли, и что симъ *среднимъ слогомъ* писалъ Димосѳенъ. Въ семъ заключается содержаніе огромной книги о риторикѣ, которую можно бы было сократить тремя четвертями, и лучше бы надлежало сообразить и объяснить изложенное въ ней. Весьма неприлично полагать двѣ крайности, то есть показывать два примѣра погрѣшностей въ двухъ родахъ писателей, изъ коихъ первый, куда причисляются Лисій, Есхинъ и Иперидъ, долженъ служить, по признанію самаго Діонисія, образцемъ слога ими избраннаго, и имѣетъ только тотъ недостатокъ, что не величественъ, а составляющіе другой родъ погрѣшали въ томъ, что во зло употребляли высокія качества, каковыя усматриваются повсюду у Платона, Исократа и Ѳукидида, то есть у перваго благородство и обиліе мыслей, у втораго согласіе и великолѣпіе въ слогѣ, а у послѣдняго сила и глубокомысліе. Въ семъ сужденіи только то справедливо, что все совершенство находится въ самомъ дѣлѣ между двумя крайностями, и что Димосѳенъ обыкновенно болѣе, нежели прочіе Греческіе писатели, приближался къ первой, и удалялся отъ послѣднихъ крайностей: но когда слогъ его простъ и чистъ, онъ

подобенъ Лисію; когда высокъ, Платону; а когда силенъ, Оукидиду; и самъ Діонисій сіе примѣтилъ; поелику говоритъ, что Димосѳенъ подражалъ всему тому, что было изящнѣйшаго у его предшественниковъ. Хотя сіе справедливо, однакожъ отнюдь не даетъ намъ понятія *о среднемъ слогѣ*, а показываетъ только отмѣнный умъ, который искусно пользовался всѣми прочими умами, приближаяся ко всему изящному въ нихъ и уклоняяся отъ ихъ погрѣшностей.

Въ другомъ родѣ сатирическій нравственный писатель Лукіанъ хотя родился въ Самосатѣ Сирійскомъ городѣ, и жилъ во время Антониновъ, когда Греческая и Римская словесность равномѣрно были въ упадкѣ; однакоже онъ почитается въ числѣ классическихъ писателей въ разсужденіи *чистоты и изящества слога*, котораго впрочемъ по примѣру послѣдняго его переводчика не могу я рѣшиться назвать *изящнѣйшимъ умомъ Греціи:* ибо сіе значило бы слишкомъ возвеличить его достоинство и цѣну снисхожденія переводчика его къ предосужденію Ксенофонта и Платона, которымъ принадлежатъ сіе долженствуетъ. Хотя многочисленныя его сочиненія доказываютъ умъ, остроту и колкую шутливость, но во всѣхъ почти въ нихъ мысли и шутки единообразны; всѣ они писаны будучи на одинъ образецъ, то есть въ видѣ разговоровъ, имѣютъ всегда въ предметъ своемъ боговъ и софистовъ, надъ коими онъ непрестанно издѣвается, и его сатиры противъ нихъ раз-

личаются только заглавіями: онъ есть немилосердый бичъ для всякаго рода суевѣрія и обольщеній; но не наблюдаетъ въ томъ разборчивости, и на ряду съ самыми презрѣнными софистами спавитъ даже тѣхъ самыхъ, которыхъ въ другомъ мѣстѣ выхваляетъ, какъ истинныхъ философовъ, напримѣръ Сократа и Аристотеля, присвояя имъ глупыя и сумасбродныя рѣчи, чего они никогда не говаривали; словомъ хотя Лукіанъ имѣетъ сатирическую способность, но имѣетъ такъ же и странное свойство смѣхотвора, жертвующаго всѣмъ желанію своему, чтобы подать случай къ смѣху; хотя же во многихъ его разговорахъ усматриваются остроуміе и замысловатыя мысли, но во многихъ такъ же не достаетъ соли, а иныя вовсе ничего не значатъ. Однакожъ совсѣмъ тѣмъ онъ былъ одаренъ даже изобрѣтательнымъ воображеніемъ: ибо по части сатирическаго иносказанія нѣкоторые именитые писатели пользовались его вымыслами, какъ-то Свифтъ для своего Гулливера заимствовался весьма замысловатымъ его сочиненіемъ подъ названіемъ *истинная исторія*, а Апулей писатель около средняго вѣка изъ другой столь же хорошей Лукіановой повѣсти подъ названіемъ *оселъ* извлекъ своего *золотаго осла*, который хотя по намѣренію своему нравоучителенъ, однакоже не спо́итъ подлинника своими забавными чудесностями, такъ же страннымъ и нелѣпымъ содержаніемъ, хотя къ сему, какъ кажется, и подалъ Лукіанъ первую мысль.

По части исторіи, касающейся до художествъ и ихъ достопамятностей, Греческая древность можетъ противупоставить своего Павзанія лучшимъ новѣйшимъ произведеніямъ, который былъ почти современникъ Лукіану, и между тѣмъ, какъ сей послѣдній издѣвался надъ языческимъ баснословіемъ, Павзаній описывалъ изящныя произведенія по части зодчества, ваянія и живописи, которыя не мало способствовали къ возвеличенію сего рода вымысловъ; слогъ у него ясенъ и плодовитъ, такъ что имѣя въ рукахъ книгу его, кажется путешествуешь по древней Греціи, и какъ будто всю ее онъ намъ представляетъ: однакоже совсѣмъ тѣмъ воображеніе въ семъ случаѣ столь мало удовлетворяетъ чувства, что кто видѣлъ хотя развалины нынѣшней Греціи, тотъ имѣетъ несравненно больше понятія о томъ, что такое она была прежде, нежели тѣ, которымъ она извѣстна только изъ описанія Павзаніева.

Судя по тому, что древніе, особливо Цицеронъ, упоминаютъ о учености Варрона и о его важномъ твореніи, касающемся до *Римскихъ древностей*, которое не дошло до насъ, можно полагать, что оно предметомъ своимъ имѣло почти тоже самое въ отношеніи къ Риму, что содержится въ описаніи у Павзанія о Греціи, и онъ былъ человѣкъ весьма ученый; однакожъ болѣе въ немъ похваляемы были здравое сужденіе и обширныя свѣденія, нежели слогъ и его способности: остались же изъ сочиненій

его только: разсужденіе его о Латинскомъ языкѣ, изъ коего нынѣшніе словесники немалую для себя почерпнули пользу, и другое его разсужденіе о земледѣліи, которое однакоже менѣе уважается со стороны слога, нежели таковое же сочиненіе Колумеллы. Витрувій не только въ дошедшемъ до насъ сочиненіи о зодчествѣ отличается красивымъ слогомъ, но онъ мыслитъ и изъясняется о художествахъ, какъ человѣкъ, который умѣлъ цѣнить ихъ достоинство и судитъ о правилахъ, касающихся до изящнаго во всѣхъ родахъ. Наконецъ историческія и другія различныя описанія Еліана, Аѳенея, Діогена Лаерція, Валерія Максима, Авла Геллія, Макробія и прочихъ, которыя походятъ на новѣйшія сего рода *собранія*, вознаграждаютъ любопытство тѣхъ, которые хотятъ доставить оному удовольствіе со стороны познаній разныхъ произшествій и достопамятныхъ случаевъ, или пріобрѣсть наставленіе посредствомъ изслѣдованій разнаго рода, извлекая изъ того одно существенное и отмѣтая все неосновательное и маловажное. Но я долженъ здѣсь заключить сей родъ критическаго сужденія о сочиненіяхъ, въ которомъ не льзя далѣе распространиться, не нарушивъ нашего плана и не коснувшись такихъ предметовъ, которые къ тому не принадлежатъ.

КОНЕЦЪ.

ЛИКЕЙ

5